

Борис Титов

18+

*Тернистый путь
к dolce vita*

Борис Александрович Титов

Тернистый путь к dolce vita

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65794245

SelfPub; 2022

Аннотация

В повести «Тернистый путь к dolce vita» рассказывается о злоключениях юной провинциалки, приехавшей в Северную столицу с одной-единственной целью – выйти замуж за олигарха. Взлетая и падая, она отчаянно карабкается по жизни, стремясь выжить в этом суровом мире, мечтая преуспеть. Но всегда ли мечты реализуются или жизнь – это американские горки: вверх-вниз, вверх-вниз, вверх-вниз.

Содержание

Год первый	4
Год второй	44
Год третий	70
Год четвертый	150

Борис Титов

Тернистый путь к dolce vita

Год первый

«И все-таки в Москву за счастьем прутся толко полные дуры! Она и без того прямо-таки нашпигована провинциальными красотками, уверенными в своей неотразимости и в том, что именно их не хватает столичным толстосумам для полного счастья. Ага, как бы не так! В Москве на каждого богатенького Буратино приходится не одна сотня, если не тысяча, охотниц за тугими кошельками. Там не пробиться. Слава Богу, в России есть еще одна столица, да к тому же культурная. Олигархов там тоже хватает, а вот желающих заполнить их в мужья куда как меньше. А значит, и конкуренция среди нас, умниц и красавиц, не такая уж и жесткая. Впрочем, о чем это я? Я молода, хороша собой, да к тому же умна. С моими-то данными женить на себе сына олигарха особого труда не составит. А еще лучше – самого олигарха, причем чем старше он будет, тем больше у меня шансов остаться молодой богатой вдовой. Ох, и развернулась бы я тогда!» – так размышляла юная Маша, подъезжая к городу на Неве в плацкартном вагоне поезда, следовавшего по маршруту Ростов-на-Дону – Санкт Петербург.

***

После окончания школы она убедила родителей, что полученных ею на ЕГЭ баллов вполне достаточно для поступления в любое высшее учебное заведение. Но сама-то прекрасно знала, что ей не светит ни один провинциальный вуз, что уж говорить о столичных! Однако, положившись на русский авось и на свое неотразимое, как она считала, обаяние, Маша решила отправиться покорять Санкт-Петербург. Ну не могла она – первая поселковая красавица и умница – остаться в этой дыре!

Деньги собирала, что называется, с миру по нитке. Клянчила у обеих бабушек, раскрутила не чаявшую в ней души бездетную тетку, вытрясла из родителей все их сбережения, но собрать нужную сумму ей так и не удалось. Даже добытые ценой потери девственности десять тысяч не спасали положения.

***

Все ее приятельницы, включая самых страшненьких, лет с пятнадцати хвастались своими сексуальными похождениями. Рассказы конопатой Аньки о том, как все одноклассники отымели ее в квартире у такого же, как она, рыжего Коновалова, были особенно колоритными и похабными. Причем

каждый раз они обрастали все новыми и новыми пикантными подробностями, но девиц это ничуть не смущало, и они, затаив дыхание, с вожделением слушали рассказчицу, подначивая ее на изложение сальных подробностей. Никого из них не интересовало, правда это или плод ее ущербной фантазии, но популярности Аньке ее рассказы явно прибавили, тем более что среди, как она выражалась, «жеребцов» якобы были и те, о ком другие девчонки тайно вздыхали.

Маша ни в коей мере не была сексуально озабочена. Для себя она твердо решила, что не станет швырять свою девственность под пьяненького подростка, а подарит тому единственному, который станет ее мужем, или уж в крайнем случае продаст подороже.

И вот он, этот крайний случай... Достаточную сумму для оплаты обучения Маша собрать так и не смогла, и тут она вспомнила о Степане – сыне бывшего председателя совхоза, давно и безнадежно в нее влюбленном.

***

В поселке, где жила Маша, находился мясокомбинат – единственное предприятие, куда местные могли устроиться на работу. Здешние жители, казалось, напрочь забыли исконное название своего поселка, теперь это был Мясокомбинат. В советские времена здесь процветал совхоз с садами, теплицами и полями, но в девяностые все пошло прахом.

Земельные угодья и средства, вырученные от продажи оборудования и техники, поделили между сельчанами, которые, впрочем, вовсе не рвались заниматься земледелием. Позже неизвестные люди скупили землю и построили у реки коттеджный поселок. Вопреки замыслу застройщиков дома не продавались, и местные жители потихоньку их разобрали и растащили всё, вплоть до фундамента. От безделья и нищеты люди стали спиваться. Пили все, даже дети.

Между тем бывший председатель стал скупать у односельчан скот, который сам же и забивал, а мясо продавал на ростовском рынке. Пьющие по-черному мужики сбывали ему всю домашнюю живность. Бывало, притащит такой бедолага поросенка и сдаст за бесценку, лишь бы на опохмел хватило. Вслед за ним прибегает жена и с воем требует скотину обратно. Председатель возвращает ее, но уже по куда более высокой цене. Впрочем, через неделю-другую живность снова оказывается у него.

Когда в своем дворе бывшему председателю стало тесно, он выкупил близлежащие дома, а затем на краю поселка построил мясокомбинат с колбасным цехом, после чего односельчане стали величать его не иначе как хозяином. И мужик действительно чувствовал себя таковым: ведь все и всё в поселке принадлежало ему.

У хозяина был сын Степан, на год моложе Маши. Он разъезжал по поселку на «Мерседесе» и, как и его отец, чувствовал себя хозяином жизни. Все девицы мечтали о нем. Все,

кроме Маши. А он был влюблен в нее еще с раннего детства и не скрывал своего к ней отношения. Если кто-то на поселковой дискотеке отважился пригласить Машу на танец, то такого смельчака ждала незавидная участь: его жестоко избивали подручные маленького хозяина.

Мучительно размышляя, где взять недостающую на поездку сумму, девушка вспомнила о своем давнишнем воздыхателе. Подкараулив Степу на улице, она решительно шагнула ему навстречу и без всяких предисловий выпалила:

– Я согласна переспать с тобой, но имей в виду: это будет дорого тебе стоить.

– Сколько? – не растерявшись, деловито спросил Степа.

– Десять тысяч! Мне надо десять тысяч! – четко и вызывающе произнесла Маша, хотя внутри у нее все сжалось. Она боялась, что, услышав такую огромную, в ее представлении, сумму, Степан рассмеется ей в лицо и просто пошлет по-дальше. Но он молча кивнул.

– Так ты согласен? – растеряно спросила девушка.

– Встретимся завтра, красотка! – похотливо глядя на нее, ухмыльнулся Степа.

Вечером он стащил у отца деньги, пропажу которых тот и не заметил. Впрочем, подобное в их семье было не редкостью.

На следующий день Степан привез Машу в один из гостевых домиков отца на берегу Дона. Едва за ними захлопнулась дверь, он решительно привлек девушку к себе и попы-

тался ее поцеловать.

– Вот только без этих телячьих нежностей! – категорично заявила она, ловко вывернувшись из его объятий, – надеюсь, ты не забыл презервативы? И деньги вперед!

Степан молча сунул ей в руку десять тысяч.

– Ну давай, – обреченно вздохнула Маша.

– Чего давай? – удивился парень.

– Ну делай свое дело.

– Так ты хотя бы разденься!

– Отвернись, – буркнула Маша и, сбросив с себя сарафан, юркнула в постель.

Степан долго возился с презервативом, а когда справился, подошел к кровати и сдернул одеяло.

– Нет, мы так не договаривались, – запротестовала она, вновь натягивая его на себя.

– Ну хоть трусы-то сними.

Парень громко сопел Маше в ухо и никак не мог попасть в вожаденное место. Наконец ему это удалось, и девушка сжалась в ожидании сильной боли, но Степа вдруг так вскрикнул, что от испуга она ничего не почувствовала.

– Все, что ли? – осторожно спросила Маша.

– Нет, это только начало, – зло буркнул Степан, уязвленный своей скорострельностью. Ведь он имел у местных девиц репутацию мачо, а тут такой конфуз... И перед кем – перед Машкой, о которой он грезил столько бессонных ночей!

– Ты чо, целочка, что ли?! – воскликнул он удивленно,

встав с постели и разглядывая презерватив.

– А ты как думал, – буркнула Маша и поняла, что здорово продешевила, продав свою невинность за десять тысяч.

Словно прочитав ее мысли, Степан порылся в карманах, вынул оттуда пару помятых сотен, аккуратно разгладил и отдал ей.

Они еще несколько раз встречались в этом домике и после каждой встречи Маша клала в сумочку несколько приятно похрустывающих купюр. Провожая ее в Ростов, Степан сунул ей в руку деньги, за что удостоился нежного поцелуя.

– Заканчивай школу и приезжай в Питер, я буду тебя ждать, – тихо сказала Маша, глядя парню в глаза. «Ну прямо сцена из мыльной оперы», – усмехнулась она про себя.

***

Чем ближе подъезжали к Петербургу, тем тревожнее становилось у Маши на душе. Девушку пугала неопределенность, ожидавшая ее в большом незнакомом городе. Монотонный стук колес и резкий запах хлорки, исходивший из туалета, усиливали нахлынувшее беспокойство. По телу пробежала мелкая дрожь.

Маша стащила с багажной полки большой чемодан и достала загодя подготовленные листки с планом города, где был указан маршрут от московского вокзала до технологического института.

– Поезд прибывает в конечный пункт, прошу подготовиться к выходу, – раздался зычный голос проводницы.

– Ну, здравствуй, город! – тихо сказала она, выйдя на перрон. – Надеюсь, мы с тобой подружимся...

***

Маша знала, что для поступления на бюджет баллов ей катастрофически не хватает и рассчитывать она может только на платное обучение. Но когда выяснилось, что там тоже существует конкурс, ее охватила паника. «А вдруг не пройду? – с ужасом думала она. – Не хватит баллов и придется возвращаться в эту дыру, из которой всю жизнь мечтала выбраться. Все и так считали мою поездку блажью и глупостью, а тут такой облом... Нет, возвращаться нельзя ни при каких обстоятельствах!» – твердо решила Маша.

В приемной комиссии ей подсказали, что если она внесет плату за обучение сразу, то гарантированно будет зачислена в первой волне, и если даже потом проходной балл окажется выше, она останется в списке поступивших. Маша так и сделала.

***

К счастью, платить надо было только за один семестр, а не за год, как думала Маша. Денег хватило и на оплату обу-

чения, и на общежитие, да еще и на еду осталось. Сложившаяся ситуация создала иллюзию некоего постоянства, которое, впрочем, как и все в этой жизни, оказалось хрупким и недолговечным.

Первого августа Маша была зачислена в университет, и счастью ее не было предела. В «Одноклассниках» она написала подружкам торжественное сообщение:

«Всем, всем, всем! Теперь я типа студентка знаменитой Технологички, где Менделеев изобрел водку, а я здесь буду бухать.

Мясокомбинат, ты можешь гордиться тем, что твоя бывшая жительница покоряет культурную столицу».

Девушка пребывала в полнейшей эйфории. Все складывалось наилучшим для нее образом. Парни наперебой приглашали Машку Зажигалку (так они ее прозвали) в ночные клубы. Однако она была разборчивой и выбирала только тех, у кого водились деньги, но и нищие, и богатые хотели одного – секса. Маша же с этим не спешила. «Какая слава пойдет обо мне в университете, переспи я хоть с одним из них», – рассуждала она. Уж в чем, в чем, а в неумении сильного пола держать язык за зубами и, более того, в его нечистоплотности и склонности выдавать желаемое за действительное Маша убедилась еще в школе, когда один из старшеклассников стал на каждом углу распространяться о якобы имевшем месте сексе с ее подружкой Алиной. Разумеется, ничего подобного не было, просто парень таким образом мстил ей за то,

что она отвергла его ухаживания.

***

В группе, как и в классе, Маша оказалась самой красивой девушкой, но вот с интеллектом и манерами дела у нее обстояли далеко не лучшим образом. Матом изъяснялись многие, особенно иногородние, но Маша по этой части переплюнула всех. В особый раж она входила, общаясь с уроженками культурной столицы. В их присутствии у Маши возникал абсолютно не свойственный ей комплекс неполноценности. В этих девушках ее бесило абсолютно все: и их доброжелательность, и спокойная манера общения, и чувство собственного достоинства без малейшего намека на спесь, а больше всего – их умение выражать свои мысли лаконично, но при этом четко и ясно. Маша в их присутствии чувствовала себя абсолютно не в своей тарелке и материлась куда как больше обычного, что было своеобразной попыткой сохранить свой статус-кво. Впрочем, они редко оказывались в одной компании и до открытых конфликтов дело не доходило.

Однажды, когда Маша в перерыве между лекциями эмоционально рассказывала одногруппникам, как она отрывалась накануне в ночном клубе, по обыкновению используя ненормативную лексику в запредельном количестве, проходящий мимо преподаватель, обращаясь к окружившим ее парням, заметил:

– Имейте в виду, молодые люди, в своей семье эта особа будет общаться точно так же и с мужем, и с детьми, и со свекровью. Вас это устроит?

Этот инцидент подействовал на Машу отрезвляюще. И когда после случившегося ряды ее ухажеров заметно поубавились, она, будучи девушкой неглупой, поняла, что надо срочно менять свой имидж. Сложившийся образ провинциальной хабалки однозначно помешает воплощению ее заветной мечты. Несколько вечеров Маша провела в университетской библиотеке, усердно изучая книги по культуре речи. Но ее энтузиазма хватило ненадолго, и все вернулось на круги своя...

Училась Маша с удовольствием. Дисциплины по направлению «реклама и связи с общественностью» были интересными, а главное, не требовали приложения особых усилий в их изучении. Поэтому времени на развлечения у нее оставалось, как говорится, вагон и маленькая тележка, и все свободное время она проводила в клубах. Правда, когда парни поняли, что секс ни с одним из них не входит в планы девушки, они тут же перестали платить за нее. Пришлось Маше и входной билет в клуб, и выпивку покупать самой, в результате чего в ее бюджете образовалась изрядная брешь. Проще говоря, денег почти не осталось...

***

Маша шла по Невскому проспекту. С осеннего свинцового петербургского неба шел дождь со снегом. Мокрый снег под ногами пешеходов моментально превращался в грязное месиво. Фонари тоскливо освещали снежную жижу на сером асфальте. Ледяные капли дождя попадали за воротник и стекали по тонкой шее. Зябко поеживаясь, она впервые за все время с тоской вспоминала родной Мясокомбинат: там сейчас тепло и солнечно, цветы, фрукты... А здесь мрак, пронизывающий до костей ветер. Стылая масса хлюпала в сапогах, отдавая холодной дрожью во всем теле. Сапоги прохудились, а другой теплой обуви у нее не было.

Маша нашла в «Яндексе» мастерскую по ремонту обуви, располагавшуюся неподалеку в переулке, и теперь двигалась туда по навигатору.

– Э-э-э, так они у тебя совсем развалились, проще купить новые, чем чинить эти, – покачав головой сказал сапожник – крепко сбитый армянин с добрым улыбчивым лицом.

– А может быть, все-таки почините? – жалобно спросила Маша.

– Только для такой красавицы сделаю, но это ненадолго, здесь пришивать не к чему.

– Сколько возьмете? – обрадовалась Маша.

– Сделаю за полцены – шестьсот рублей.

У нее в кармане лежали последние пять сотен, и где взять деньги, она не имела ни малейшего представления. Недавно присланные родителями десять тысяч Маша раздала креди-

торам, и на эти пятьсот рублей надо было жить целый месяц. Она встала и молча вышла из мастерской.

– Вот и правильно, купи новые, слушай, – душевно бросил ей вдогонку мастер.

День выдался напряженным, Маша очень устала, а до общаги в целях экономии предстояло добираться пешком. С самого утра она ничего не ела и под ложечкой отчаянно подсасывало. Маша вспомнила, что у нее есть еще полмешка присланной родителями картошки. « Попрошу у кого-нибудь из девчонок подсолнечного масла, нажарю картошечки и наемся от души », – мечтала девушка. Эта идея придала ей сил, и она ускорила шаг. Но когда Маша проходила мимо булочной, запах свежей выпечки притянул ее как магнитом. Она купила половинку батона и, стоя у магазина, жадно поела хлеб.

– Ну что, красавица, проголодалась? А я как раз подыскиваю компанию для ужина. Пойдем со мной, не пожалеешь! – услышала Маша за спиной веселый голос.

Она оглянулась. Рядом стоял восточного типа мужчина средних лет.

– Вот, приехал из Турции по делам бизнеса. Весь день бродил по Петербургу, продрог и проголодался, пойдем поедим, – повторил он свое приглашение и без лишних церемоний подхватил девушку под руку.

Маша не стала отнекиваться – все-таки голод не тетка, а ресторан находился совсем рядом. Вскоре они уже сидели за

столиком, заставленным разносолами. Ахмет, так звали нового знакомого, явно не был скупым человеком. Маша с жадностью поглощала одно блюдо за другим, ей было совершенно не до соблюдения приличий. Но Ахмета это совершенно не шокировало – он услужливо подвигал тарелки с едой поближе к девушке и смотрел на нее с явным одобрением. Сам же он ел мало, зато говорил без умолку: рассказывал о странах, в которых ему довелось побывать.

– Ты непременно должна увидеть эти сказочные красоты! – заявил Ахмет, когда сытая Маша в изнеможении откинулась на спинку стула. —Видеозаписи на флэшке, а флэшка в номере, – хитро улыбнувшись сказал он и повел ее в гостиницу.

Разомлевшая от еды девушка покорно последовала за своим спасителем. Как только они оказались в номере, стало понятно, что Ахмет если и собирался что-то показать, то уж точно не видео с достопримечательностями. У Маши не было ни сил, ни желания сопротивляться. «От меня не убудет, – вяло подумала она, а он вроде бы собирается здесь задержаться... Может, составлю ему компанию... Кажется, не жадина, глядишь, и денег даст...»

Денег турок дал, но продолжить отношения не предложил. А позже Маша тысячу раз проклинала себя за легкомыслие. Ахмет действительно оказался «достойным похвалы» (так, по его словам, переводилось его имя): он наградил ее сифилисом, и ей долго, да еще при этом дорого пришлось

лечиться.

После этой злополучной истории Маша отправила подругам сообщение в «Одноклассники»:

«Девчонки, вы достали меня своими вопросами, как стать такой же счастливой, как я? Слушайте и учитесь. Счастье – это ощущение полной свободы. Когда не надо заморачиваться на всяких запретах. Когда ты свободен от предрассудков, от комплексов, от страхов. Когда ты чувствуешь жизнь как ощущение полета. Даже в отношениях важно чувствовать себя свободной, потому что когда ты боишься потерять своего парня, терзаешься ревностью, ты не свободна. Не он, а ты. Отпустите свои мысли, дышите полной грудью! Говорите “да” новым людям, новым городам, новому ветру».

А в «Фейсбуке» поместила свой первый пост:

«Терзаюсь в сомнениях. Благодаря моему ангельскому характеру, красоте и природному обаянию я познакомилась со знойным турком. Встретились за обедом в “Европе”. Он так ласкал меня взглядом, что я млела от удовольствия. А потом подошел ко мне и, извинившись, заявил, что не может уйти, не вдохнув аромат моего тела. Я прямо-таки обомлела, никто и никогда мне такого не говорил. Он пригласил меня на ужин. Я, конечно, приделалась, и он весь вечер восхищался моим нарядом.

Потом он предложил прогуляться под Луной. Он так и сказал: “Я хотел бы прогуляться с одной красавицей под све-

том другой”. Ну и весь вечер бла-бла-бла... Словом, сама не заметила, как мы оказались в его номере. Он без конца ласкал меня и делал все, чтобы я достигла наивысшей точки наслаждения. У меня от удовольствия закружилась голова, и я забыла обо всех своих мужчинах.

Он предложил мне руку и сердце, а я вся в нерешительности. За мусульман выходить замуж страшиновато: вдруг у него там, в Турции, уже целый гарем, все замотанные и я среди них.

А потом язык... Хоть он и хорошо знает русский, все же надо будет общаться с другими турками. Мне кажется, я никогда не выучу их тарабарский язык.

Все подружки говорят, что в Европе на нас женятся для налогового послабления, а за турком как за каменной стеной, всем обеспечит и работать не позволит. Красота! Ой, прямо не знаю, как быть. Жду, друзья, ваших советов».

На Машин пост поступило множество откликов, и со своими фантазиями она вскоре стала весьма популярной блогершей.

***

В группе уже не было ни одного человека, у кого Маша не одалживала бы деньги, она бегала от кредиторов, и положение становилось критическим.

– Послушай, – обратилась она к сокурснице, у которой

всегда водились деньжата, – я уже должна тебе, но пока не могу вернуть, родители вот-вот пришлют, и я расплачусь, не могла бы ты одолжить еще пару тысяч.

– Денег я тебе больше не дам, но заработать помогу.

– Ой, правда?! – воодушевилась Маша. – Подсоби, век не забуду!

– Сегодня я как раз в запарке, а мне надо одной бабуле лекарство доставить. Съезди к ней, передай пакет, забери деньги за лекарство, и две тысячи твои.

Маша не верила своему счастью: вот так просто можно заработать две тысячи! Да ей хватит их до конца месяца! Грешным делом она боялась, что сокурсница предложит ей заняться проституцией, и вдруг такая лафа!

Так Маша оказалась в группе аферистов, занимавшихся распространением «чудодейственных» лекарств от рака.

Разумеется, она понятия не имела, как работала вся цепочка. Вероятно, врачи сообщали организаторам аферы адреса одиноких стариков, больных раком в последней его стадии. Им звонили из якобы благотворительной организации и предлагали чудотворный израильский препарат, увы, не запатентованный в России, а потому запрещенный для продажи в этой стране. Цены были высокие, но в пределах двухсот-трехсот тысяч: как правило, именно такие суммы откладывали старики на похороны. Если те соглашались, их посещал курьер, передававший лекарство. По замыслу организаторов это должна была быть простоватая, миловидная де-

вушка. И здесь в игру включалась Маша, которая рассказывала бедолагам пару-тройку историй чудесного исцеления и оставляла свой телефон на тот случай, если понадобится дополнительная доза. Система работала четко и безотказно. Весь фокус заключался в том, что старикам давали не пустышку, а дешевый наркотический препарат, облегчавший их страдания и таким образом создававший иллюзию излечения. Старики либо умирали, либо, что случалось реже, заказывали очередную порцию «лекарства».

– Не долечился, – сообщали они. – Требуется еще.

И здесь снова появлялась Маша. Дело было прибыльным для всех звеньев преступной цепочки. Практически не прилагая никаких усилий, она не только в кратчайший срок рассчиталась со всеми долгами, но и существенно обновила свой гардероб и даже смогла снять квартиру, съехав с ненавистой общаги.

Окрыленная своим успехом, Маша направила сообщение бывшим одноклассникам:

«Вика, Алина, Наташа, Оксана, Эля, Ленюк, Зоя, Соня, Иршика, Яна и Лиля – мои дорогие, любимые подружки! Я сердечно поздравляю вас с Новым годом! Ночью я поздравить вас не смогу, так как буду со своим парнем в глухом лесу на даче крутого олигарха. Этот год был суперкрутым. У меня полным-полно радости, эмоций и замечательных людей. В универе я пользуюсь сногшибательной популярностью. Желаю, чтобы следующий год и у вас был таким же

насыщенным и крутым, как у меня. Обнимаю всех, ваша Маша».

***

Началась первая сессия, а тут еще и новогодние праздники... «Уж на троечки-то я экзамены как-нибудь сдам, а большего мне и не надо, когда такие деньжищи прут», – рассудила Маша и, арендовав такси, с утра до вечера развозила лекарства.

Но однажды при очередной передаче «волшебного снадобья» ее арестовали прямо в квартире старушки, степень поражения организма которой не была достаточно тщательно изучена и просчитана наводчиком. Пожилая женщина страшно мучилась, и даже дополнительная доза лекарств не помогла.

Перепуганная до смерти Маша почти не врала следователю, когда говорила о том, что занимается благим делом, обеспечивая лекарствами больных стариков.

Да, она не оформлялась официально на эту работу, потому что просто помогала подруге, которая числится в штате этой конторы.

– Вот, – говорила она, – у меня и накладные, и квитанции с печатями. И потом, зачем бы я давала им свой телефон, если хотя бы заподозрила что-то неладное. Просто у подруги было много адресов, она не успевала и часть своей работы

передавала мне. Надо же было хоть копеечку заработать. К тому же я готова добровольно сдать деньги, хоть и честно их заработала.

Здесь Маша слукавила, указав мизерные суммы, которые сокурсница оставляла ей. Деньги оприходовали, и из подготавливаемых Маша перешла в разряд свидетелей, но письмо в деканат по поводу подруг было все же отправлено. Учитывая то, что ее приятельница получила реальный срок, а также то, что во время следствия Маша не являлась на экзамены, декан предложил ей написать заявление на отчисление. Девушка не стала спорить. «Еще легко отделалась, – рассудила она, – могла бы сейчас вместе с Веркой нары греть. Ничего, поступлю на следующий год, а пока осмотрюсь, что к чему. Может, оно и к лучшему, а то я совсем забыла, зачем в Питер приехала... Олигархи, ау!»

***

И снова Маша оказалась без денег... Убедив двух своих приятельниц по клубным тусовкам уйти из дома, где, по их словам, бедолаг бесконечно доставали предки, и поселиться у нее, она их деньгами платила за квартиру. Родительской десятки ей на жизнь не хватало. Девушка устроилась в «Макдоналдс», но работа оказалась очень тяжелой, к тому же малооплачиваемой, и Маша стала искать другой источник дохода.

На олигархов ей не везло – ну не было их в клубах! «У них свои тусовки, – говорили подруги. – Знали бы, где именно, сами бы туда рванули!»

***

Как-то в одном из ночных клубов, где зависала Маша с приятельницами, проходил показ мод. «Так вот же она – работа моей мечты, – восторгалась девушка, с завистью глядя на манекенщиц, дефилирующих в роскошных нарядах. – Быть у всех на виду, разгуливать по подиуму в свое удовольствие, еще и деньги за это получать немалые! Да я по сравнению с этими козами – мисс мира!»

Девушка кинулась за кулисы, но говорить с ней никто из моделей не пожелал, все они отмахивались от нее как от назойливой мухи. «Вот гадины! – злилась Маша. – Не иначе как конкурентку почуяли! Ну ничего, вы об этом еще ох как пожалеете...» Вдруг в дальнем конце закулисы раздались крики. Подойдя поближе, Маша поняла, что происходит: какая-то некрасивая, мужеподобная, но хорошо одетая тетка крыла отборным матом тощую, в чем только душа держится, девушку, а та огрызалась. Судя по тому, с каким страхом смотрели на эту уродину сбившиеся в кучу манекенщицы, именно она была главной на этом показе. И Маша поняла, что это ее единственный шанс попасть на подиум и упустить его нельзя ни в коем случае. Дождавшись момента, когда тетка

набирала в грудь воздуха, чтобы выдать на-гора очередную порцию нецензурщины, она выскочила перед ней как черт из табакерки.

– Ой, здравствуйте! Какие же классные у вас вещи! – зашебетала Маша. – А манекенщицы какие красивые... В общем, все просто супер! Как бы я тоже хотела вот так вот, по подиуму...

Тетка от неожиданности на несколько секунд потеряла дар речи.

– А ты еще кто такая? – придя в себя, спросила она девушку.

– Я Маша. Знаете, я с детства мечтала стать манекенщицей... Может, возьмете меня к себе?

Тетка окинула ее оценивающим взглядом и одобрительно хмыкнула.

– Ну что ж, пожалуй... Может, из тебя и выйдет толк... А ты пошла вон отсюда, шалава! – рявкнула она, обращаясь к тощей. – Видишь, и минуты не прошло, как тебе нашлась замена. Свято место пусто не бывает!

– Да уж, святее некуда... – как-то нехорошо ухмыльнувшись, бросила перед тем, как уйти, девица.

– Оксана, поговори с этой... Как ее там... Объясни ей, что к чему. Введем ее вместо этой прошмандовки.

Маша не поверила своему везенью.

На следующий день она толкалась среди таких же, как и она, ловцов счастья в студии Стефании Аполлоновны – так

звали ее благодетельницу – известного петербургского фотографа.

***

Близкие друзья называли ее Стешей, хотя в метрике она значилась как Глафира. Имя ей не нравилось, казалось слишком уж простецким, и когда она поступила в институт, то всем одноклассникам представлялась Стефанией. Но это никак не вязалось с ее, мягко говоря, вовсе не аристократической внешностью, а потому все звали ее просто Стешей. Девушке пришлось с этим смириться: ну не наживать же себе врагов из-за того, чтобы только настоять на своем. Но позже, обретя положение в обществе, она требовала называть себя не иначе как Стефанией Аполлоновной.

Глафира-Стеша выросла в совершенно простой семье: отец – сантехник, мать – дворничиха. Еще будучи подростком, она поклялась себе, что никогда не будет жить так, как ее родители. Отец, законченный алкоголик, пропивал почти все, что зарабатывал, и домой приносил копейки. Мать помимо основной работы ходила убирать квартиры «богатеев», как она их называла, чтобы хоть как-то содержать себя и ребенка. Женщина, как и большинство ей подобных, считала, что раз ее дочь накормлена и одета, значит все в порядке и свои родительские обязанности она исполняет должным образом. Ни о каком духовном и интеллектуальном развитии

девочки и речи быть не могло! Когда отец был в состоянии говорить, то изъяснялся исключительно матом, используя из литературного русского языка только предлоги – для связки слов. Мать отвечала ему тем же.

Глаша была некрасива: мужеподобная фигура, грубые черты лица... Но природа наградила ее острым и пытливым умом, железной силой воли и практической хваткой. Учась в школе, она усиленно занималась самообразованием: часами бродила по родному городу с путеводителем в руках, изучая его достопримечательности, много читала, ходила на выставки и в музеи (благо в то время вход в большинство из них был бесплатным), в театры и на концерты. Бывая там, она внимательно наблюдала за манерой поведения их завсегдаев, уже тогда зная, что это очень ей пригодится при восхождении наверх.

Относительно своей внешности Глаша никаких иллюзий не питала, но это ее несколько не волновало. Парни относились к ней с уважением, однако на свидания не приглашали, да ей это было и не нужно. Девушка рано обнаружила, что ее влечет к особам одного с ней пола.

Хоть Глаша и была некрасива, но располагать людей к себе она умела. Еще учась в институте, она с легкостью сходилась с сокурсницами. Во-первых, они никогда не видели в Глаше (теперь уже Стеше) соперницу, а во-вторых, она была для них кем-то вроде доброй старшей сестры, хотя они и были ровесницами. Они делились с ней своими девичьими

секретами, рыдали у нее на плече при неудачах и разочарованиях в любви. А все потому, что были уверены, что Стеша не только никогда не предаст их, но и поддержит в трудную минуту и словом, и делом. Причем делала она это при всей своей практичности вовсе не корысти ради и не для того, чтобы затащить их в постель (хотя подчас подобные беседы заканчивались именно этим, но только по обоюдному желанию), а исключительно по велению души, совершенно искренне.

Стеша вообще была натурой сложной и противоречивой. Она, несомненно, обладала способностью к эмпатии, но нередко проявляла ничем не оправданную жестокость. Всю сознательную жизнь стремясь соответствовать так называемому «питерскому стандарту», часто не могла обуздать свой буйный нрав и вела себя как типичная хабалка. С омерзением вспоминая отца-алкоголика, старалась воздерживаться от употребления спиртного, но иногда срывалась и уходила в длительный запой. Похоже, родительские «уроки» не прошли даром...

***

Еще в студенческие годы, когда вся группа с одного и того же ракурса снимала один и тот же объект, пейзаж или человека, у Стеши получались особенно колоритные и выразительные снимки. И дело было вовсе не в аппарате, как

можно бы было подумать, а в чем-то другом. Этот феномен никто не мог объяснить, но все признавали ее талант. Особенно Стеше удавались портреты, и по окончании института она открыла скромную фотостудию и вскоре стала известна всему городу. Персональные выставки, приглашения на престижные проекты, работа в кинематографе сделали Стешу не только знаменитой, но и богатой. В девяностые годы она по случаю приобрела у находящегося под следствием чиновника огромную квартиру с мансардой на Красной улице и завела собственный салон, где вот уже несколько лет в последнюю пятницу каждого месяца принимала гостей. Здесь собиралась самая разношерстная публика – артисты, художники, музыканты, политики, ученые, среди них было немало известных людей.

Постепенно бизнес Стеши разрастался. Владельцы магазинов стали обращаться к ней за изготовлением рекламных снимков своих товаров, и она нашла несколько симпатичных девиц для их продвижения. В результате каждый ее клиент имел рекламу «со своим лицом» и был этим обстоятельством чрезвычайно доволен.

Когда девушек, желающих стать «лицом» того или иного товара, стало чересчур много, Стеша открыла курсы манекенщиц. Лучших из выпускниц она оставляла при себе и сдавала «в аренду» на показы мод.

Поскольку большинство ее подопечных были провинциалками и приехали в Северную столицу, что называется, «в

поисках лучшей доли», то есть в надежде удачно выйти замуж, и чаще всего с трудом сводили концы с концами, то в какой-то момент Стеше в голову пришла блестящая идея: «А почему бы не создать такую службу делового сопровождения успешных и обеспеченных людей? – рассуждала она. – Кажется, на Западе это называется эскортом... И наши нувориши будут чувствовать себя увереннее в окружении очаровательных спутниц, и девчонки заработают себе на масле по верх хлеба, и я, думаю, на этом капиталчик свой увеличу...» Сказано – сделано. Стеша обычно сразу приступала к реализации задуманного. В тот же вечер она собрала девушек и посвятила их в свои планы.

– Итак, милые мои, – обратилась Стеша к своим подопечным, вводя их в курс дела, – те, кто согласен участвовать в этом проекте, поднимите руки. Те же, кому это неинтересно, будут работать на прежних условиях. Как видите, все на добровольных началах. Ну так что? – Поднялся лес рук. – Вот и славно! Детали обсудим позже.

Служба начинала свою деятельность с обслуживания бандитов в надежде со временем выйти на бизнесменов. Ждать пришлось недолго: вскоре оставшиеся в живых после бесконечных разборок бандиты обзавелись легальным бизнесом и стали уважаемыми господами. Спрос на Стешины девочки возрос, и ее бизнес процветал.

Распределением девушек по клиентам занималась Оксана, подручная Стеши и по совместительству ее любовница, –

особа в высшей степени неприятная, истеричная, к тому же с ярко выраженными садистскими наклонностями. Она была бисексуалкой, и пол партнера не имел для нее никакого значения, главное, чтобы он, партнер, был, а вот это-то представляло собой большую проблему. Дело в том, что на фоне своей подручной даже Стеша казалась красавицей, и, похоже, хозяйке салона это нравилось. Может, это было одной из причин, по которым она держала Оксану при себе и не прогнала ее даже тогда, когда та из ревности подожгла студию. К счастью, пожар удалось быстро потушить. Но и этот дикий поступок был истолкован в пользу Оксаны: ревнует – значит любит. Хотя Стеша принципиально не заводила отношений со своими подопечными, со стороны некоторых из них попытки соблазнить хозяйку предпринимались – правда, исключительно в корыстных целях. А главным достоинством этой особы в глазах Стеши была ее безусловная, поистине собачья преданность. Помимо распределения «работы» Оксана строго следила за тем, чтобы все пожелания клиентов исполнялись в точности и неукоснительно, а также обеспечивала девочек гардеробом соответствующего уровня.

– Смотрели фильм «Красотка»? – вопрошала Оксана своих подопечных. – Так вот помните: каждая умная шлюха обязательно найдет себе миллионера!

Как ни странно, этот сказочный киношный сюжет вдохновлял девиц, ведь каждая из них в глубине души верила в чудо...

***

Попав в студию Стеши, Маша быстро там освоилась. Девушки оказались не такими уж и стервами, как показалось ей при первой с ними встрече, а вполне себе дружелюбными, у клиентов она пользовалась популярностью, так что все ее в новой жизни устраивало. Маша стала отправлять бывшим одноклассникам свои фотографии. Их были сотни после очередной фотосессии, но к каждому посланию она прикрепляла не более одной. Слова Стеши: «Не сорите своим лицом, лучше запомнитесь и привлечете к себе больше внимания» Маша приняла как руководство к действию.

В «Одноклассниках» Маша поучала своих сверстниц:

«Я не отношусь к тем самовлюбленным эсеницам, которые выставляют на тачках букеты, игрушки, шарики и прочую лабуду... У меня все просто и скромно. Скромность, красота и мудрость ведут нас к успеху, а не кич. Девочки, любите себя, не теряйте достоинства, будьте сильными и достигайте равновесия в душе. Храните в сердце чистую любовь, мечту и веру в себя!»

***

– Нужны девочки для дефиле на загородной вечеринке! – громко объявила Оксана, входя в комнату, где отдыхали ма-

некенщицы. – Условия прежние – тридцатка за вечер, за вычетом третьей части. Все, что заработаете сверху, ваше.

Все оживились и наперебой стали предлагать себя.

– Да не кудахтайте, шалавы! – брезгливо поморщилась Оксана. —Нужны только пятеро. Ты, ты, ты – Оксана указала на Машу, – ты и ты. Остальные ловите счастье сами.

– А что значит «прежние условия»? – спросила Маша у Киры, с которой успела подружиться. – И что вообще подразумевается под дефиле? Не похоже, что нас приглашают демонстрировать модели...

– Ну, если честно, это бордель, где тебя будут трахать много и жестко, – усмехнулась та.

– А если я не хочу? – ужаснулась Маша.

– Так скажи сразу, видишь сколько желающих. Девочки, – крикнула Кира, – Машка...

– Подожди, подожди, – остановила ее та. – Ты сначала объясни мне, что к чему, может быть, я и соглашусь.

– А куда ты денешься! – ухмыльнулась подруга. – Деньжищи враз сможешь срубить такие, что потом год можно будет не работать. А повезет, так и папика найдешь.

«Наконец-то это то, что мне надо», – подумала Маша и согласилась.

***

Вечером следующего дня у дома Стеши их ждал микро-

автобус. Девицы тащили за собой огромные чемоданы, лишь Кира была с небольшой дорожной сумкой, а Маша и вовсе уместила все необходимое для одной ночи в шоппер средних размеров.

– Они что, собираются там остаться? – поинтересовалась Маша.

– Какой там! Просто им кажется, что если они будут менять наряды, то больше заработают. А на самом деле, чтобы срубить бабла, туда вообще надо ехать голой, вот это оценят.

– Тогда я начинаю раздеваться, – хихикнула Маша.

– И это правильно.

Кира была единственной возрастной моделью. Ей было под сорок. На фоне двадцатилетних она выглядела старухой, но никто не мог пройти по подиуму так изящно и величественно, как она, показать, что называется, товар лицом и привлечь к нему внимание. В ней было какое-то привлекавшее мужчин сочетание вульгарности и аристократизма. Кроме того, Кира была по-житейски мудра, и ее авторитет в группе был непререкаем. Если Оксана пыталась держать всех в узде посредством окриков и оскорблений, то Кира всегда могла найти аргументы, сглаживающие острые углы и не вызывающие недовольства. Порядок в студии держался именно на ней. Стеша понимала это: Кира, пожалуй, единственная из всего «штата» студии удостоилась ее доверия и уважения.

Ехали долго. Когда прибыли на место, совсем стемнело,

воздух был напоен ароматом цветущей черемухи. Стрекот цикад нарушал тишину наступающей ночи. Огромный особняк светился множеством огней.

Девиц завели в дом с запасного входа и разместили в небольшой комнате, где, кроме кровати, шкафа и пары кресел, ничего не было.

– Как же мы здесь все поместимся? – недоумевала Маша.

– А кто тебе сказал, что ты должна здесь «помещаться»? Ты будешь там, где пожелают клиенты, – в сауне, на обеденном столе, на балконе... Вот если тебя никто не выберет, тогда будешь болтаться здесь, но с тобой, надеюсь, этого не произойдет.

– Итак, путаны, собираемся, прихорашиваемся и спускаемся вниз! – скомандовала стержовного вида женщина средних лет, входя в комнату. – Да не напяливайте вы на себя ничего лишнего, все равно придется снимать. Кстати, никакого нижнего белья! Под платьем ничего не должно быть. Соблазнять эротическим бельем будете по запросу. Да, еще! Боже вас упаси ломаться или, того хуже, кому-нибудь отказать – я лично вас так разуделаю, что вы уж точно никогда никого не заинтересуете. Презервативы в вазе, разбирайте и не забывайте надевать их на партнеров.

– Презервативы вещь полезная, – сказала Кира, положив с десяток упаковок в элегантную сумочку. – А ты чего без кошелька? – спросила она у Маши.

– Да я думаю, упаковки мне хватит, так я и в руках подер-

жу.

– Дуреха, а деньги куда складывать будешь?

– Ой, я и не подумала! Что теперь делать? Не брать же мне с собой сумку...

– Ладно, так и быть, на первый раз помогу, – снисходительно сказала Кира и, освободив косметичку, протянула ее Маше. – Держи, надеюсь, для начала хватит.

– Да ты что! Здесь столько бабла поместится...

– Желаю, чтобы все не влезло!

***

В большом холле было около десяти мужчин, в основном пожилых, а один и вовсе весьма преклонного возраста. За столе было в разгаре. С появлением девиц все оживились.

– Так здесь и делать нечего, вряд ли эти старички пойдут по второму заходу, – прошептала Маша Кире, скептически глядя на этот паноптикум пенсионеров.

– Подожди, подруга, они вот нажрутца виагры и оттрахают тебя так, как не трахал ни один молодой жеребец.

– Выбираем девочек, – объявил хозяин, – и развлекаемся на всю катушку! Не забывайте о нашем девизе: «Получил удовольствие сам – поделись с другом!», то есть меняйтесь партнершами. Мне доложили, что готова сауна. Так что все радости жизни в вашем распоряжении – наслаждайтесь!

Внимательно рассмотрев сидящих за столом, Кира подо-

шла к двум мужчинам и, протиснувшись между стульями, села к ним на колени.

– Ну что мальчики, пошалим? – спросила она томным голосом, прижав их головы к своей пышной полуобнаженной груди: Кира специализировалась на групповом сексе.

Остальные девицы тоже рассредоточились вокруг стола, одна Маша осталась стоять в стороне.

– Ну-ка, иди сюда, красавица, – позвал ее хозяин застолья. Маша послушно подошла. – Вот, Магомед Измаилович, – обратился он с заискивающей улыбкой к сидящему рядом мужчине восточного типа, – рекомендую, уверен, получишь удовольствие, смотри, какая спортивная, кровь с молоком, персик, понимаешь!

С этими словами он поднял подол ее платья и шлепнул по ягодицам так сильно, что Маша невольно вскрикнула.

– К тому же чувственная, – заключил хозяин.

– Садись, – обратился к ней Магомед Измаилович. – Кушать хочешь?

– Еще как! – отозвалась Маша и с наивной простотой прибавила: – Мы так долго сюда ехали, изголодались в конец.

Магомед Измаилович принялся потчевать Машу по-отечески нежно, предлагая ей одно блюдо за другим. «Может быть, все и ограничится этим старичком? – подумала Маша. – Он, похоже, здесь не последний человек и вряд ли кто-то посмеет отнять у него девушку...»

– Ну что, наелась? – заботливо спросил Магомед Измаи-

ЛОВИЧ.

– Наелась, – ответила она.

– Ну вот и хорошо, тогда пошли.

– Сейчас, только вино допью.

Едва они вошли в комнату, Маша скинула платье и нырнула с головой под одеяло. Вино взбудрило ее, подняло настроение, и она решила немного пошалить. Девушка стала медленно тянуть одеяло вверх, постепенно обнажая тело. Когда дело дошло до головы, она резко сбросила одеяло и чуть не вскрикнула от охватившего ее ужаса. К кровати приближался старик, обтянутый сморщенной кожей, скелет которого делал его похожим на Кощея Бессмертного. На его тощей физиономии играла кровожадно-похотливая улыбка.

«Да ни за какие деньги!» – чуть было не вырвалось у Маши, но она стиснула зубы и попробовала улыбнуться. Правда, зубы тут же пришлось разжать – он начал с орального секса. Маша пожалела, что так много съела. То, что она постоянно рыгала, ничуть не смущало Магомеда Измаиловича, а, напротив, еще больше возбуждало его. Он тянул ее на себя за волосы и с диким неистовством пронзительно вскрикивал на незнакомом ей языке.

Маша что-то слышала от девиц о международных состязаниях по продолжительности непрерывного секса, даже, кажется, называлась какая-то цифра – то ли пятнадцать, то ли двадцать минут... Кощей Измаилович многократно превошел этот рекорд. Словно волчок вращалась Маша во-

круг разгоряченного горца, всюду чувствуя его проникновение. Через час с небольшим, показавшиеся Маше вечностью, Магомед Измаилович взвыл, лихорадочно задержался и повалился навзничь. Стоя на коленях, Маша долго не могла пошевелиться. Измученное тело молило об отдыхе. Вконец обессиленная, она распласталась на кровати. Маша даже предположить не могла, что человек, которому явно за семьдесят, может быть таким неутомимым в сексе.

Магомед Измаилович приоткрыл глаза, протянул похожую на сухую корягу руку и прохрипел: «Пиджак...»

Маша с трудом поднялась с постели и передала ему пиджак. Старик вынул из кармана бумажник, достал оттуда пачку долларов, протянул ей и едва слышно прошептал: «Иди».

Глаза его закрылись, и Маша подумала: «Все, блин, помер...»

Мысль эта так развеселила ее, что она не удержалась и прыснула со смеху. Словно в ответ на это Магомед Измаилович захрапел, как клокочущий вулкан.

Маша накинула платье, вышла из комнаты и стала спускаться по лестнице, когда ее окликнул хозяин дома.

– Ах, вот ты где, а я как раз тебя ищу...

Под утро девицы стали собираться в отведенной им комнате. Маша пришла последней. В руках она держала косметичку, набитую деньгами. Молния уже не застегивалась, и это ее радовало, даже возбуждало, придавало драйв.

– Вот она, сладкая жизнь, – протянула Маша, потряхивая косметичкой.

– Да, вожденная *dolce vita*, – вторила ей Кира.

– Долше кого? – не поняла Маша.

– *Dolce vita* – так по-итальянски сладкая жизнь.

– А-а-а – красиво!

Маша прошла по кругу. Те, что помоложе, покрыли ее не однажды.

– Ну, ты у нас звезда, — улыбнулась Кира. – Прямо передовик производства!

– Век бы мне этого счастья не видать, натрахалась на всю жизнь, при одной мысли об этом тошнит.

Дверь приоткрылась, и в проеме появилась голова охранника.

– Эй ты, как там тебя, – обратился он к Маше, – ну-ка иди сюда.

Маша встала и, закатив глаза, вышла из комнаты.

– Чего он от тебя хотел? – спросила Кира, когда та вернулась.

– Того же, чего и остальные.

– Чего? – брезгливо протянула Кира. – Ты ему дала, что ли?

– Не ему, а им, там и второй был.

– Да как же они успели? – рассмеялась Кира. – Ты же только вышла и тут же вошла...

– Да там нечем и успевать, к тому же они, как кролики,

кончали в три тычка.

Все дружно расхохотались.

– А чего ты с охраной-то связалась, тебе этих было мало?

– Так ведь эта мымра сказала, что отказывать никому нельзя, так я и не отказала.

– Охранников смело могла послать. Если бы бандерша и хозяин узнали, то они как минимум с работы вылетели бы...

Дверь снова отворилась и вошла мымра.

– Чего гогочите, сучки? Господ разбудите. Вот, получите за труды праведные, – ослабилась она, показав прокуренные дочерна зубы, и раздала всем по конверту. – Да, чуть не забыла, ты, милочка, оштрафована, – обратилась она к Наташке, выхватила из ее рук конверт и вынула оттуда две пятитысячные. – Впредь не будешь выеживаться, – злорадно ухмыльнулась мымра.

Едва за бандершей закрылась дверь, все кинулись спрашивать девушку, что случилось.

– Я всю ночь провела с рыжим толстяком. Этот дебил жаждал анального секса. А мне на прошлом дефиле задницу так разодрали, что я уже неделю в туалет сходить не могу. Я и отказала, так он, сволочь, не заплатил, а тут еще и эта..., – не смогла сдержать слез Наташка.

Кира молча вынула из своего конверта пять тысяч и протянула несчастной. Маша последовала ее примеру.

Девушки выпили кофе и вышли на улицу, где их уже ждала машина.

– Ну что, жирком обросла, сколько заработала? – поинтересовалась Кира у Маши.

– Да я не считала, но косметичка не застегивается. Хотя такую работу врагу не пожелаешь, никакие деньги не нужны.

– Ты просто не знаешь, что такое настоящая работа, вот и выкобениваешься. Через неделю-другую все позабудешь и снова в очередь на дефиле выстроишься. Работа, милочка, – это когда ты с ног валишься от усталости и засыпаешь стоя. Я когда в Питер приехала, устроилась в ресторан официанткой. Думала, осмотрюсь и найду себе что-нибудь попримичнее. Ну, в общем, почти так и случилось. В этот ресторан частенько наведывалась Стеша. Заприметила она меня и сунула визитку. «Приходи, – говорит, – помогу тебе из дерьма выбраться». Я сначала не поняла, куда она приглашает, а потом девчонки просветили, и я решила уйти из ресторана. Но вот ведь непраха, перед самым увольнением я грохнула целую полку дорогой посуды. У меня забрали паспорт, заперли в посудомойке и не выпускали два месяца. Спала там же не больше шести часов, все остальное время мыла посуду. Думала, с ума сойду. Вот это была работа. И я сказала себе: «Что угодно, но только не такой рабский труд».

– Ну прямо так уж и заперли... – недоверчиво протянула Маша. – Это же не глушь какая-то, а питерский ресторан, да еще, небось, и в центре города, могла бы сбежать.

– Я тебе в натуре говорю – заперли. Сбежать-то я, наверное, смогла бы, но опять же, куда я без документов, разве что

в другую моечную.

***

Наступил день рождения Маши. Ее всегда радовало, что она родилась в июле, когда много солнца, цветов и фруктов, а на безоблачном небе ярко светит солнце. Девчонки завалили ее посланиями. Кто искренне, кто с завистью поздравлял ее, такую успешную и счастливую. Маша открыла планшет и отправила всем школьным подругам вымученный текст:

«Прошел всего лишь год, как я приехала в Питер, а кажется, что я прожила здесь целую жизнь. Постоянно работаю над собой, открываю новое: новых людей, новые страны, новые отношения.

Спасибо всем, кто поздравил меня с днем рождения, поздравляет сейчас и поздравит потом!»

На самом деле ощущение собственного несовершенства угнетало Машу. Она наконец начала понимать, что для воплощения ее заветной мечты мало иметь смазливую мордашку и хорошую фигуру. Ей действительно придется изрядно потрудиться над собой. «Ничего, возьму себя в руки, буду много читать, ходить по выставкам и музеям, получу диплом... Я же способная, и все у меня получится!» – утешала себя Маша. Но все это требовало времени и усилий, а ей хотелось иметь все и сразу без напряжения, без заморочек.

Год второй

Время шло, ночи и дни сменяли друг друга однообразной вереницей событий и лиц, а успех в осуществлении ее «грандиозного» плана так и оставался где-то за гранью серых питерских будней. Деньги таяли, как весенний снег, редкие заработки были мизерными. С ужасом вспоминала Маша загородное «дефиле», но она уже не была столь категорична в своем решении никогда больше не участвовать в подобных оргиях. Спрос на фотографии Маши для рекламы был по-прежнему велик, ее красивое личико можно было увидеть на постерах и в метро, и в крупных супермаркетах, и даже на рынке, но Стеша платила ей копейки.

Оксана пару раз отправляла девушку сопровождать бизнесменов – один раз она летала в Сургут, другой – в Тамбов, и оба раза с какими-то жлобами, заказывавшими ее исключительно ради понта.

Начитавшись в соцсетях сомнительных советов по ведению успешного бизнеса, они на переговорах как бы невзначай обнажали запястье, на котором красовались якобы дорогие часы, и, закидывая ногу на ногу, демонстрировали псевдомодельные туфли.

Но ни контрафактные часы, ни туфли, купленные по случаю в «Апрашке», ни даже Маша потенциальных партнеров не впечатляли, они требовали одного – надежных финансо-

вых гарантий. В обоих случаях договоренностей достичь не удалось, горе-бизнесмены злились и вместо обещанного шикарного ужина в ресторане кормили девушку чипсами, купленными в ларьке у гостиницы.

И тот, и другой поинтересовавшись ценами на секс-услуги, пришли в ужас от озвученной Машей суммы и сделали вид, что спросили ради интереса, так что ожидаемого заработка эти поездки не принесли.

***

Жизнь, конечно, могла бы состояться и без диплома, но родители, ежемесячно присылавшие ей деньги, постоянно интересовались успехами в учебе. Пришлось искать вуз для поступления. На дневном отделении Маша учиться не хотела, и подруги посоветовали ей поступать на заочку, там-де спрос никакой, главное – вовремя давать преподам на лапу, тогда все будет о,кей. На этот раз учиться Маша отправилась в знаменитый Политех, где ее и настигла первая страстная любовь.

В ноябре началась установочная сессия. На встречу с деканатом он опоздал. Вошел в аудиторию и вместо того, чтобы молча сесть за ближайший стол, стал спрашивать, та ли это группа и когда будет перерыв.

– Молодой человек, не отнимайте у нас время! – урезонила его заведующая отделением. – Садитесь, все вопросы

ПОТОМ.

Однако своего он добился, все обратили на него внимание. «Мог бы обойтись и без этого, – усмехнувшись, подумала Маша. – Тебя, дружок, трудно не заметить». Парень прошел вглубь аудитории и сел неподалеку от девушки. У нее застучало в висках и закружилась голова, ее бросало то в жар, то в холод и мелкие мурашки расходились приятной дрожью по телу. Она почувствовала, как огонь разгорается внизу живота и спускается ниже, вызывая предоргазмическое состояние. Маша перестала слышать, что говорят методисты, она вообще не могла ни о чем думать, кроме как о незнакомце, сидящем неподалеку.

«Божечки, что же это со мной творится? – подумала Маша. – Неужели это и есть пресловутая любовь с первого взгляда?»

Да, это была именно она. Девушку словно магнитом тянуло к молодому человеку. В перерыве Маша несколько раз прошла мимо него, надеясь привлечь его внимание, но он был так увлечен разговором с каким-то студентом, что даже головы не повернул в ее сторону. Это задело девушку за живое: обычно, стоило ей появиться, как особы мужского пола проявляли к ней живой интерес, а тут такое пренебрежение... «Ну ничего, голубчик, – подумала она. – Ты у меня еще в ногах будешь валяться!»

***

После занятий Маша долго гуляла по саду Политеха, а затем, вместо того чтобы, как обычно, поехать к Стеше, отправилась в кинотеатр, где посмотрела какую-то слезливую мелодраму. Впрочем, если бы ее спросили, о чем был фильм, вряд ли она смогла бы вразумительно ответить: все мысли девушки были заняты так неожиданно появившимся в ее жизни молодым человеком. Потом Маша бродила по городу, пытаясь совладать с обрушившимся на нее чувством. Домой она вернулась поздно, не раздеваясь, рухнула на кровать и погрузилась в размышления: «Какая же я дура! – корила себя Маша. – Пока искала предлог, чтобы познакомиться с ним, кто-то из девиц, скорее всего, уже сделал это... Впрочем, вряд ли такого красавчика до сих пор никто не прибрал к рукам. Наверняка у него кто-то есть... Кольца на пальце вроде бы не было... А если и было, то что? Влюбится в меня и разведется... Завтра же с ним познакомлюсь!»

Приняв такое решение, Маша успокоилась и заснула сном младенца.

Утром девушка первым делом включила компьютер и нашла в Интернете «двенадцать способов первой познакомиться с мужчиной». Не особо заморачиваясь, остановилась на самом простом – попросить о помощи. «Эти козлы, распыляя словесный мусор, не удосужились привести хотя бы пару примеров, как именно это сделать, – злилась Маша. – Что ж, придется импровизировать на ходу».

***

Едва закончилась последняя пара, Маша, не мудрствуя лукаво, подошла к молодому человеку и сказала:

– Знаешь, я забыла дома кошелек, а ты производишь впечатление небедного человека, так, может быть, одолжишь мне до завтра сотенку на кофе? А лучше угости, – с наглой улыбкой добавила она.

– Послушай, детка, может, тебя еще и трахнуть для полного твоего удовольствия? – возмутился он. – Я тебя знать не знаю, а ты у меня денег просишь. Кстати, у меня их нет, и в скором времени они и не предвидятся. Я даже комнату не могу себе снять. Где сегодня буду ночевать, понятия не имею... Скорее всего, опять на вокзале придется ошиваться.

«Н-да, это точно не принц на белом коне и уж тем более не олигарх, – подумала Маша. – Но до чего же хорош, сукин сын!» – Ну что ж, пошли, бедолага, —вздыхнула она.

– Куда это? – вскинулся парень.

– Так и быть, переночуешь сегодня у меня, а там посмотрим... Есть хочешь?

– Да я умираю с голоду.

– Ну вот, заодно накормлю тебя. Знаешь, я отлично готовлю.

– А что ты еще делаешь отлично? – с наглой ухмылкой спросил он.

– Все. И то, что ты имеешь в виду, тоже, – отрезала Маша. – Кстати, как тебя зовут, красавчик?

– Владислав, а тебя?

– Маша.

– Ну, будем знакомы, Маша...

Придя домой, девушка усадила Влада за стол, а сама заметалась между ним, холодильником и плитой. Через несколько минут стол был заставлен едой.

– Ешь! – сказала Маша, а сама, сев напротив и по-бабьи подперев щеку, жалостливо смотрела, с какой скоростью парень опустошает тарелки. – Да ты и в самом деле голодный, – сочувственно заметила она.

– Еще бы! Со вчерашнего дня маковой росинки во рту не было.

***

Влад оказался великолепным любовником, страстным и нежным одновременно. Она и раньше испытывала оргазм, но даже тогда, когда сама выбирала понравившегося ей парня, это ощущение мало чем отличалось от мастурбации. Секс с Владом был подобен полету над цветущим садом. В легкой невесомости воспаряла она к звездам, ярко слепившим и обжигающим эротическим огнем, и падала в омут дурмана. Нежность его рук приводила в трепет, мощная страсть пробуждалась в глубинах ее сексуальности, и она

разрывала его на части, обнажая неистово клокочущее сердце возлюбленного.

В постели он не был эгоистом, но, к сожалению, только в постели... В остальном Влад был типичным альфонсом, самовлюбленным красавчиком, но при этом неплохим психологом: он моментально определял, что собой представляют его сексуальные партнерши, которых он ни в грош не ставил, выявлял их слабости и прекрасно ими пользовался. Когда любовника не было рядом, Маша обретала способность мыслить здраво и отдавала себе отчет, с кем имеет дело, но стоило ему появиться, как мозги напрочь отказывались ей служить.

С Владом, конечно, было весело и интересно, они посещали концерты, рестораны, ночные клубы... Правда, платила за все эти удовольствия Маша, и это ей очень не нравилось: уж что-что, а деньги она считать умела, не так-то просто они ей давались! Но девушка успокаивала себя тем, что они уже практически семья, любят друг друга, а в таком случае у людей обычно все общее. Настоячивые предложения Оксаны отправиться на «дефиле» теперь казались ей просто оскорбительными.

– Я вышла замуж и прошу мне этого больше не предлагать! – заявила ей Маша.

– Знаю я ваши замужества, – зло рассмеялась Оксана. – Прибежишь как миленькая, когда он тебя бросит.

Поскольку плотским утехам пара предавалась безрассуд-

но, совершенно не задумываясь о последствиях, они, эти последствия, не замедлили сказаться – Маша забеременела.

Обнаружив это, она сначала растерялась, а потом обрадовалась. Ее мысли приняли совершенно неожиданный ход. Если до этого самой заветной мечтой девушки было выйти замуж за олигарха, то теперь она всерьез задумалась о том, как женить на себе Влада. Да, он, конечно, пустослов и альфонс, но рождение ребенка может все изменить! А уж она-то сделает из этого красавчика человека. Если бы Маша знала, сколько женщин становились жертвами подобных заблуждений! Воистину любовь странная, а подчас и страшная штука...

Девушка уже нарисовала себе идиллическую картину их семейной жизни, оставалось только посвятить Влада в свои планы.

– Любимый, ты скоро станешь папой, – пропела она ему на ухо, когда они очередной раз оказались в постели.

Он ничего не ответил, вскочил, быстро собрался и ушел, так и не проронив ни слова и оставив Машу в полной растерянности. Она не знала, что и думать: то ли он разозлился, то ли ему надо было как-то переварить услышанное... Вторым вариантом, безусловно, устроил бы ее гораздо больше. Но дальнейшее развитие событий показало всю тщетность надежд девушки.

Влад перестал отвечать на Машины телефонные звонки и появился в ее квартире только спустя две недели.

– Слушай, не морочь мне голову своими проблемами, – раздраженно ответил Влад, когда она прямо спросила его, рожать ей или не рожать. – У меня и без тебя их хватает. Ведь ты же не думала всерьез, что я на тебе женюсь? Чай не девочка, знаешь, что надо делать в таких случаях.

Все мечты Маши о счастливой семейной жизни рухнули в одночасье... Как потерянная бродила она по квартире с потухшим взглядом, растрепанная, все валялось у нее из рук. Ей было всё равно, ночь сейчас или день, спит она или бодрствует, сыта или голодна. Девушкой овладело полнейшее безразличие ко всему и вся.

***

Когда Маша уже начала приходить в себя после аборта, Влад явился к ней как ни в чем не бывало.

– Ну что, милая, все в порядке? – весело спросил он опешившую от неожиданности Машу, нежно поцеловав ее в щеку. – Я не сомневался, что ты все сделаешь правильно. Ребенок – это же такая головная..., – он не успел закончить фразу.

– Пошел вон, урод! – раздался дикий вопль вышедшей из ступора Маши. – Чтобы духу твоего поганого здесь больше никогда не было! Приживал ничтожный!

Она вытолкала растерянного Влада, явно не ожидавшего такого сурового приема, на лестницу и захлопнула дверь.

Маша поняла, что перестала испытывать к нему это волнующее, томительное и сладостное чувство. Любовь прошла. Свеча страсти прогорела, и пламя навсегда растворилось в холодной темноте ночи. Ее опустошенная и обессилившая душа увядала от тоски. словно исчезло что-то нежное, неконтролируемое разумом. Маша не разлюбила, а освободилась от любви и теперь она испытывала легкость безразличия, и эта индифферентность распространялась на все и на всех.

Превозмогая душевную боль, Маша поместила сообщение в «Одноклассниках»:

«Наступает самая волшебная пора предновогодней суеты, выбора подарков, радости и встреч с любимыми друзьями. Мой парень, кроме обещанного им сюрприза, предложил самой найти себе подарок, и я, памятуя о том, что лучшие друзья девушек – бриллианты, нашла себе колечко в классическом стиле с бриллиантом голубого оттенка.

А какие украшения дарят вам?»

А в «Твиттере» она разместила злобный пост:

«Затрахали! Говорят, что надо быть женственнее, мягче, быть пашенькой, кошечкой и прочей лживой лабудой. А я, блин, такая, какая есть. Я курю, ругаюсь матом, за словом в карман не лезу, говорю правду в лицо, слушаю жесткую музыку, от которой у хорошей девочки пошла бы кровь из ушей. Сама решаю любую проблему и не считаю бабки в чужих кошельках. Но я умею любить страстно, до разрыва

аорты.

Кто придумал это “надо быть”? Кому надо? Мы пришли в этот мир, чтобы быть собой, единственными, непохожими ни на кого. Иначе мы ломаем себя, надеваем маски и живем не своей жизнью. А отсюда болячки, депрессии и прочая фигня.

Возможно, я буду и мягкой, и пушистой... ночью, со своим любимым мужчиной».

***

Вскоре Влад засветился в передаче «Битва экстрасенсов», где его позиционировали как потомственного мага. В одной из передач он легко угадывал, кто из людей на фото, разложенных на столе лицевой стороной вниз, жив, а кто мертв. А по предъявленной ему фотографии мужчины определил, что его убили черные риелторы, а на просьбу матери найти и покарать преступников уверенно заявил: «Не волнуйтесь, они будут наказаны. Я обрушил на них проклятие. Все трое не проживут и года и умрут от болезней в страшных муках». То, что Влад – бывший стриптизер, Маша знала, но что он еще к тому же и потомственный маг...

Она запретила себе смотреть «Битву экстрасенсов», но каким-то непостижимым образом каждый раз к началу этой передачи оказывалась у телевизора.

Ей нестерпимо хотелось увидеть ЕГО. Она все еще была в

его власти. Может быть он действительно колдун? Да какой там, она влюбилась в него с первой минуты, когда он еще ее и не видел. Впрочем, она знает разгадку этой неугасающей страсти – она носила под сердцем его частичку, их общего ребенка. Маша вспомнила о том, как не хотела делать аборт, как намеревалась стать матерью его ребенка и разрыдалась.

Никого и никогда больше Маша так не любила, как этого мерзавца. Да, случались влюбленности и в первый год учебы, и потом, но все это было жалкое подобие того чувства, которое она испытывала к Владу.

А еще Маша мучилась от упущенной возможности прославиться. Вместе с Владом или рядом с ним – не суть важно. Девушка все чаще стала задавать себе вопрос: чего же она хочет больше – богатства или славы? Безусловно, лучше всего сразу получить и то, и другое, но если бы пришлось выбирать, то теперь она бы выбрала славу. Наверное, потому, что она, как ей казалось, знала, как, прославившись, стать богатой, и не была уверена, что можно прославиться, будучи состоятельной.

Из Интернета Маша узнала, что из программы Влада выперли. После этого он открыл магический салон, где греб деньги лопатой, специализируясь на любовных приворотах и карьерном росте клиентуры. Опять же было обидно, что не она считает эти деньги...

Весенняя сессия оказалась неоплаченной, к тому же половину контрольных работ Маша не выполнила. Денег у нее

не было, да и смысла бороться за продолжение обучения при такой академической задолженности она не видела, и ей пришлось смириться с очередным отчислением из вуза.

***

Неплатежеспособная, Маша съехала со съемной квартиры и поселилась за городом у малознакомого парня. Полуголодная, она не имела денег даже на электричку, чтобы вернуться в город. Как всегда, ее выручила Кира, неизвестно каким образом узнавшая о проблемах подруги. Приехав за ней на новеньком «Мерседесе», она крепко обматерила ее и забрала к себе.

Наступил очередной день рождения Маши. Девчонки завалили ее посланиями. Кто искренне, кто с завистью поздравлял ее, такую успешную и счастливую. Маша открыла планшет и отправила всем школьным подругам вымученный текст:

«Что вы все ноете: это не так, то не получается, все срывается... Вот я всегда добиваюсь того, чего хочу. Пусть не сразу. Пусть с поражениями, с большим трудом, разочарованиями, но в итоге я получаю желаемое. Иногда я могу даже поступиться тем, чего добиваюсь, но потом все равно выйдет так, как я задумала. Так что старайтесь, боритесь и обретайте! Вижу цель – иду к ней и получаю желаемое. Берите от жизни все сейчас, пока молоды, потом бу-

дет поздно».

Маша собралась с духом и позвонила Оксане.

– Привет, дорогая! Знаешь, ты, как всегда, оказалась права, бросил меня мой бойфренд. Раскрутил и бросил. Я сейчас живу у Киры на птичьих правах, вся в долгах, пристрой меня куда-нибудь, помоги подзаработать, я готова отдавать тебе пятьдесят процентов.

– Ты уже не раз подводила меня, да и предложений сейчас нет. Впрочем, погоди – есть у меня два особых клиента – гомосеки-садисты, могу пристроить. Но предупреждаю – игры у них жестокие и опасные.

– Я сейчас в безвыходном положении, а потому согласна на все, – отрезала Маша.

– Смотри, я предупредила. Не знаю деталей, но это жестко, с таким ты еще не сталкивалась. Это тебе не «Пятьдесят оттенков серого», там все по-взрослому. За просто так десять тысяч баксов за неделю не платят.

– Сколько?..

– Десять тысяч зеленых, причем, заметь, я возьму лишь десятую часть, но ты должна будешь все исполнять беспрекословно.

– Дура, немедленно откажись! – всполошилась Кира, когда Маша рассказала ей о предложении Оксаны. – Я не знаю деталей, но знаю, что двое наших девиц прошли через это. Так вот одна из них попала в психушку, а потом ушла в монастырь, другая и вовсе исчезла бесследно. Откажись, Маш-

ка, это добром не кончится. Помогу я тебе поначалу, а потом как-нибудь выпутаешься. Стеша тебе благоволит, какие-никакие халтурки подбрасывает, да и Оксана понимает свою выгоду, когда отправляет тебя в эскорт. Не рискуй, откажись.

– Знаешь, подруга, я даже представить не могу, что со мной можно такого сделать, чтобы я попала в психушку. На куски там не режут, не уродуют, домой возвращают, да с такими деньжищами! Пожалуй, я все же рискну.

***

И она рискнула. Машу привезли в большой роскошный особняк. До горизонта вокруг не было ни одного строения. Сухая почерневшая трава, заполнявшая огромное безжизненное поле, делала это место похожим на психбольницу из фильма ужасов. Ее встретили двое мужчин лет сорока, атлетически сложенные, симпатичные, они производили впечатление людей, вполне достойных доверия. Им прислуживала женщина лет шестидесяти. Вот от нее прямо-таки веяло холодом и злобой. Она вырвала из Машиных рук сумку, отбросила ее в сторону и, больно ухватив девушку холодными костлявыми пальцами за шею, молча потащила в подвал. Мужчины, также молча, следовали за ними. В подвале Машу приковали цепями к стене, затем вся троица, так и не издав ни звука, поднялась наверх. Девушка услышала скрежет ключа в замке, затем погас свет и воцарилась гнетущая ти-

шина.

Маше стало не по себе. «Ну и игры у этих голубых садистов, похоже, без цепей они сексом заниматься не могут. Ну что ж, подождем», – думала девушка, мучительно пытаюсь понять, что происходит. Возможно за ней просто наблюдают. Нет, это вряд ли – ведь свет выключен... Оставалось просто набраться терпения и ждать, что будет дальше.

Время шло, но ничего не происходило. Раскинутые в стороны руки затекли, боль пронизывала плечи и спускалась к груди. Было очень холодно, Машу знобило, ноги предательски подгибались. Надеюсь, что все это когда-то кончится и ее в целости и сохранности доставят домой, она не кричала, но когда терпеть стало невозможно, тихо заплакала.

Казалось, прошла вечность. Голод и холод были не самым страшным испытанием. Все тело девушки нестерпимо крутило и ломало. Она застонала и на какие-то мгновения ей стало чуть легче. Маше казалось, что стон исходит не из ее груди, а откуда-то из глубин подвала. Падающие с потолка капли воды с монотонным звуком, словно маятниковые часы, отмеряли время, проведенное ею в этом жутком месте.

«А вдруг я останусь здесь навсегда? – с ужасом подумала она. – Тогда то, что происходит сейчас, ничто по сравнению с тем, что ждет меня дальше».

От этой страшной мысли ее сердце отчаянно забилось, с силой ударяясь о ребра, во рту пересохло, а тело покрылось холодным липким потом. Маша потеряла сознание и повис-

ла на цепях. Когда девушка пришла в себя, то первое, что она ощутила, была острая боль в запястьях. Маша попыталась встать на ноги, но вдруг почувствовала, как что-то зашевелилось на лодыжке правой ноги и поползло вверх, цепляясь за нее многочисленными мерзкими шершавыми лапками. Девушка дико взвизгнула, выпрямилась и судорожно затрясла ногой, пытаясь стряхнуть с себя неведомо откуда взявшуюся тварь, но та упорно продолжала карабкаться вверх. И вот она уже не одна, их много, и они расползаются по всему ее телу, добираются до лица, волос... Изогнувшись самым невероятным образом, Маша смогла дотронуться до лица, и тут она поняла, что никаких тварей нет, а есть галлюцинация, порожденная страхом и паникой.

Девушка хотела позвать на помощь, но не смогла издать ни звука. Ее вырвало, и она обмочилась. У Маши закружилась голова, в глазах появились яркие вспышки, воздух стал густым и вязким, вдыхать его становилось все труднее и труднее. Ноги подкосились, и она опять повисла на руках, уже не чувствуя боли...

Вдруг в глаза девушки брызнул свет, и она очнулась. Кто-то ослабил цепи, и Маша рухнула на бетонный пол.

– Вот так ты проведешь остаток своих дней, – раздался откуда-то сверху мужской голос, – если вздумаешь болтать о том, что увидишь и услышишь здесь.

Старуха сняла с цепей замки, взвалила обессиленную девушку на плечо и оттащила в комнату. Бросив ее на кровать,

она сказала:

– Спи, захочешь есть, нажми сюда, – она указала костлявым пальцем на кнопку, вмурованную в стену. – Туалет, ванную, гардероб найдешь сама. Отдыхай, вечером будешь работать.

Ни страх, ни боль не помешали Маше заснуть, и очень крепко. Когда старуха ее разбудила, девушка долго не могла понять, кто она такая и где находится.

– Поешь, – сказала гарпия, указывая на поднос с едой. – Потом приведи себя в порядок, я через два часа за тобой приду. Имей в виду, хоть в чем-то ослушаешься хозяев, ночь проведешь в цепях. Будь покорной, и все закончится хорошо.

***

Стало темнеть, когда за Машей пришла старуха.

– Все с себя снимай и подбери туфли на высоком каблуке, но удобные и устойчивые. Ну что, готова? Тогда пошли.

Она привела Машу в огромную гостиную и велела сесть в кресло, стоявшее на возвышении. В комнате звучала музыка, на стенах мелькали порнографические картинки. С другой стороны гостиной, также на возвышении, на диванчике резвились мальчик с девочкой лет двенадцати. Они тоже были нагими, но за спиной у них виднелись крылья. Белокурые и кудрявые, дети походили на ангелов.

Вдоль панорамного окна в больших креслах с высокими спинками попарно сидели люди в масках. Маша насчитала двадцать кресел.

Звуки музыки усилились, откуда-то повалил пар, и из потайной двери появились двое обнаженных мужчин в сапогах и античных шлемах. В руках у них были цепи, издававшие зловещий звон при каждом их движении.

Мужчины помпезно объявили эротическое шоу маркиза де Сада. По сценарию они изображали демонов, дети – ангелов, а Маша – падшую женщину.

Поначалу ей все это показалось даже забавным, но когда демоны стали насиловать ангелов и ее, а потом и вовсе отдали их на растерзание двум десяткам мужчин и женщин с явными психическими отклонениями, Маша поняла, что попала в ад.

Истязания длились семь вечеров. Публика, собравшаяся на это ужасающее шоу, зверствовала похлеще двух садистов. В перерывах девушка с трудом добиралась до кровати, падала на нее как подкошенная и проваливалась в забытие, которое не приносило облегчения ее измученным душе и телу. Затем за ней приходила все та же мерзкая старуха и все начиналось с начала. Как ни странно, но Машу успокаивала мысль о том, что детям гораздо хуже, чем ей. Они покорно и даже, как ей показалось, привычно исполняли все прихоти хозяев и гостей, и ей было их безумно жалко.

***

Маша вернулась к Кире в совершенно невменяемом состоянии. Та не стала ее ни о чем спрашивать, а быстро осмотрев и, убедившись, что повреждений на ее теле нет, с облегчением произнесла:

– Цела, слава Богу, я грешным делом думала, что тебя по кускам принесут.

Она налила в стакан водки и протянула его Маше:

– Пей!

Маша послушно выпила, но легче ей не стало.

– Еще! – потребовала она.

– Ну все, хватит! – решительно заявила Кира, как только девушка залпом осушила второй стакан. – А сейчас немедленно в койку. Отоспишься, будем решать, что делать дальше.

Маша долго ворочалась с бока на бок, а потом словно провалилась в небытие и очнулась только через сутки. Проснувшись, она отчаянно разрыдалась. Истерика длилась несколько часов. Испуганная подруга пыталась ее успокоить, но Маша, как ни старалась, не могла остановиться.

– Послушай, – сказала Кира, – у меня есть постоянный клиент, говорят, очень неплохой психолог. Думаю, нам следует обратиться к нему, как ты считаешь?

Маша закивала головой, не переставая рыдать.

***

В огромном бизнес-центре они с трудом нашли офис психолога. На отполированной до блеска бронзовой табличке курсивом было выведено: «Профессор психологии М.Н. Боровский».

Кира пришла в замешательство, достала телефон и набрала номер:

– Мишань, кабинет мы нашли, но здесь какой-то профессор Боровский, что нам делать? – выслушав ответ, Кира командовала: – Заходим.

Мишане было лет семьдесят, а то и больше. Его статная фигура, седые кудри и пронзительный взгляд умных глаз произвели на Машу очень приятное впечатление, хотя она и ощутила некоторую столь не свойственную ей робость.

– Так ты у нас еще и профессор! – весело приветствовала Мишаню Кира, тем самым сразу сняв возникшее было напряжение. – Надо же сколько достоинств таится в одном человеке!

– Если бы ты знала обо всех..., – отшутился профессор, выходя из-за стола, чтобы поздороваться с девушками.

– Это Маша, о которой я тебе рассказывала, – представила подругу Кира. – Мне можно остаться?

– Да, но ненадолго, минут на пятнадцать. Думаю, Машеньке так будет комфортнее. Кира вкратце рассказала мне вашу историю, – обратился он к Маше, усаживая ее в кресло. –

Пока мне этого достаточно, до поры, до времени мы возвращаться к ней не будем. Все начинается с мыслей, а мысли роятся в голове, – с этими словами он запустил руки в волосы Маши. Та вскрикнула и отпрянула от него.

– Да, все гораздо хуже, чем я предполагал, – задумчиво протянул профессор, вернувшись за свой стол.

– Кира, мы тебя отпускаем, но после сеанса Машу лучше не оставлять одну. Ты сможешь за ней зайти?

– Да, конечно.

– Ну тогда где-то через час, минут за пятнадцать до окончания сеанса я тебе позвоню.

– Мишань, мы справимся? – с нескрываемой тревогой спросила Кира.

– Да, конечно, но это займет какое-то время.

Михаил Николаевич, так звали профессора, вышел из-за стола и сел в кресло напротив Маши.

– Ну, милая, расскажи мне, где ты родилась и выросла? – ласково спросил он девушку бархатным голосом, совершенно непохожим на прежний.

– В поселке под Ростовом, – коротко ответила она.

– Мама, папа, сестры, братья – расскажи мне о них. У вас была дружная семья?

– Семья как семья, у меня нет сестер и братьев.

– Поведай мне, пожалуйста, о самом ярком воспоминании из твоего детства.

– Я без спроса взяла у матери из сумки деньги, а она вы-

ташила меня за косы на улицу и стала орать, что у нее растет воровка.

– Но вы же потом помирились?

– А куда денешься... К тому же мне было десять лет, и я прекрасно понимала, что украла их, только вот почему-то думала, что она об этом не узнает.

– Ну а в целом у вас были хорошие отношения?

– В целом – да.

– А с отцом?

– Отец меня вообще никогда не ругал, но я большей частью жила у бабушки или у бездетной тетки, которая во мне души не чаяла, все пихала в разные кружки.

– А тебе это было интересно?

– Еще бы! Она была завучем в нашей школе, и я всегда исполняла главные роли в праздничных постановках.

– То есть ты была местной звездой?

– Можно и так сказать.

Михаил Николаевич долго расспрашивал Машу о ее школьных годах, и она сама не заметила, как стала рассказывать ему приключавшиеся с ней смешные истории.

На следующий день девушка вновь была у профессора, и он опять расспрашивал ее о детстве, акцентируя внимание на позитивных, светлых и веселых воспоминаниях, а неприятные и печальные научил ее стирать из памяти ластиком. Маша была поражена: как оказывается просто можно избавиться от любых неприятных воспоминаний!

На третий день они анализировали ее жизнь в Питере. Маша удивлялась своей откровенности, она рассказывала Михаилу Николаевичу обо всем, что происходило в ее жизни, в мельчайших подробностях. С каждым сеансом девушка чувствовала себя все лучше и лучше. Она понимала, что это заслуга исключительно Михаила Николаевича. Маша прониклась к нему абсолютным доверием. В сложившейся ситуации он был ее единственной надеждой выбраться из тупика, в котором она оказалась.

На пятый день перешли к загородному «дефиле», и это тоже трансформировалось в памяти Маши как воспоминание о смутном сне, и самое главное – не мучало ее больше. «Ведь жизнь, – как утверждал Михаил Николаевич, – это все не боль, а совсем наоборот. Это счастье, экстаз, ощущение свободы».

И наконец через неделю они дошли до эротического шоу. Михаил Николаевич с трудом справлялся с эмоциональным потрясением от шокирующих рассказов Маши.

Эти воспоминания стереть резинкой не удалось, и профессор, прибегнув к телесной терапии, буквально вытягивал из Маши дурные мысли и ощущения.

Целительные сеансы закончились, Маша освободилась от гнета жутких воспоминаний. Урок не прошел даром, она приняла твердое решение никогда, ни при каких обстоятельствах не станет зарабатывать подобным образом. Уж лучше голодать иди вернуться в Мясокомбинат к родителям, чем

превратиться в неврастеничную уродину и остаток дней провести в психушке. Впрочем, она везучая, выкарабкается из этого дерьма и осуществит свою мечту.

Маша освободилась от тягостных фантомов прошлого, но где-то там, в глубинах подсознания оставались картинки мракобесного шоу, возвращавшие ее к этим чудовищным событиям во сне куда более страшном, чем сама реальность.

Чаще всего ей снилось, как эти уроды огромными крюками вытаскивают из всех существующих в ее теле отверстий внутренности и наматывают их на нее. При этом она испытывала адскую боль и неопикуемый ужас. Окровавленная, обессиленная и лишенная воли, Маша была не в состоянии издать ни единого звука. Она просыпалась в холодном поту и длительное время не могла прийти в себя. Ей приходилось подолгу стоять под душем, чтобы смыть остатки кошмарного сна с вымученного тела и хоть немного успокоиться, но даже после этого она не могла заставить себя заснуть, боясь повторения кошмара.

***

Шло время, Машины сбережения неумолимо таяли, и к лету вновь настали тяжелые дни. Денег, полученных за съемки в рекламе духов, мясорубок, зубных щеток и прочего, едва хватало на самое необходимое. А подругам с присущим ей фальшивым оптимизмом Маша писала:

«Девочки, вы спрашиваете, что сейчас модно и во что я одеваюсь. Так вот, я хожу в тех нарядах, что на присылаемых мной фотографиях, разве что в театр. А в повседневной жизни одеваюсь очень даже демократично. Главное, чтобы одежда соответствовала твоему индивидуальному стилю, и чтобы ни одна мымра не была одета в ту же блузку или костюм, что и ты».

Год третий

Не столько из желания получить высшее образование, сколько по инерции Маша сделала еще один заход в вуз, но к занятиям так и не приступила, помешали события куда более значимые, чем учеба.

Накануне установочной сессии Кира потащила ее в ночной клуб.

– Пойдем – выпьем, потанцуем, – уговаривала она подругу. – Расслабончик тебе перед учебой не помешает.

В клубе было многолюдно и шумно. Свет мерцал в такт музыке, и огромная толпа танцующих то появлялась в ярких вспышках света, то исчезала. Кира заказала водку и орешки. Маша быстро захмелела, вошла в раж и выдавала на танцполе такое, что не могла не обратить на себя всеобщего внимания. Один из молодых людей, возбужденный эротичным танцем девушки, пристроился сзади и начал ее откровенно лапать, наплевав на все правила приличия. Маша развернулась и вlepила ему звонкую пощечину. Не задумываясь, он ответил ей тем же, и девушка упала. В этот момент какой-то парень нанес обидчику хук справа, и тот рухнул рядом с ней.

– Вы в порядке? – участливо спросил молодой человек, поднимая Машу с пола.

Ничего не ответив, она уткнулась в его плечо и заплакала. Подбежала Кира и попыталась ее увести.

– Не стоит здесь больше оставаться, давайте я вас отсюда отвезу, – сказал юноша.

– Давайте! – поддержала его Кира. – Подождите минутку, я только рассчитаюсь.

– Не беспокойтесь. Сергей, – обратился молодой человек к приятелю, – расплатись за девушек и догоняй нас, мы уезжаем.

У входа стоял ярко-красный «Порше». «Не слабо!» – шепнула Кира подруге, но та еще не отошла от шока и никак не отреагировала.

– Вам куда? – спросил обладатель элитного авто, когда подошел его приятель. Кира быстро назвала адрес.

– Поехали! – Водитель уверенно втопил педаль газа, и машина с ревом рванула по сверкающей в свете фонарей дороге.

– Ну что, девушки, давайте знакомиться: меня зовут Федор, а моего друга – Сергей. Кстати, рядом с вами есть милая кафешка, мы могли бы снять там напряжение.

Девушки тоже представились.

– А почему бы и нет? – поддержала Кира предложение Федора. – Мы же в клубе едва успели расположиться, а тут это чмо нарисовалось. Опять же рядом с домом...

– Может, не стоит? – попыталась отказаться Маша. – Не то сейчас настроение.

– Да ладно тебе, если ты по поводу каждого отморозка будешь так переживать, то тебя надолго не хватит. Поехали,

пара коктейльчиков нам сейчас явно не помешает, – уговаривала ее подруга.

– Может, ты и права... Ладно, поехали.

– Вот и прекрасно! – обрадовался Федор.

Он оказался сдержанным и немногословным молодым человеком. Зато его приятель говорил без умолку: байки и анекдоты сыпались из него как из рога изобилия, и ему-таки удалось поднять девушкам настроение. Компания плотно поужинала и изрядно выпила, однако Федор при этом даже не притронулся к спиртному.

– Вы не пьете? Спортсмен или у вас принцип? – спросила удивленная Кира.

– Так я же за рулем, – в свою очередь удивился Федор.

– Уважаю, – заплетающимся языком с трудом проговорила она, – у-ва-жа-ю!

Парни отвезли своих спутниц домой. Проводив их до парадной, Федор придержал Машу за локоть.

– Я наблюдал за вами, как только вы вошли в клуб, – смущаясь обратился он к ней, – было бы обидно так нелепо распрощаться навсегда, вы бы не могли дать мне свой номер телефона, может быть вы примете мое приглашение в театр или согласитесь съездить за город.

Маша не успела среагировать, когда Кира, стоявшая поодаль, выпалила:

– Пишите, номер телефона ...

Федор не был красавцем и хорошо это понимал. Если бы

не спортивное телосложение, его внешность была бы не просто непримечательной, а отталкивающей. Глубоко посаженные глаза, мясистый нос, тонкие губы, впалые щеки, испещренные следами от оспы, жидкие прямые волосы пепельного оттенка делали его бесцветным, вызывали отторжение. Но, как заметила Кира, когда они вернулись домой, – судя по машине и по тому, что он не смотрит на цены в меню, он очень богат. Правда, может, и не он сам, а его родители, но в нашем случае это не имеет значения. Он по уши в тебя втрескался, а такие влюбляются раз и навсегда, поверь мне, уж я-то людей знаю.

***

Молодые люди стали встречаться. Федор относился к Маше с большой нежностью, исполнял все ее прихоти, но при этом не позволял себе в отношении нее никаких вольностей. Это удивляло и озадачивало девушку.

– Может быть, он импотент? – поделилась она своими сомнениями с Кирой. – Мы знакомы больше двух недель и никакого намека на секс.

– Дорогая, он же не знает, что ты путана, – добродушно заржала Кира, – он спрашивал, чем ты занимаешься?

– Да.

– И что ты ответила?

– Я сказала, что фотомодель, рекламирую зубную пасту

и мясорубки, и отправила его в Гостиный двор на Перинную линию полюбоваться моими фотографиями. Он побывал там, и мы долго смеялись по этому поводу.

– Молодец, я всегда чувствовала, что ты не промах. Слушай, а давай мы тебе девственную плеву залатаем, такие, как твой Федор, это ценят.

– Да ладно, он же не совсем дурак.

– Ну хорошо, а сама-то ты как? Имеешь на него виды?

– Знаешь, он познакомил меня со своей семьей, и они все мне очень понравились. А домище-то у них какой! Правда, его мать так на меня смотрела... Было такое ощущение, что она видит меня насквозь. Мне даже не по себе стало... У меня вообще какое-то дурное предчувствие. Думаю, что ничего у нас с ним не получится. Слишком он для меня чистый что ли...

– Брось, я еще не такие истории знаю. Богатенькие иностранцы на таких прошмандовках женились, что ты на их фоне просто невинная Дюймовочка, которая и переспала-то всего-навсего с жучком и эльфом.

– Еще были сын жабы и крот, – грустно усмехнувшись, заметила Маша.

– Ну, в этом признаваться вовсе не обязательно... Надеюсь, у тебя хватит мозгов не каяться перед ним во всех своих грехах! Запомни: чем меньше мужик знает о тебе, а уж тем более о твоих похождениях, тем с большим интересом и уважением он будет к тебе относиться. Кстати, я думаю, тебе на-

до отказаться от эскорта и почистить страницу в «Твиттере». Ты там такая оторва! Посты в «Фейсбуке», где ты изображаешь светскую даму, можешь оставить, только заблокируй комментарии, там есть пара разоблачений, вдруг он нарвется и начнет копать... Постарайся как можно скорее затащить его в постель. Только не вздумай с места в карьер демонстрировать свои таланты по этой части! Скромнее надо быть, милочка, скромнее... Пусть твой Федор думает, что это он тебя всему научил. Мужики это любят. Да, и еще: будет предлагать руку и сердце – долго не ломайся и не забудь сказать, что в браке больше всего ценишь надежность и именно за это качество ты его и полюбила. Впрочем, что я тебя учу, ты сама кого хочешь научишь.

В уютной и небедной квартире Киры пахло дорогими духами, развратом, продажностью, спермой и коньяком. А еще здесь витал дух мудрого спокойствия.

– Слушай, Кира, я все думаю: ты училась где-нибудь или от природы такая умная?

– Я родилась такой. Ты будешь смеяться, но я всего год недоучилась на учителя младших классов. С последнего курса ушла. Познакомилась с одним бандитом, он деньги пачками считал. Так и говорил, когда я на что-то просила: «Сколько тебе пачек?» Он вообще любил понтиться, но ласковым был и внимательным. Я за ним как за каменной стеной себя чувствовала, да и любила его безумно. Он сказал: «Не ходи в школу, хочу, чтобы ты всегда была рядом». И я не задумы-

ваясь бросила университет.

– И где он теперь? – спросила Маша.

– Убили его, на моих глазах убили, а потом еще заставили отрабатывать его долги. Целый год в борделе держали.

– Подожди, ты же говорила, что, приехав в Питер, чуть ли не сразу попала к Стеше.

– Ну да, так оно и было, я со Стешей, так сказать, сотрудничаю уже больше двадцати лет. А то, о чем я рассказываю, происходило параллельно.

– Да, потрепало тебя, – тяжело вздохнув, сказала Маша.

– Потрепало это не то слово, ты и доли моих страданий не знаешь.

Наступила томительная пауза. Маше хотелось расспросить Киру о ее злоключениях, посочувствовать ей, но внутренний голос говорил: «Не тревожь, захочет, расскажет сама».

***

После того как Федор познакомил Машу с родителями, его мать, будучи женщиной мудрой и проницательной, сказала мужу: «Не знаю, что именно, но что-то меня настораживает, есть в ней какое-то внутреннее напряжение. Может быть, смущается, а может быть, что-то старается скрыть. Пусть твои ребята покопаются в ее биографии, лишним не будет, а то, похоже, наш мальчик настроен серьезно, как бы не опро-

столоволоситься».

Через два дня начальник службы безопасности, как всегда, пришел на доклад к отцу Федора. После обсуждения служебных вопросов он протянул патрону флешку:

– Это, Алексей Михайлович, материалы об особе, по которой вы запросили информацию.

– Что там? – сухо спросил шеф.

– Фото для рекламы, эскорт и порноролик.

– Закажите ее сопровождение в ближайшее время в Москву на пару дней.

– Когда конкретно вы едете?

– Не я... Главное, сделайте так, чтобы в определенное время эта девица сидела в поезде, следующем в Москву.

Через три дня у Алексея Михайловича состоялся неприятный разговор с сыном.

– Послушай, Федор, то, что я сделал, – это, скорее, профессиональная привычка, чем недоверие именно к твоей избраннице. Поверь, я был уверен, что получу короткий доклад: «Чиста, как слеза младенца». Ан нет, доклад оказался обширным, да еще и с иллюстрацией... Я хочу, чтобы ты это увидел, – Алексей Михайлович протянул сыну флешку. – Думаю, ты сам не захочешь, чтобы такая женщина стала матерью твоих детей. Мужайся. Да, завтра она будет сопровождать в Москву богатого бизнесмена. Вот билет на место рядом с ней.

***

Когда, войдя в купе бизнес-класса, Федор увидела там Машу, она сразу поняла, что это конец их отношениям. Девушка не сомневалась, что все ее попытки как-то оправдаться будут выглядеть жалко и неправдоподобно. Несколько минут молодые люди молча смотрели друг на друга, понимая, что это их последняя встреча. Затем Федор повернулся и вышел из купе. Маша рванулась было за ним, но тут же вернулась на место, с застывшим лицом достала с полки свою дорожную сумку и поплелась к выходу из вагона.

Бедная девушка ни сном, ни духом не ведала о том, что по Интернету гуляет порноролик с похабнейшими сценами сексуальных ролевых игр, выложенный ее бывшим бойфрендом Владом.

***

Днем раньше к Маше заявила Оксана.

– Ну, мать, ты даешь! – налетела она на девушку с порога. – Что у тебя с телефоном? Ну никак дозвониться не могу, пришлось ехать. Короче: на тебя запал какой-то олигарх, хочет, чтобы ты с ним на пару дней съездила в Москву.

– И речи быть не может! Я с этим завязала, у меня теперь свой олигарх есть.

– Ой-ой-ой, сегодня есть, завтра нет! Завяжешь, когда он

тебя замуж позовет. А сейчас собирайся: поездка на три дня за три тысячи баксов – это не работа, а подарок судьбы.

– Сколько-сколько?

– Три тысячи зеленых при режиме «все включено с обеих сторон», причем, заметь, в этот раз я не беру никаких процентов.

– А с чего это ты такая добренькая? – с подозрением спросила Маша.

– Понимаешь, я не хотела упускать такого клиента и согласилась за тебя. Держи, здесь и деньги, и билет, – сказала Оксана, достав из сумки конверт и протягивая его девушке.

– Нет! – твердо заявила Маша и решительно отвела ее руку.

– Не дури! Вспомни, ты уже не раз обламывалась, а ведь я тебя спасала... Еще неизвестно, как жизнь-то повернется!

– Нет, нет и еще раз нет!

– Не беси меня, – злобно прошипела Оксана, но тут же сменила тон: – Послушай, девочка, ведь если твой принц, дай Бог, позовет тебя под венец, у тебя хотя бы будет на что платье купить. Да и вообще на всякий случай всегда надо свои деньги иметь, мало ли что...

«А ведь она права, – подумала Маша. – Ведь я совсем на мели! Федор ничего не узнает, а я хоть что-то заработаю».

– Ох, умеешь ты убеждать, – проворчала она. – Но запомни: это в последний раз и только ради нашей дружбы.

– Ну вот и договорились! – обрадовалась Оксана и доволь-

ная удалилась с барышом в две тысячи долларов.

Вот так и было организовано последнее свидание Федора и Маши. Шальные деньги сделали свое коварное дело.

***

С тех пор Машу стали изнурять сновидения. Ей часто снилось, будто стоит она возле Исаакиевского собора, вокруг которого совершается крестный ход. На ней длинное черное пальто. Вдруг мощный порыв ветра распахивает его, а под ним голое тело. Процессия останавливается, она слышит возмущенный ропот верующих. Маше мучительно стыдно, она изо всех сил пытается запахнуть пальто, но ей это никак не удастся сделать. Все длится недолго, но происходящее кажется вечностью.

Весь следующий день Машу терзает неосознанное чувство вины, от которого она никак не может избавиться. Где-то там, на подкорке, застряли вопреки ее воле воспоминания обо всех ее постыдных поступках, о которых она очень хотела бы навсегда забыть. И ночью, когда спящий человек над собой не властен, они проявлялись в виде мучавшего ее сна.

Другой сон еще более неприятный, если не сказать шоковый. Маша переходит Вознесенский проспект, как вдруг трамвай, идущий по Садовой, резко поворачивает налево и мчится прямо на нее. Маша может успеть перебежать дорогу, но ноги вдруг перестают ее слушаться, а трамвай с грохотом неумолимо приближается к ней. Монотонный стук колес

и гул двигателя нарастают с каждой секундой, перед глазами проносятся картинки из ее жизни, пронзительный звонок трамвая, кажется, сейчас разорвет барабанные перепонки... И в этот момент Маша просыпается вся в холодном поту и с дрожью в конечностях.

Состояние непонятной тревоги и страха поселяются в ее сознании. Старые душевные раны кровоточат и болят.

***

«Достали вы меня со своими любовными историями. Похоже, еще не повзрослели. Утрите сопли и слушайте, что такое любовь.»

Любовь, чтобы вы знали, — это химия. Точнее сказать, химические реакции, происходящие в организме. Прикиньте, когда мы смотрим на жратву, у нас выделяется слюна, а затем и желудочный сок соответствующего состава для переваривания определенного продукта. Точно так же, когда мы видим кобеля, на которого запали, в мозгах происходит химическая реакция и вырабатывается гормон фенилэтиламин — это гормон увлечения, заинтересованности чуваком.

А когда начинаются гульки, в кровь поступает один из самых сильных гормонов — дофамин, который действует как наркотик и заряжает нас энергией, особенно когда это взаимно.

Но если взаимности нет, гормон не вырабатывается, и наше состояние можно сравнить с наркотической ломкой. Вот почему так плохо, когда нет взаимности.

Ну и когда они затаскивают вас в койку, вырабатывается другой гормон — окситоцин, который вызывает очень сильные эмоции. А за ним и гормоном счастья — эндорфин, от которого мы торчим и уже совсем теряем голову.

Это и есть любовь.

Однако через 2-4 года выбросы эндорфина затухают, а потом и вовсе прекращаются. Ну не способен организм на это длительное время. Короче, вся эта канитель заканчивается и любовь проходит, хотим мы этого или нет. Ну и у женщин, как правило, это происходит с запозданием, они еще любят, а их уже разлюбили. Так что не парьтесь, никто вас не бросал, любовь временна, так распорядилась природа.

Умная я, да?»

«Но невезучая», – хотела было добавить Маша в своем очередном послании одноклассникам, однако не стала. Легенду успешной и счастливой Маши из Мясокомбината следовало поддерживать и не капитулировать перед неудачами.

***

Маше хотелось выплеснуть, выдавить из себя горечь поражения, преследующую ее все эти годы невезуху, и она отрывалась в сетях.

Пост в «Фейсбуке»:

«Вы все восхищаетесь моими успехами, спрашиваете, как их достичь. Кто-то предлагает пройти через все, ничем не брезгуя, чтобы добиться своего. Я с вами не согласна. Попробуйте достичь успеха, не распыляясь на мелочи и не совершая того, что нас губит. Попробуйте увидеть в зеркале человека, достойного уважения, чтобы потом не было стыдно за то, что натворили в юности.

Если вы не добились успеха, значит, вы еще в пути. Верьте, все у вас получится, не отчаивайтесь и не опускайте руки».

А пост в «Твиттере» облегчил ей душу:

«Замучила меня эта сука жизнь! Эмоции душат, как удав. До чего ж ненавижу эту бессмыслицу, весь этот бесконечно унылый аттракцион. Вереница нескончаемых серых дней... Безликие ничтожные людишки в свете своих ничтожных проблем. Все лезут в душу не для того, чтобы помочь, и даже не для того, чтобы что-то выведать, а для того, чтобы плюнуть в нее посмачней.

Я вырвусь, я разорву эту паутину, опутавшую мою жизнь, потому что в моем сердце все еще горит огонь. Я знаю, я верю в свою счастливую судьбу, я все еще умею любить и надеюсь быть любимой».

***

В «Одноклассниках» Маша поучала, указывала, настав-

ляла. Ей нравилось, что не только ее бывшие подруги, но и другие мясокомбинатники считают ее недосыгаемой звездой, слушаются ее, пытаются подражать. Правда, пара каких-то умников обвинили Машу в вульгарном понимании психологии, но это ее несколько не смутило, она просто заблокировала их на своей странице.

Другое дело ее профиль в «Фэйсбуке». Здесь она выверяла каждое слово, активно пользовалась постами других, выдавая их умные мысли за свои. Внимательно наблюдая за гостями Стеши, изучая их, Маша пыталась копировать их речь и манеры. А поскольку она от природы была весьма артистична, ей это весьма неплохо удавалось. Можно сказать, что «Фэйсбук» был для Маши своего рода учебным полигоном, где она оттачивала приобретенные навыки, примеряя на себя роль светской дамы, очень надеясь, что в будущем ей это пригодится.

Зато в «Твиттере» фигурировало ее подлинное Я. Здесь Маша позволяла себе быть самой собой, зарегистрировавшись под другим именем, писала о том, что ее действительно беспокоило, и тем языком, который ей был присущ изначально, который жил у нее внутри, и легко, без напряжения складывался в строчки.

Маша нашла в Интернете «крутой», с ее точки зрения, пост и опубликовала его на своей странице в «Твиттере»:

«Вы спрашиваете, почему у меня отбоя нет от поклонников. Отвечаю.

Знакомлюсь с парнем, просто начинаю его делать и понимаю, что человеку круто и мне от этого круто. А потом соображаю, что у меня его член во рту. Ё-моё...»

Через несколько дней у Маши уже были сотни подписчиков. Все интересовались, кто ей нравится и как с ней встретиться.

«Обожаю мужчин в классике! – отвечала Маша. — Когда ты весь из себя такой в костюме и с бабочкой, хочется при всех упасть перед тобой на колени, растянуть брюки и о.....ь».

Ее популярность в сетях стремительно росла.

***

Новый год Маша встречала одна. Кира звала ее с собой в какую-то компанию, но она отказалась.

– Нет, не пойду, а то еще наброшусь на кого-нибудь и разорву в клочья. Оно нам надо? Ты знаешь, хочется выть, рвать и метать все подряд. Если бы это был мой дом, я бы здесь все разнесла.

– Вот этого не надо!

– Я тебе, Кира, очень благодарна... Честно говоря, добрее и отзывчивее человека я в своей жизни не встречала, ты просто мой ангел-хранитель.

– Никакой я не ангел... Просто не хочу, чтобы кто-то испытал то же, что испытала я. И скажу тебе, подруга, все это пустяки на фоне тех трагедий, что переживают другие. Все

утрается и забудется как дурной сон, и встретишь ты еще своего принца на белом коне.

– Сомневаюсь... Все в этой жизни против меня. Вроде бы начинает фартить, и вдруг облом, боюсь, однажды не выдержу, свалюсь и уже не в силах буду подняться. Спиртное меня уже не спасает, может, дурь попробовать. Ну, там травку покурить, на крайняк ЛСД вкинуть...

– Вот этого я тебе точно не позволю! – резко оборвала ее Кира. – Туда войти легко, а выбраться почти невозможно.

– А ты что, пробовала?

– Проехали!

– Нет, правда, расскажи...

– Я же сказала, закрыли тему! – жестко оборвала подругу Кира.

***

За все время новогодних праздников Маша ни разу не вышла из дому.

– Так тебя затащит в депрессию и будешь туда погружаться по поводу и без, – сказала Кира, которую давно уже беспокоило психологическое состояние подруги. – Мне Мишаня посоветовал отправить тебя на курсы самопознания и самокоррекции. Он уверен, что это поможет тебе разобраться в себе и обрести душевное равновесие. Я сама посещала подобные курсы и многому там научилась.

Маша согласилась и ни разу об этом не пожалела. Курсы помогли Маше не только разобраться в самой себе, но и понять, что существует множество людей, на фоне проблем которых ее собственные выглядят мелкими неприятностями, и что она далеко не самый невезучий человек на свете. Кроме всего прочего, приятным бонусом было то, что лекции читал молодой и очень симпатичный преподаватель, к тому же оказавшийся прекрасным оратором.

После нескольких вводных лекций и практических занятий преподаватель попросил слушателей сделать четыре-пять монографических портретов, составленных по заданной им схеме. Маша тут же сообразила, что просвещенные ею школьные подруги очень даже могут помочь ей выполнить это задание.

«Я стремлюсь быть отзывчивой, готова помочь советом даже незнакомым людям, а уж вам, дорогие мои одноклассницы, подсобить сам Бог велел, – писала Маша подругам в «Одноклассниках». — Теперь с каждым своим сообщением я буду присылать вам полезные советы. Читайте и учитесь.

Самое главное — знать себя, а то мы ведь себя не знаем и несем заливуху, а уж что подчас вытворяем, уверена, вы помните. Себя надо знать досконально: о чем думаешь, что говоришь, как поступаешь, как себя оцениваешь, контролируешь ли свои слова и поступки, ну и все в этом духе. Это называется Я-реальное.

Также нужно знать свое Я-идеальное. Это, как вы понимаете, знать, кто твой идеал, на кого ты хочешь быть похожа. Причем таких образцов для подражания должно быть несколько, ведь не хочешь же ты быть полной копией какого-то одного человека, например, матери или своей подруги. Что-то хотелось бы взять от матери, что-то от подруги, что-то от Пугачевой, что-то от Дженифер Лопес, ну и так далее. В общем, чем больше образцов для подражания, тем лучше.

Еще важно замечать и учитывать то, как нас оценивают окружающие. За что любят, за что ненавидят и насколько это справедливо. Это по-научному называется Я-социальное.

Ну и, конечно, Я-фантастическое. О чем вы мечтаете, что может сбыться, а что нет.

Если вы пришлете мне свои эссе по самоанализу (это ваши соображения по данному поводу в письменном виде), я смогу их подправить и помочь вам добиться в жизни успеха.

В следующий раз я расскажу вам, как узнавать других».

***

«Умницы вы мои, как горячо вы откликнулись на мой призыв сделать себя счастливыми. Правда, Ленка и здесь отличилась, не захотела поднять свою жирную жопу с дивана, чтобы озаботиться о своем же счастье.

Урок второй. Познание другого.

«А зачем?» — спросите вы, да за тем, мои хорошие, чтобы вы знали, от кого можно ожидать подлянки, а кто на нее не способен, кого можно употребить, а кого нет. Итак, во-первых, другого можно узнать по той же схеме, что и себя, но этого мало. Надо замечать, когда люди проговариваются. Например, парень твердит о том, что не способен поднять руку на девушку, а сам вставит в чей-то рассказ: «Да врезать ей надо было, чтобы на всю жизнь запомнила!» Знайте, перед вами никакой не рыцарь, а самое настоящее чмо, склонное к насилию.

Потом у людей есть доминанты. Это когда человек о чем-то постоянно говорит. Ну, например, о рыбалке. Так вот если вы хотите сделать приятное этому человеку, попросите рассказать его о том, как он рыбачил, а на день рождения подарите ему удочку. Чувствуете, куда я клоню? Зная все эти мульки, можно захомутать любого парня.

Еще важно замечать, на чем он постоянно акцентирует свое внимание, и это тоже использовать в борьбе за него. Хотите узнать об его истинном отношении к чему-либо, разозлите его или, наоборот, обрадуйте (это называется введением в эмоционально напряженное состояние) и прямо спросите об этом. Вот здесь и проявится его подлинное Я. Он будет как на стеклышке — тот, какой есть на самом деле.

Ну и последнее. Подстройте какую-нибудь ситуацию и

посмотрите, как он себя поведет.

Правда, здорово? Учитесь, пока я жива».

***

Маша старательно конспектировала лекции психолога с одной лишь целью — блеснуть перед бывшими одноклассницами. Мысли о том, что она умнее, успешнее их, утешали ее, давали возможность хоть на время забыть о своих неудачах. И не важно, что в ее постах не было ни слова правды, она таким образом самоутверждалась. Снова и снова Маша поучала своих подруг:

«Кто из вас не хочет быть лидером? А кто хочет, чтобы вас любили и уважали? Тогда слушайте сюда. Не тараторьте без умолку, общаясь со своими парнями. Это с подружками можно посостязаться, кто кого переговорит, а парней, как и начальников, надо слушать, широко раскрыв глаза от восторга и рот от удивления. Про рот, Лиля, это я для тебя: ты по-прежнему ходишь с раскрытым ртом или научилась-таки его закрывать?»

Помните, я говорила о доминантах? Так вот, с людьми надо преимущественно говорить о том, что интересует их, а не вас. Вот тогда вы будете интересны собеседнику, особенно если удастся его надуть, и он почувствует искренний интерес к своей персоне. Не орите и никогда не перебивайте собеседника. Я понимаю, что вам крайне тяжело это-

го не делать, но если вы хотите кого-то расположить к себе, то уж постарайтесь. Почаще критикуйте себя и восхищайтесь тем, кто вам нужен, полезен: его суждениями, принятыми решениями, поступками. Все люди это любят. Его все критикуют, а вы в восторге от него, проявляете сочувствие. Догадайтесь с трех раз, как он будет к вам относиться. Сечете, о чем я? Начинайте разговор с похвалы. Не важно чего — внешности, суждения, принятого решения, в крайнем случае восхищайтесь его собакой... И Боже вас упаси говорить о его недостатках – самострелу подобно. Делайте так, чтобы благодаря вам он чувствовал свою значимость. И никакого приказного тона!

Вот так все просто. Запомните, чему я вас учу, поступайте так, как я учу, и будьте счастливы, как счастлива я».

Между тем Маша даже сама не могла назвать себя счастливой. Ее очередной раз отчислили из очередного вуза. А это кошмарное разоблачение Федора окончательно разрушило ее.

***

В последнюю пятницу января у Стеши собралось как никогда много народа. Салон заполнила самая разношерстная публика. По мере прибытия гостей подтягивали девочек. Вызвали и Машу, и теперь она бродила по студии, ожидая,

когда ее «прикрепят» к кому-нибудь из гостей. Ее стройное тело плотно облегалo маленькое черное платье. Волнистые волосы были распущены до плеч, а ниже, сплетённые в толстую косу, заканчивались у самого пояса ярко красным бантом.

К Стеше подошел Валерий Николаевич Громов – народный артист, широко известный по киносериалам о мафии.

– Послушай, – обратился он к ней, – у тебя здесь такая колоритная цыганочка бегаёт, познакомь нас.

– Какая еще цыганочка? – удивилась та.

– Да вот же она, – сказал Валерий Николаевич, указывая на Машу.

– А-а, вот ты о ком... Да без проблем! Маня, – окликнула Стеша девушку, – подойти ко мне. Я хочу оказать тебе честь и познакомить с великим киноактером. Валерий Николаевич...

– А я знаю! – перебила ее Маша.

– Вы что, знакомы? – удивилась Стеша.

– Нет, конечно! Я имела в виду, что знаю, что Валерий Николаевич – великий актер.

– А-а..., – безразлично протянула Стеша. – Ну тогда покажи ему фотолабораторию.

Маша сделала приглашающий жест и стала подниматься по винтовой лестнице. Валерий Николаевич последовал за ней. Перед ним открывалась картина, способная свести с ума любого мужчину: стройные ноги и крепкие упругие ягодич-

цы – Стеша запрещала своим девушкам надевать на подобные вечеринки нижнее белье. «Боже, я схожу с ума! – думал Валерий Николаевич, чувствуя нарастающее возбуждение. – Нет-нет, я слишком стар для этой девушки... Но я хочу ее!»

– Ну вот мы и пришли, – сказала Маша, остановившись у какой-то двери. Распахнув ее, девушка шагнула внутрь, включила свет, и последовавший за ней Валерий Николаевич увидел небольшую комнату, заваленную какой-то допотопной техникой.

– Вот здесь работает Стефания Аполлоновна..., – куда-то в пустоту произнесла Маша и взяла его за руки. Лик ее тронула легкая улыбка, взгляд стал по-детски наивным, а в огромных чернущих глазах казалось можно было утонуть. Маша научилась придавать своему лицу кроткое выражение, которое, между тем, не призывало к скромности, а порождало страсть. Валерий Николаевич окончательно потерял голову. Робея как юноша на первом свидании, он едва прикоснулся ладонью к ее щеке и нерешительно начал свое признание:

– Машенька..., – еле слышно, задыхаясь от переполнявших его чувств, произнес Валерий Николаевич.

– Тс-с..., – прошептала она, приложив палец к его губам. Маша опустилась перед ним на колени, расстегнула клапан брюк, и он ощутил тепло ее влажных губ.

«Вот так теперь целуются», – подумал он и воспарил под потолком маленькой полутемной комнаты.

***

Девочки Стеши были сплошь неудачницами с большими амбициями. Она понимала, что выбор у них невелик и держаться за нее, как возможность быть на виду, они будут из последних сил, что бы это им ни стоило. Стеша вымуштровала своих охотниц за славой, и они беспрекословно подчинялись каждому ее требованию. Команда показать фотолaborаторию означала сексуальное удовлетворение гостя.

***

Через некоторое время Валерий Николаевич и Маша спустились вниз и присоединились к гостям.

Стеша перебрала спиртного и, никого не стесняясь, взасос целовала Оксану, засунув ей руку под юбку.

– Фу, какая мерзость, – брезгливо процедила сквозь зубы Маша. – Видели бы вы, что они вытворяют, когда нет посторонних! Нас они совсем не стесняются.

– Не скажи, если бы я был женщиной, я бы, наверное, тоже был лесбиянкой, ведь женское тело куда красивее мужского. К тому же у женщин, как правило, нежная, ухоженная кожа. Кроме того, в отличие от мужчин, у которых эрогенные зоны на семьдесят процентов примитивно сосредоточены сама знаешь в каком месте, у женщин они разбросаны по всему

телу. А это такой простор для фантазии! Так что любить надо женщин и только женщин.

В ответ Маша так громко рассмеялась, что привлекла к себе всеобщее внимание.

– Ну и что это нас так развеселило? – зло глядя на девушку, спросила Стеша, подозревая, что та смеется именно над ней.

– Да я ей анекдот рассказал, – нашелся Валерий Николаевич.

– И какой же?

– А вот какой. Ждет женщина любовника. Прибралась, прихорошилась, накрыла на стол, поставила бутылку водки. Пристально посмотрела на себя в зеркало... И выставила вторую бутылку.

Все рассмеялись.

– Вот еще анекдот, – возбужденно произнес молодой человек в заношенном свитере – фотохудожник, специализирующийся на обнаженной натуре. Изрядно набравшись халвадного спиртного, он теперь решил подкрепиться и в каждой руке держал по бутерброду. – Встречаются две приятельницы. Одна другой:

– Да, мы же три года с тобой не виделись, с самой свадьбы. Ну, рассказывай, как живете.

– Все у нас хорошо, мы счастливы.

– Ну а на стороне у тебя кто-то уже появился?

– Нет, ты знаешь, никого, я за три года ни разу не изме-

нила мужу.

– Тю, а что так?

– Да вот как-то не везет.

– Тебя послушать, так все женщины шалавы и каждая же-
на норовит изменить мужу, – обиженно произнесла сидев-
шая в углу миловидная пианистка.

– Изменяют все, и мужчины, и женщины. Хоть раз в жиз-
ни, но изменяют, – ответил фотохудожник.

– Решительно не согласна! – заявила пожилая писатель-
ница, сильно походившая на учительницу младших классов
своей чопорностью и привычкой читать нотации окружаю-
щим. – Я знаю достаточно много женщин, которые никогда
не изменяли своим мужьям.

Она произнесла это с такой уверенностью, что всем стало
понятно – речь идет о ней самой.

– Не изменяли – это вовсе не значит, что не хотели. Про-
сто не имели возможности. Ну не было на них спроса!

– Фу, это уж совсем пошло звучит, – брезгливо помор-
щившись, сказала писательница.

– Не пошло, а реалистично. Да вы вот Маврина спросите,
он психолог и наверняка сталкивается с этим явлением. Рас-
судите нас, – обратился фотохудожник к элегантному муж-
чине преклонного возраста.

Тот глубокомысленно закатил глаза, выдержал паузу, как
бы размышляя над вопросом, и начал свое длинное повест-
вование.

– Ну что ж, по моим наблюдениям, базирующимся на признаниях клиентов, изменяют действительно все, – ответил Маврин. – Начнем с мужчин. Исключение составляют лишь те, у кого проблемы с эрекцией, кои и пресловутый супружеский долг исполняют лишь по великим праздникам. Более того, я знаю сладострастных попов, грешащих с прихожанками. Вот по поводу матушек ничего сказать не могу, а бабюшки, вероятно, немногие, но грешат. Свидетельствую.

– Ой, это интересно, расскажите, – оживилась Оксана.

– А как же быть с тайной исповеди? – отшутился психолог. – Я и в самом деле сборник новелл мог бы написать на эту тему, но профессиональная этика не позволяет. Так вот, что касается мужчин – скажу больше: все они, за редким исключением, не скрывают своих походов и болтают об этом на каждом углу, причем, имейте, дамы, это в виду, не утаивают имен обольщенных ими женщин и смакуют скабрзные детали.

– Ты сейчас будешь жестоко бит, – пробасил оперный певец.

– Ну, когда еще они узнают всю правду о вас. Я же как бесстрашный исследователь имею на это право. Однако обратимся к женщинам. Они изменяют не меньше нашего и делятся на четыре группы.

Первая – стоические, это те, которые хотят, но не преступают, флиртуя лишь в своих фантазиях. Их со временем становится все меньше и меньше.

Вторая группа – романтические женщины, которые как в омут с головой кидаются в любовные отношения и либо строят новую семью, либо просто разводятся, либо после прекращения греховной связи страдают и корят себя всю оставшуюся жизнь.

Третья группа – безрассудные женщины, делающие это не ради удовольствия, удовлетворения страсти, а в отместку мужу за измену.

Четвертая группа – нимфоманки, делают это часто и без разбора. Отрываются почище мужиков.

– Да, если тебя послушать, то женщины – это сплошь изощренные извращенки! – возмутилась писательница.

– Прошу заметить, это не я сказал..., – парировал психолог.

– И тому есть масса примеров, – ехидно заметил политолог. – Взять хотя бы маркизу де Помпадур. Когда Людовик XV охладел к ней, она спокойно уступила свое место новым молоденьким любовницам, не потеряв при этом благосклонности и доверия короля. Маркиза убедила его в своей незаменимости на ином поприще. Зная вкусы и пристрастия Людовика, она лично подбирала ему девиц, устраивая их свидания в знаменитом Оленьем парке.

– Да, она действительно оставила о себе дурную память, – подтвердил психолог. – После смерти де Помпадур при французском дворе ходили слухи, будто на ее могиле начертаны слова: «Здесь покоится та, которая двадцать лет была

девственницей, десять – шлюхой, а тринадцать лет – сводницей».

Как водится, после обсуждения адюльтера перешли к политике. Полемику начал Рудик – так звали крохотного сухощавого человека неопределенного возраста, одетого в подростковый костюм, который был ему явно мал и обтягивал его тщедушное тельце. Под пиджак была надета некогда белая рубашка, украшенная мятой бабочкой, а из-под узких и коротких брюк в любое время года торчали грязные кальсоны. На лацкане пиджака неизменно красовался маленький букетик искусственных цветов.

Одни говорили, что ему едва за сорок, другие – что уже давно исполнилось восемьдесят. Сам же Рудик с одинаковой искренностью рассказывал и о том, что когда учился в школе, пионерской организации уже не существовало, и о том, как 9 августа 1942 года в Большом зале Ленинградской филармонии ребенком слушал седьмую симфонию Шостаковича и, потрясенный ее мощью, поклялся себе стать великим композитором.

Композитором Рудик стал и, похоже, действительно великим. В Европе редкий спектакль по произведениям Кафки не сопровождался музыкой его сочинения. Однако на родине его знал лишь узкий круг людей. Когда в захолустных клубах или на чьей-то квартире он исполнял свои произведения, это больше походило на цирковое представление, чем на музыкальный концерт. То он садился за инструмент

с мешком на голове, то падал у рояля, притворившись мертвым, то неистово колотил руками и ногами по клавишам, а как-то раз, музицируя у Стеши, и вовсе описал рояль.

Проблема Рудика заключалась в том, что он был шизофреником. По обыкновению он вступал в полемику по любому вопросу, и на все у него было собственное мнение, причем единственно верное. А еще он был монархистом и непонятно, из каких таких соображений, ярким почитателем политического гения нынешнего президента.

– По просьбе спецслужб я подготовил секретный проект по сохранению у власти нашего Сказочного президента, – заявил он. – После небольшой доработки я отправлю его в Конституционный Суд и в ООН.

– Это любопытно... – с притворной заинтересованностью протянул журналист Сартаев. – А не мог бы ты по-дружески поделиться с нами его деталями?

– В первом варианте я предлагаю короновать человека, фамилию которого нельзя называть из соображений секретности, – затараторил польщенный Рудик, ловко запрыгнув на стул. – Для этого события я уже написал коронационный антем и приложил его клавир к докладу. Если ООН не одобрит мое сочинение, то на этот случай предусмотрен план «Б», согласно которому в Конституцию России вносится изменение о сокращении президентского срока до одного года. На этот срок президентом назначается Медведев, Волков или на крайний случай Зайцев, который в пору своего правле-

ния увеличивает президентский срок до десяти лет, и тогда у Солнечного будет целых двадцать лет власти, для страны – процветания, а для народа – счастья.

– Ты хотел сказать у Сказочного, – прервал его Валерий Николаевич, – или на сцене появляется новый персонаж – Солнечный? Это пахнет государственной изменой и заслуживает суровой кары.

Рудик спрыгнул со стула, опустился на четвереньки и, визгливо затаившись, подскочил к Валерию Николаевичу и укусил его за ягодицу. Тот в ответ грозно зарычал и стал наступать на Рудика, имитируя яростное разбрасывание земли лапами. Обескураженный ответной реакцией, на которую он определенно не рассчитывал, Рудик поднялся с пола, отряхнул брюки и удалился в соседнюю комнату, недовольно повторяя: «Дурачок какой-то, вот дурачок».

– Я подозревал, что диктаторов создают сумасшедшие, которые вслед за своими идолами сами лишаются рассудка и при этом звереют, а теперь вот убедился в этом, – саркастически заметил Сартаев.

– Ну зачем так жестко! Рудик вполне имеет право на обожание своего кумира, к тому же весьма успешного политика, – вступилась за несчастного писательница.

– Успешного в том, что сделал нас изгоями, заложниками своих амбиций, успешного в проявлении жестокости к народу? – возмутился журналист.

– О какой такой жестокости вы говорите? – не унималась

писательница.

– Как известно, искушение властью велико. Годы идут, а бразды правления отпускать не хочется. К тому же со временем наступает усталость и на фоне ропота народа властитель ожесточается. Причем рано или поздно ко всем авторитарным правителям приходит состояние равнодушной жестокости, – заявил Сартаев. – Помните, у Маркеса в «Осени патриарха» диктатор встречает молодого человека и задается вопросом: «Где же я его видел?» И не вспомнив, велит арестовать его. «Пусть посидит, пока не вспомню», – заключает он. И молодой человек всю свою жизнь гниет в темнице. А своего явного врага он зажаривает на огне и заставляет заговорщиков его съесть. Это вам ничего не напоминает?

– А кто такой Маркес? – шепотом спросила Маша Валерия Николаевича.

– Это известный колумбийский писатель. Я для начала дам тебе почитать его роман «Любовь во время чумы».

– А по мне так очень хороший план, только я бы добавил отправку Сказочного в космос, как у Войновича в антиутопии «Москва 2042». Ему из Кремля тяжело всем управлять, не каждая бабушка видна, а вот из космоса другой обзор, – съязвил фотохудожник.

– Вы смеетесь, а в политических кругах говорят об обнулении сроков Сказочного, – заметил Сартаев.

– Да не может этого быть, готовятся всего лишь незначительные поправки в Конституцию, – желая смикшировать

тон дискуссии возразил политолог Боровский.

– Наивный вы человек! Все это лишь дымовая завеса для решения главной задачи: оставить Сказочного у власти пожизненно, – сказал Сартаев.

– Раньше люди надеялись, что закончится срок и он уйдет, а теперь на какие ожидания он их настраивает? Невмоготу уже терпеть это циничное манипулирование, – грустно заметил психолог.

– Было бы невмоготу, вышли бы на баррикады, – парировал политолог.

– Народ сейчас пребывает в хроническом страхе, его так запугали, что люди стали трусливее зайцев. Они не отвечают ни на унижения, ни на избиения. Только ноют и чего-то просят, менять свою жизнь не хотят, ждут, когда за них кто-то все это сделает, – резюмировал психолог.

– А ты не боишься, что тебя за такие суждения в каталажку отправят? – ехидно спросил политолог.

– В том-то и беда, что боюсь, – по-детски наивно признался психолог. – При коммунизме не боялся, а сейчас боюсь, тем более что, насколько я знаю, недавно приняли закон, предусматривающий наказание за критику власти. Мало им уголовной ответственности за оскорбление чувств верующих, так теперь запретили критику власти. Впору ввести наказание за оскорбление чувств верующих во власть.

– Да чушь все это – фейки! – возмутился политолог.

– Тогда «двушечки», которые отсидели девицы за пляски в храме Христа Спасителя, – это тоже фейк? Штраф либо административный арест грозит тому, кто проявляет неуважение в неприличной форме к обществу, государству, официальной символике, Конституции или органам государственной власти, – разъяснил Сартаев.

– То есть если я заявляю, что повышение правительством – это же орган государственной власти? – пенсионного возраста меня не удовлетворяет, то буду оштрафован? – удивился пожилой художник.

– Ну нет, зачем утрировать, там же сказано: «в неприличной форме», – с раздражением ответил политолог.

– Значит, если так, как я выразился, то ничего, а если я прибавлю «мать иху так» – то штраф. Правильно я понимаю?

– В общем да, но я бы предпочел, чтобы ты за осквернение русского языка получил пятнадцать суток ареста. Правда, справедливости ради, надо вспомнить о спорных и не совсем понятных «заведомо недостоверных сведениях» и «тяжких последствиях» которые они могут повлечь, – попытался придать объективность своей позиции Боровский.

– Ну тогда скоро СМИ будут писать только о цветочках и птичках, ибо «великий русский» можно трактовать как угодно, я уже не говорю о непредсказуемом: «как наше слово отзовется». Бред какой-то! – возмутился Сартаев.

Все замолчали.

– Власть сплошь и рядом ведет себя неуважительно по от-

ношению к народу, – гневно продолжал Сартаев. – Причем не просто неуважительно, а цинично неуважительно, неуважительно извращенно. И ничего. Смотрите, как избивают, а потом еще и сажают участников митингов за брошенный в сторону омоновцев пластиковый стаканчик. Очевидно, что на самом деле речь идет об усилении политической цензуры, объявляющей противозаконной любую критику власти, о запугивании людей. Ведь до чего дошло: обыскивают квартиры не только родственников, но и соседей фигурантов политических репрессий, чтобы инакомыслящим не давали прохода даже во дворе.

– Ладно, хватит вам критиковать власти, да еще в моем доме, а то вызову сейчас росгвардейцев и ваш праздник закончится, – вмешалась в разговор Стеша. – Лично я за советскую власть или как она у нас теперь называется... Всех призываю в свидетели, что лично я «одобрямс» любую власть, в особенности нынешнюю, и готова расцеловать ее во все места. Устраивайтесь поудобнее – сейчас будет дефиле женского эротического белья. Это, уверяю вас, куда интереснее разговоров о политике.

Стеша панически боялась спецслужб, хотя никогда не имела с ними никаких дел. Похоже, это был страх на генетическом уровне.

***

После вечера Валерий Николаевич привез Машу к себе домой. Та восприняла это как нечто само собой разумеющееся, только посетовала: «Как же я без зубной щетки и тапочек?»

– Об этом не беспокойся, чего-чего, а уж этого добра у меня полно, причем со всех концов света.

И действительно, из каждой заграничной поездки, а Валерий Николаевич был заядлым путешественником, он помимо всего прочего привозил тапки, шампуни, зубные щетки и тому подобное, что по той или иной причине не успевал использовать в гостиницах.

– А я нигде не была, ну, в смысле за границей, – жалобно, словно ребенок, у которого отняли любимую игрушку, сказала Маша, и лицо ее стало таким грустным, что Валерию Николаевичу тут же захотелось устранить это досадное недоразумение.

– Ну какие твои годы! – принялся он утешать девушку. – А хочешь за одну поездку побывать сразу в нескольких странах?

– Конечно, хочу! А мы что, в кругосветное путешествие отправимся?

– Ну это позже, а пока только в круиз по Средиземному морю.

– Ура-а! – закричала Маша и запрыгнула ему на спину.

Валерий Николаевич с трудом верил в происходящее. Вот так, без долгих ухаживаний и страданий, без подарков и обо-

льщений это прелестное создание стало его женщиной. «Да, вот уж не думал, не гадал, – грустно усмехнулся Валерий Николаевич. – “И может быть на мой закат печальный блеснет любовь улыбкою прощальной...” Оказывается, такое бывает. Вопрос в том, надолго ли? И какие, интересно, чувства испытывает ко мне эта девочка? Кто я для нее? Кошелек на ножках или она искренне ценит мое доброе к ней отношение? Да какая, к черту, разница! Главное, она моя и я счастлив!»

Маша же ни о чем таком не думала, она просто наслаждалась вниманием и заботой Валерия Николаевича, который незамедлительно и с большим удовольствием исполнял все ее прихоти.

Мужчина вновь почувствовал себя молодым и сильным. Памятуя о совете, данном ему одной актрисой: «Больше всего женщины ценят ласку и демонстративное восхищение их прелестями», он рассыпался в похвалах, вспомнил все известные ему сценические монологи влюбленных и водопадом обрушил их на юное создание. Маша упивалась красотой комплиментов и наивно думала, что все эти слова о ней и для нее одной.

Валерий Николаевич использовал весь свой сексуальный опыт. Он так много знал такого, о чем Маша даже не подозревала, чего не было ни с одним молодым парнем.

«Надо же, – думала она, – ведь такой старый, а заводится с пол-оборота! Да он даст фору любому молодому кобель-

ку!» Но при этом Машу тревожил вопрос: «Это действительно так, или я себя уговариваю? Нет, быстрее всего оправдываю свои отношения с человеком старше моего деда».

***

Валерий Николаевич был народным артистом СССР, не сыгравшим в театре ни одной главной роли. Кинематограф его и вовсе не знал. Он был хорош собой, обладал прекрасными манерами и величественной осанкой – словом, ничто не выдавало в нем выходца из простой сельской семьи.

Мать Валерия Николаевича была дояркой, отец – комбайнером. Ни его родители, ни многочисленные братья и сестры не отличались эффектной внешностью. Но Валера не страдал нарциссизмом. По натуре он был добрым и отзывчивым мальчиком, чем и снискал себе симпатии односельчан. И в семье его все любили. Заведующая сельским клубом Глафира Григорьевна заметила славного парнишку, и он все школьные годы исполнял роли пай-мальчиков и принцев в ее постановках. По окончании учебы Валера стал работать в клубе руководителем драмкружка. Специально для него Глафира Григорьевна с большим трудом выбила у председателя колхоза полставки.

Через год Валеру призвали в армию, и в родное село он уже не вернулся. После демобилизации он за компанию с сослуживцем из Ленинграда, который с детства бредил актер-

ской карьерой, решил поступать в театральный институт и, к собственному удивлению, был зачислен. Сослуживец же не прошел по конкурсу.

Город околдовал Валеру своими белыми ночами, набережными и дворцами. Учиться было интересно, однокурсники оказались славными ребятами, образовалась дружная компания, и они все вместе недурно проводили время. Куратор группы помог Валерию через своих знакомых устроиться руководителем драмкружка в школе. Работа была, что называется, непыльная: по вечерам два раза в неделю, а деньги, как известно, лишними не бывают, особенно для студентов. Этого приработка и стипендии Валерию хватало и на жизнь, и на удовольствия, тем более он был неприхотлив в еде, не курил и не злоупотреблял спиртным. Словом, юноша с полным основанием считал себя счастливым человеком.

Но на третьем курсе произошло событие, которое если и не перечеркнуло его жизнь, то изрядно ее подпортило. Преподаватель актерского мастерства предложил студентам написать рассказ, который можно бы было поставить на сцене. В школе Валера, как и многие подростки, пописывал стишки, но в прозе свои силы не пробовал. Однако в последнее время по непонятной причине в его голове периодически прокручивался один и тот же сюжет, и юноша за одну ночь изложил его на бумаге.

ВИССАРИОН ИУДОВИЧ СТАЛИН

В кабинете капитана Лебядкина, начальника НКВД маленького сибирского городка Плутовецка, зазвонил телефон.

Борьба со шпионами и диверсантами не давала капитану покоя ни днем, ни ночью. Лебядкин не смыкал глаз уже трое суток, он был в нервном напряжении, и телефонный звонок заставил его вздрогнуть.

– Кто там еще? – рывкнул он в трубку.

– Товарищ начальник, – послышалось в ответ, – говорит партиец с 1926 года. Хочу вам сообщить, что по улице Коммунаров, дом 5, проживает враг народа, порочащий высокое звание советского гражданина. Рекомендую срочно принять самые решительные меры.

– Фамилия? – проревел Лебядкин.

Но в трубке воцарилось молчание. Капитан вызвал дежурного.

– Срочно готовь машину и оперативный отряд, поедем брать государственного преступника.

В соседнем городке было арестовано уже пятьдесят человек, а у него, у Лебядкина, только двадцать пять, всего двадцать пять!

В областном центре уже не первый раз упрекали его в недостатке бдительности. Ну ничего, теперь он проявит себя. Лебядкин раскроет все заговоры.

Он поднял трубку:

– Соедините меня с областью, мне нужен товарищ Красавчиков. – Через несколько минут капитан услышал властный голос подполковника Красавчикова. Он вытянулся по стойке смирно и отрапортовал:

– Товарищ полковник, говорит капитан Лебядкин, отбываю на задержание государственного преступника, какие будут указания?

– Действуйте решительно и оперативно, – послышалось в ответ.

Ровно через час капитан Лебядкин втащил в свой кабинет старого еврея и усадил его перед собой на стул.

– Ну, жид, рассказывай по-хорошему, ты у меня все равно расколешься, – гаркнул капитан и для убедительности треснул старика по уху так, что тот упал со стула.

– Что мне-таки говорить? Я старый сапожник, меня все знают. Я вернулся с барахоловки, и тут вы, говорите, поехали с нами, вот ми и приехали.

– Не строй дурочку, жидовская морда! Что ты делал на базаре?

– Моя жена захотела есть, а у нас в доме нет ни крошки, вот я и взял старый сапог, срезал с него голенище и пошел продавать, чтобы уже купить что-нибудь поесть, но голенище никто не купил, и я только зря мерз на морозе целых пять часов. Моя старуха не дает мне покоя, мне очень плохо, а тут еще вы.

– А, ты грубить, собака! – заревел Лебядкин и изо всех

сил ударил старика в живот. Тот распластался на полу.

Капитан Лебядкин сел за стол и начал писать протокол. Еврей застонал и попытался подняться. Он слышал, как уже дважды капитан спросил его фамилию, старик силился ответить, но у него никак не получалось, внутри все сдавило, он глотал воздух, но выдохнуть не мог.

– Встать! – скомандовал Лебядкин. – Как твоя фамилия?

Опираясь на стул еврей с трудом встал и прохрипел:

– Сталин.

– Что?! – не понял Лебядкин.

– Моя фамилия Сталин, – повторил тот.

– Жидовское отродье, иуда, морамой, ты над кем вздумал издеваться?

Лебядкин с благоговением посмотрел на портрет Сталина. Воздъ сурово глядел не только на этого старого грязного еврея, но и на него, на Лебядкина.

Капитан побагровел, схватил увесистую мраморную пепельницу и, подбежав к старику, что было силы ударил в скулу. Тот упал, издав протяжный жалобный крик. Из его рта вылетела вставная челюсть, ударилась об угол стола и раскололась, рассыпавшись по всей комнате.

Капитан был оскорблен до глубины души: какой-то жид пархатый позволяет себе издеваться над самым святым – его воздём. Он лупцевал лежавшего без движения еврея, пока не выдохся.

Все это время Иосиф Виссарионович Сталин взирал на Лебядкина с отцовской нежностью. Прищур его глаз излучал солнечный свет и тепло.

Изрядно подуставший, но довольный собой Лебядкин развалился в кресле.

– Плохо будет, ой как плохо будет, – бормотал старик.

– Наглая морда, ты что, мне угрожаешь? Да я тебя к стенке! Но прежде я из тебя всю душу вытрясу, изуродую гада!

– Не надо, не надо! – зашамкал старик. – Я скажу все, что вы хотите. Вот мои документы, там-таки написано, что я действительно Сталин. И не надо меня больше так сильно бить.

Дрожащей рукой он положил на стол капитана паспорт. Тот раскрыл его и прочитал: «ВИССАРИОН ИУДОВИЧ СТАЛИН».

– Почему, – выдавил он из себя, – почему Сталин?

– Потому что отец мой был Сталин, и отец отца тоже был Сталин.

Лебядкин вынул из стола лупу и тщательно изучил печать, фотографию, четко выведенные шесть до боли знакомых букв – СТАЛИН.

В глазах у него помутилось, голова стала тяжелесть.

«А что, если...», – с ужасом подумал он и судорожно начал вспоминать биографию вождя.

Ведь должен помнить, ведь еще в прошлом году в полит-

управлении на партконференции говорили о «ярких страницах биографии кормчего».

И Лебядкин вспомнил, что отец И.В. Сталина был сапожником.

Голова закружилась, виски сдавило словно тисками, он обмяк и безвольно распластался в кресле.

– Что? – услышал он. – Что с вами? Вам плохо? Дать вам воды?

– Нет-нет, ничего не надо.

Капитан Лебядкин собрался, встал и вытянулся по стойке смирно.

Вождь с негодованием смотрел на него с портрета.

– Товарищ Сталин, – дрожащим голосом заговорил Лебядкин, обращаясь к старику, – товарищ Сталин, простите меня, вышло досадное недоразумение, вы оклеветаны. По отношению к клеветнику я приму самые строгие меры. Товарищ Сталин, простите, простите меня, – зарыдал Лебядкин и грохнулся на колени перед изумленным евреем. Его плечи судорожно вздрагивали, а по лицу текли крупные, как у лошади, слезы.

– Ну да ничего, я-таки привык, – зашамкал старик. – Помнится, в шестнадцатом году черносотенцы выбили мои собственные зубы, ой как плохо было, теперь вот и эти поломались.

Он начал было собирать осколки разбитой челюсти, но Лебядкин распластался на полу и сгреб все в свои большие

ладони.

– Товарищ Сталин, я это исправлю, я найду вам лучшего протезиста, только не надо это... сыну...

Но он не договорил, рыдания сдавили ему горло...

Дежурный вывел старика из кабинета и отправил его на машине к лучшему стоматологу маленького сибирского городка Плутовецка.

В кабинете начальника НКВД Лебядкина раздался выстрел. Вбежавший в комнату дежурный увидел капитана, сидевшего в кресле с разможенным черепом, а на столе лежала записка: «Товарищ Сталин, я не виноват, я поддался на провокацию изменников родины и врагов народа».

А с портрета на эту картину, лукаво прищурив глаза, смотрел вождь.

***

Преподаватель похвалил Валерин рассказ, сказал, что он вполне пригоден для постановки небольшой, но завершённой по своему замыслу сцены, и даже дал почитать рукопись приятелю — преподавателю литературы.

– Так это же Чонкин Войновича.

– Того самого? — побелев от ужаса, прошептал преподаватель.

– Того самого.

При других обстоятельствах он поставил бы наглому сту-

денту двойку за плагиат и порекомендовал не заигрывать с запрещенной литературой, но теперь, когда об этом знал третий, ситуация была щекотливой. А вдруг коллега сообщит «куда надо», и тогда его обвинят в укрывательстве, а то и в сопричастности к распространению антисоветчины.

Преподаватель не стал мудрствовать лукаво и отнес рукопись студента в районный отдел КГБ.

Вскоре Валерия вызвали. По иронии судьбы его допрашивал капитан.

– Где ты взял запрещенную литературу? – без обиняков начал тот.

– Какую литературу? – с искренним недоумением спросил Валера.

– Да, научили на свою голову, ведь ни одна мышца на лице не дрогнула, взгляд как у невинного теленка, – саркастически заметил капитан. – Ну да ничего, я таких быков обламывал, что ты и представить себе не можешь.

Чтобы продемонстрировать серьезность своих намерений, он схватил парня за ухо и скрутил его так, что в глазах у того потемнело и все вокруг поплыло. Боль была нестерпимая. Валерий потерялся в пространстве и ничего не соображал. При этом он совершенно не понимал, чего от него хотят.

– Ну что, вспомнил? — ласково, почти по-отечески, спросил капитан.

– Я правда не понимаю, о чем вы говорите, – расплакался

Валера.

Здесь, в кабинете капитана КГБ, ему было страшно. Он знал, что отсюда невиновными не выходят, и раз его обвиняют в приобретении, хранении или чтении запрещенной литературы, значит, она уже лежит в его комнате. Только зачем, кому он помешал? О событиях в Чехословакии, вот уже несколько лет горячо обсуждаемых в студенческой среде, ни с кем не говорил, это его не волновало. Да если бы и волновало, он, как любил говорить старшина, умеет держать язык за зубами.

– Ты начинаешь меня злить. Это твое, это ты писал? – капитан сунул ему в лицо раскрытую тетрадь, и Валерий узнал свой почерк.

– Ну да, мое, это мой рассказ.

– Твой рассказ? Мало того, что ты врун, так ты еще и жулик. Как там у вас называется воровство чужих текстов?

– Плагиат, – покорно ответил Валера. – Но только это и вправду мой рассказ.

«Кстати, почему это я поверил этому доцентишке? Он ведь оригинал не представил, да и меня бог уберег от прочтения этой книженции», – подумал капитан.

– Твой, говоришь, рассказ... Ну, тем хуже для тебя... Читать и распространять антисоветскую литературу — это еще полбеды, а писать — это уже не просто преступление, а преступление государственное, – многозначительно подняв палец, произнес капитан. — Ну садись, пиши объяснение, пи-

сатель хренов...

«Надо же, упирается... – удивился капитан. – Я тоже хо-рош, следовало получить заключение от специалистов. Хо-тя...»

– Что писать? — покорно спросил напуганный Валера.

«Отличный экземпляр. Неглупый, осторожный, слабый и, главное, трусливый. Надо брать в обработку», – решил ка-питан.

– Пиши, у кого взял книгу или там рукопись, кому давал читать, в каких кружках или обществах состоишь. Пиши-пи-ши, чем больше и откровеннее напишешь, тем для тебя же лучше, время у тебя есть.

***

Когда выяснилось, что рассказ не списан, но сюжет совпа-дает, капитан растерялся. «Как же я буду его обрабатывать? – судорожно размышлял он. – Не могу же я обвинить этого идиота в написании по сути невинного рассказа... Книгу он, конечно, читал, иначе откуда взялся этот сюжет, но вряд ли все еще хранит ее у себя. Да если и хранит, пусть ценит мое снисхождение. Итак, я могу провести обыск и отправить его на нары. Даже если книги у него не найдут, его рассказ — неопровержимое доказательство того, что он ее читал. Тогда прощай институт, прощай будущее. Но я ведь могу проявить великодушие и все спустить на тормозах. Для начала я да-

же не потребую от него назвать того, кто дал ему эту книгу. Пусть он мне поверит, а там и до сотрудничества недалеко».

Так и случилось. Валера дал подписку о сотрудничестве, и жизнь его разделилась на ДО и ПОСЛЕ.

Нельзя сказать, что ПОСЛЕ жизнь его стала невыносимой, напротив, кэгэбэшники его опекали и всячески ему помогали. После окончания института Валера попал не в какую-то тьмутаракань, а в ленинградский академический театр.

Конечно, ему претило быть соглядатаем, тем более что через пару лет его «просчитали» и никто с ним не откровенничал, его сторонились и не приглашали на застолья, которые были неотъемлемой частью театральной жизни.

Прав был мудрец, заметивший: «Когда богатство потеряно, ничего не потеряно; когда здоровье потеряно, что-то потеряно; когда репутация потеряна, все потеряно».

Это же сотрудничество стало причиной его самой большой психологической травмы. После окончания института он познакомился с миленькой балериной и вскоре они поженились. Капитан выхлопотал для них комнату в коммунальной квартире на Малой Садовой и, казалось, счастью не будет конца. Но через три года, на самом гребне волны романтических отношений, она узнала о его стукачестве и ушла, разбив его нежное сердце. Больше Валерий Николаевич никогда не женился.

Много лет спустя, все-таки прочитав «Жизнь и необычай-

ные приключения солдата Ивана Чонкина», Валерий Николаевич так и не смог понять, как, не будучи знакомым с романом Войновича, он написал этот злополучный рассказ. После, даже когда у него появлялось желание описать свои впечатления, он ни разу не взялся за перо. Для него это стало ТАБУ.

***

Валерий Николаевич пришел в ужас, когда узнал, что Маша не была ни в одном питерском музее, а о пригородных дворцах и вовсе имеет весьма смутное представление.

Ликбез решили начать с посещения театра. Пошли в родную для Валерия Николаевича Александринку на премьеру спектакля «Маяковский. Баня». Расположились в ложе второго яруса.

– Как здесь красиво! Я первый раз в театре... Слушай, а если плюнуть вниз, люди догадаются, что это мы? – с ребяческим азартом спросила Маша.

– Думаю, не стоит этого делать, вряд ли им это понравится.

– Он, наверное, старинный, кто здесь только не бывал, да? —продолжала восторгаться Маша.

– Да, ему около двухсот лет, и за эти годы он почти не изменился. Правда, вначале в партере стояло лишь два-три ряда кресел. Эти места предназначались для состоятельных

людей, а публика попроще смотрела спектакль, стоя за этими креслами.

– Интересно... – протянула она. – А кто сидел в ложах?

– Ложи предназначались для знатных господ и, как правило, арендовались ими на весь театральный сезон, так что можешь представить, что ты баронесса и это твоя фамильная ложа.

– Так это тот самый театр, где ты работал? А в этом спектакле ты играл?

– Машенька, это премьерный спектакль, а это значит, что он поставлен недавно, я же здесь уже давно не служу.

В соседней ложе двое молодых людей громко хлопали и кричали «браво» при каждом, на их взгляд, инновационном решении режиссера. Их с энтузиазмом поддерживали несколько человек в партере и на галерке. Публика лениво отзывалась на восторженную реакцию театральных фанатов жидкими аплодисментами.

– Они че, больные? – осведомилась Маша.

– Да нет, это их работа.

– Хлопать?

– Это клакеры, после спектакля расскажу, кто это такие.

***

– Клево! – оценила Маша постановку, когда они вышли из театра. – Реально клево!

– А по мне, так полное фиаско.

– А чо эт значит?

– Больше ста лет назад один итальянский комик разыграл перед публикой пантомиму с большой бутылью в руке, потерпев при этом сокрушительный провал. Тогда он разбил бутылку об пол и прокричал: «Да пропади ты пропадом, бутылка!» Бутылка по-итальянски – фиаско. С тех пор любую актерскую неудачу называют фиаско.

– Иначе говоря, лажа.

– Ну, можно и так сказать. Так вернемся к клакерам. Это люди, нанятые для создания эффекта успешности постановки посредством аплодисментов и одобрительных выкриков. К этому все еще прибегают, особенно при премьерном показе.

– Это только здесь делают?

– Что ты! Далеко не только здесь... Этот феномен появился еще в Древнем Риме и, вероятно, возродился во Франции, потому что слово «клакер» — французское. Наверное, тебе любопытно будет узнать, что эти молодцы могут не только поддержать спектакль или конкретного актера, но и захлопать, освистать, провалить спектакль. Уж не знаю, как сейчас, а раньше я неоднократно был свидетелем того, как освистывали великолепных танцовщиков, как пытались заглушить певцов гнусными выкриками.

– И кому это было надо?

– Соперникам. Мир искусства лишь внешне такой краси-

вый и блестящий, а внутри такая клоака, что не каждый выживет...

Валерий Николаевич помрачнел, погрузившись в далеко не самые приятные воспоминания.

***

Благодаря покровительству КГБ Валерий Николаевич получил сначала звание заслуженного, а затем и народного артиста. Однако когда в девяностые годы власть гэбэшников временно утратила свою устрашающую силу и с ним как осведомителем КГБ можно было не считаться, он попал под сокращение и остался без работы. Это случилось накануне Нового года, и Валерию Николаевичу удалось устроиться на роль Деда Мороза в фирму «Праздник».

В одной из квартир он произвел на хозяина дома, бывшего фарцовщика, а ныне весьма успешного ресторатора, столь приятное впечатление, что тот тут же пригласил его на должность метрдотеля.

– Позвольте заметить, я театральный актер, причем имею звание народного артиста! – возмутился Валерий Николаевич.

– А че, клево будет звучать: «Метрдотель – народный артист СССР», – заржал хозяин.

Но, как известно, новогодние праздники не длятся вечно, и спустя месяц Валерий Николаевич вновь оказался без ра-

боты. Деньги, полученные им за роль Деда Мороза, позволили ему некоторое время держаться на плаву, а когда они закончились, пришлось продавать милые его сердцу антикварные безделушки.

Валерий Николаевич совсем уж было впал в уныние, но тут ему неожиданно предложили работу на радио. Будучи обладателем красивого бархатного голоса, он очень быстро стал одним из ведущих дикторов. Валерий Николаевич уже и не возлагал надежд на продолжение актерской карьеры, как вдруг его совершенно неожиданно пригласили в телесериал на роль партийного функционера. И пошло-поехало, он стал буквально нарасхват, все режиссеры в роли негодяев и карьеристов-партработников (а их иначе теперь и не изображали) видели исключительно его – помпезного красавца.

К середине девяностых небывалую популярность обрели бандитские сериалы, но зрителям быстро приелись тупые и агрессивные мафиози, и тогда на роль главарей стали приглашать Валерия Николаевича. Именно благодаря ему и его, так сказать, фактуре на голубых экранах возник образ умного и обаятельного мерзавца и убийцы – этакого Мориарти российского пошиба. Валерий Николаевич укоренился в этом амплуа, и с тех пор все в его жизни складывалось более чем успешно.

***

Весь февраль в свободное от озвучивания последнего фильма время Валерий Николаевич водил Машу по театрам и музеям, а в начале марта, когда на средиземноморском побережье начиналась весна, они отправились в круиз.

Ранним утром пара прилетела в Милан. После слякотного Петербурга, солнечный и зеленый, он даже при температуре в десять градусов казался теплым и ласковым.

С трудом отыскивали гостиницу, расположенную в пешеходной зоне города, оформились, тут же позавтракали, дабы не терять времени, и поднялись в номер.

– У тебя полчаса на то, чтобы принять душ и прийти в себя, – скомандовал Валерий Николаевич. – Мы здесь пробудем всего один день, а хотелось бы многое увидеть.

– Ой, давай лучше отдохнем, – начала канючить Маша. – Меня так вымотала эта дорога...

– Ничего не желаю слышать! Ты отдаешь себе отчет в том, что, может быть, никогда в жизни тебе не представится больше возможности здесь побывать? А ты ее, эту возможность, упускаешь. И вообще, настройся на насыщенную туристическую программу, мы всю неделю с утра до вечера будем в движении, иначе ничего не увидим. Да что я тебя уговариваю, марш в ванную, а я пока закажу на ресепшене билеты в Доминиканский монастырь, но это если нам повезет и на сегодня есть свободные места.

«И чего этому старикашке нейметя? – с раздражением подумала Маша. – Все ему, блин, надо куда-то бежать. Толь-

ко и знает, что по экскурсиям таскаться».

***

Пешком прогулялись по центру Милана и вышли на залитую солнцем соборную площадь.

– Это памятник первому королю Италии Виктору Эммануилу II, – указывая на стоящую в ее центре статую, сказал Валерий Николаевич.

– А откуда ты это знаешь? — удивилась Маша.

– Так здесь написано.

Девушка фыркнула и насупилась.

В сущности, она была незлобива, но часто испытывая внутреннюю неудовлетворенность тем, как складывается ее жизнь на текущий момент. Она приходила в замешательство, возникала спутанность мыслей, непонимание собственных желаний и отсутствие ориентиров к дальнейшему действию. Маша терялась в лабиринте собственного разума.

– Машенька, пожалуйста, не злись! – попросил Валерий Николаевич, заметив выражение ее лица. – Запомни, ты никогда ничему не научишься, если не примешь как должное тот факт, что ты, как, впрочем, и все люди, многого не знаешь. В этом нет ничего зазорного. Просто надо пользоваться любой возможностью пополнить свой багаж знаний. Тем более для тебя это не составит никакого труда: ты молода, сообразительна, у тебя прекрасная память. А сейчас не будем

портить себе настроение по пустякам. Мы на отдыхе, наслаждайся жизнью – каждой картинкой, каждым звуком, каждым ощущением.

– Ладно-ладно, я больше не буду, – улыбнувшись, сказала Маша.

Ее по-детски простодушная улыбка действовала на Валерия Николаевича безотказно. В такие минуты он был готов на все ради этой девушки.

– Этот король объединил многочисленные государственные образования на территории Апеннинского полуострова в единое Итальянское королевство, – продолжил Валерий Николаевич свой рассказ. – И произошло это только в девятнадцатом веке.

– Не гони, Италия существовала еще до новой эры, это уж я точно знаю.

– Нет, Маша, ты заблуждаешься, до этого слово «Италия» употреблялось как географическое понятие. А современное название страна и вовсе получила только после Второй мировой войны.

– Это типа я че, на самом деле верить этому должна? Да я в документальных фильмах и научно-популярных передачах сто тысяч раз это видела и слышала вот этими ушами, – она отвела волосы и забавно похлопала себя по ушам.

– Машенька, передачи, скорее всего, были чересчур популярными, но не научными, открой Интернет и проверь, но не сейчас. Теперь взгляни на этот изумительный беломрамор-

ный собор Рождества Пресвятой Девы Марии. Не правда ли, он отсюда кажется миниатюрным и изящным. Его заложили еще в конце четырнадцатого века, освятили, если мне не изменяет память, в начале пятнадцатого, а достроили только в девятнадцатом веке. Представляешь, как долго над ним трудились.

– Да, как игрушечный. А мы туда пойдем?

– Не просто пойдем, а поднимемся на смотровую площадку, откуда виден весь Милан. А пока наблюдай за тем, как из маленького и изящного собор с каждым шагом будет увеличиваться, пока ни превратится в огромное и помпезное сооружение.

И действительно, с каждым их шагом казавшийся издали крошечным собор, как будто помещенный под гигантскую лупу, становился все больше и больше, пока наконец не разросся до поистине циклопических размеров.

***

На туристском автобусе проехали два маршрутных кольца, за полдня осмотрели весь Милан, побывали в театре Ла Скала и галерее Виктора Эммануила II. Ближе к вечеру вышли из автобуса неподалеку от Доминиканского монастыря.

– Вот мы и пришли к этому священному месту, – сказал Валерий Николаевич.

– А чо здесь священного-то? Собор никакой, я бы сказала,

хуже всех остальных, что мы видели.

– Ты права, в сущности, внешне Доминиканский монастырь ничем не примечателен. И был бы он затерян среди достопримечательностей Милана, если бы здесь, в трапезной, не находилась фреска Леонардо да Винчи «Тайная вечеря». Пожалуй, все великие художники от Рафаэля до нашего соотечественника Ильи Ефимовича Репина изображали это событие, но никто из них не превзошел великого Леонардо, которому удалось изобразить реакцию каждого из учеников на пророческую фразу Учителя.

– Я подзабыла, что это за тайная вечеря? – соврала Маша.

– Тайная вечеря – последняя встреча Христа с учениками – пасхальный ужин, на котором Иисус сказал, что один из апостолов предаст его.

Экскурсия была на английском языке, и Валерий Николаевич переводил ей лишь общие фразы.

– Что он все про ужин говорит? — удивленно спросила Маша.

– Дело в том, что только в русском языке это библейское событие называется тайной вечерей. Вечеря – это славянское название вечерней трапезы, то есть ужина. В других же европейских языках это называется последним ужином.

– А я думала...

– Постой, постой, что это он говорит? – перебил ее Валерий Николаевич, – Гид сказал, что до сих пор ведутся дискуссии, кого Леонардо да Винчи изобразил на картине по пра-

вую руку от Иисуса, – перевел он, когда экскурсовод замолчал. – По его мнению, столь нежное лицо не может принадлежать мужчине, а значит, это, скорее всего, Мария Магдалина, которая, по версии некоторых историков, была законной женой Иисуса Христа. Весьма смелое предположение...

– А у меня лично нет никаких сомнений на сей счет, иначе он не мужик, а тогда зачем нам такой бог? – простодушно заявила Маша.

– А теперь, – сказал экскурсовод, статный красивый итальянец, не сводивший с Маши глаз, – отойдите в самый конец трапезной — это идеальное расстояние для рассмотрения фрески, медленно приближайтесь к ней, и вы увидите, как изменяется перспектива, как меняется диспозиция фигур, словно вы видите ее в формате 3D.

После экскурсии они зашли в уличное кафе и наскоро перекусили. И хотя им обоим очень хотелось побродить по шумным улицам Милана, они понимали, что не в силах этого сделать – навалилась усталость и физическая, и от полученных за день впечатлений.

***

Утром следующего дня они приехали в маленький портовый городок Савона. Быстро прошли процедуру оформления и заселились в каюту.

– Какая роскошь! Нет, ты только посмотри, какой у нас

балкон! — по-детски восторгалась Маша.

– О, ты еще не видела весь корабль! Поверь мне, наша каюта очень даже скромненькая на фоне люксов.

– А ты на нем плавал?

– Во-первых, корабли не плавают, а ходят. Что касается меня, то на этом судне я впервые, так что пойдём его осматривать.

Шестнадцатипалубный лайнер с панорамными лифтами, ультрасовременным театральным залом и множеством танцполов, многочисленными кафе и ресторанами, аквапарком и бассейнами, сауной и фитнес-залами блистал роскошью. «Нет, такого не может быть, потому что не может быть никогда! Это просто сон, сейчас я проснусь, и все исчезнет...», — пронеслось в голове у Маши, пока они знакомились с судном. – Вот такой должна быть моя жизнь, это то, чего я заслуживаю!»

– Сколько же услуги надо, чтобы все это содержать в такой чистоте и порядке? – спросила она Валерия Николаевича.

– Если мне не изменяет память, здесь на трех туристов приходится один член команды, но, уверяю тебя, видеть их ты будешь лишь тогда, когда они тебе понадобятся.

– Фантастика!

Весь день они исследовали лайнер. Маша носилась как заведенная, Валерий Николаевич едва за ней поспевал.

– Откуда у тебя вдруг столько энергии появилось? – удив-

лялся он.

– Ты что, это же целый город, какой там – страна!

Маша пробовала еду во всех ресторанах и кафе, попадавшихся им на пути. И когда пришла пора отправляться на ужин, она заявила, что наелась на весь круиз и больше не в силах тронуться с места.

– Пойдем, дорогая, – уговаривал ее Валерий Николаевич. – Я тут прикупил винные карты, давай напьемся. Кроме того, согласно дресс-коду, на ужин следует являться в вечернем платье — у тебя будет возможность покрасоваться...

Последний довод оказался, похоже, самым веским. Ресторан был откуда-то из голливудского фильма, где ужинали одни миллионеры.

– Нет, я этого не переживу, – запричитала Маша, – это каждый день мы сможем выбирать себе что захотим из этого множества блюд?

– Да нет, можно себя не обременять выбором, а заказать все меню.

– И что, принесут мне одной все? — с недоверием спросила Маша. – Рас, два, три... Пятнадцать блюд!?

– Да, принесут.

– Я проверю, – сказала она и среди прочего заказала все три закуски, указанные в меню.

– Скажу больше, – не без удовольствия заметил Валерий Николаевич, – каждый день кухня будет разная. Сегодня мы в Италии и блюда подадут итальянские, завтра в Марселе

предложат французские, в Барселоне — испанские и так далее.

– Афигеть!

Во время ужина прозвучал гонг и официанты, каждый находясь на том месте, где его застал сигнал, приветствовали гостей оригинальным мини-мюзиклом, исполненным безукоризненно синхронно и выразительно.

– А теперь пойдем посмотрим шоу, а потом потанцуем, – сказал Валерий Николаевич, когда они осушили бутылку легкого вина.

Пара отметилась на всех трех танцполах и несколько раз заходила в бары.

– Хочу тебя! Твоих горячих губ... И ласковых таких прикосновений, Твоих настолько нежных, мягких рук, меня свергающих до умопомрачения, – обнимая Машу, прошептал ей на ушко Валерий Николаевич, когда они после полуночи покидали последний из них.

– Ты знаешь, я хотела бы зайти в казино и хоть одним глазком посмотреть, как люди просаживают миллионы, – увернувшись от его объятий, заявила она.

– Ну почему только посмотреть? Я выделил нам на это по пятьдесят евро.

– Ой, правда? Тогда пойдем выигрывать!

– Выигрывай, но имей в виду — это на весь круиз.

Маша проигнорировала слова Валерия Николаевича и купила жетонов на все деньги сразу. Она с азартом бросала их

в прожорливые пасти игровых автоматов. Выигрыш – проигрыш, проигрыш – выигрыш и снова проигрыш... Маша в отчаянии, что было сил колотила по корпусам одноруких бандитов, но тщетно, снова проигрыш. И вдруг жетоны посыпались золотым потоком, загудела сирена, прибежали служащие с ведерками, их окружила толпа ловцов удачи.

– Я ничего не делала, – чуть не плача уверяла всех перепуганная Маша. – Я, честное слово, ничего не делала, он сам...

– Дурашка, чего ты испугалась? Ты просто сорвала джекпот, – улыбаясь, сказал Валерий Николаевич.

Маша изменилась в лице, ее темно-карие глаза засверкали.

– Я так и знала! – закричала она. – Да, я знала, я чувствовала, что выиграю, е-е-с!

Со всех сторон посыпались поздравления. На всем пути к кассе люди одобрительно улюлюкали.

У Маши был врожденный талант поднимать людям настроение, заряжать их энергией и побуждать к действиям, причем чаще всего необдуманно, но приносящим удовольствие. И теперь десятки туристов, до этого просто наблюдавших за играющими, бросились приобретать жетоны.

– У вас жетонов на девять тысяч восемьсот шестьдесят два евро, – сказала кассир с таким безразличием, как если бы она постоянно выдавала такие выигрыши. — Вам наличными или зачислить на корабельную карту?

– А я могу на них играть в рулетку? — сгорая от нетерпе-

ния продолжить испытывать судьбу, спросила Маша Валерия Николаевича, когда он перевел ей сказанное кассиром.

– Можешь, конечно, а можешь взять наличные и десять раз свозить меня на разные круизные рейсы или вложить их в студию, о которой давно мечтаешь, – это как раз половина ее стоимости.

– Нет, скажи ей, пусть на все выдаст фишки – я чувствую, что выиграю. Сегодня мой день!

– Маша, без малого десять тысяч евро у тебя в кармане, что будет к утру, один Бог знает! Имей в виду: здесь чаще проигрывают, чем выигрывают.

– А я выиграю, – категорично заявила она.

– Воля твоя, – сдался Валерий Николаевич, и ей выдали лоток с фишками.

Утра ждать не пришлось: за час с небольшим Маша просадила все до цента. Вокруг ее стола собралась толпа, и после каждого проигрыша раздавался дружный вздох сочувствующих.

– Ну и что, зато получила удовольствие, – с деланным безразличием заявила Маша и удалилась под гром аплодисментов.

В каюте ее прорвало, и она разрыдалась.

– Ну почему, почему ты меня не остановил? – сквозь рыдания причитала она. – За десять круизов я, может быть, что-нибудь выиграла бы или, может быть, купила студию... Ну почему я такая невезучая!? Вот всегда так! Кажется, удача

вот она — в кулаке, и вдруг все идет прахом... За что мне такое!? Это все из-за тебя, надо было меня остановить!

Маша постоянно избегала ответственности, предпочитая перекладывать ее на других, интуитивно освобождаясь таким образом от чувства вины.

Разочарование вскоре прошло, а ощущение славы Маша испытала сполна. До конца плавания отдыхающие указывали на Машу как на корабельную достопримечательность, героиню круиза.

***

Каждое утро к ним, по выражению Валерия Николаевича, «подплывал новый город», и первым был Марсель.

– А почему мы не записались на экскурсию с русскоязычной группой? – спросила Маша.

– А потому, что мы с тобой профессиональные туристы и знаем, что здесь, как и в Милане, по лучшему маршруту города ходит туристический автобус с русскоязычным сопровождением. В любой момент из него можно выйти и осмотреть именно ту достопримечательность, которая нас интересует. И кружить по маршрутному кольцу можем хоть весь день. Но есть еще одна причина. Сначала мы отправимся на рыбный рынок, уверяю тебя — очень колоритное место, а потом в замок Иф. Я, кстати сказать, там не был.

– Это тот самый замок, что показывают в кино про графа

Монте-Кристо? – недоверчиво спросила Маша.

– Тот самый.

– Круто!

Они пешком дошли до старого порта, где располагался рыбный рынок. Гвалт там стоял невообразимый, торговцы наперебой расхваливали свой товар. Чего здесь только не было! Маша и представить не могла такого разнообразия морской фауны.

– Честно скажу, – призналась она, – я думала: «Зачем нам рынок?», а теперь и уходить не хочется, так здесь клево!

После рынка катер быстро домчал их до маленького островка, где располагался замок.

– Ну вот, сначала это был форт для защиты от атак с моря, а с шестнадцатого века стал использоваться как тюрьма для особо опасных преступников. Именно тогда он получил свое название – замок Иф, – заметил Валерий Николаевич. – Его-то и описывал Александр Дюма в романе «Граф Монте-Кристо».

Вернувшись в гавань, пара устроилась в уютном кафе.

Скалы, возвышающиеся над морем, широкая набережная, множество пришвартованных яхт, музыка уличных певцов — все это располагало к созерцательности и праздности.

«Вот он, мой Эдем», – подумал Валерий Николаевич.

– О Марсель, чудный город у моря! Нежный бриз от kloкочущих волн. Милый шарм твой манит и волнует. В облик твой, словно в деву, влюблен, – продекламировал он.

– Ну что, в автобус и вперед, к достопримечательностям Марсея!

***

Прибыв в Барселону, корабль пришвартовался далеко от исторического центра города, но на пристани туристов уже ожидали десятки автобусов. Пассажиры лайнера научились прислушиваться к командам капитана, и ловкие стюарды без очередей и толчеи рассаживали их в автобусы, доставлявшие туристов в центр Барселоны. Там Валерий Николаевич и Маша пересели в экскурсионный автобус. Выходили часто, много гуляли по знаменитому бульвару Рамбла, который москвичи сравнивали со своим Арбатом, прошлись по площади Испании. Маша много фотографировалась в парке Гуэля – недостроенном творении Гауди. Ну и, конечно, осмотрели легендарный храм Святого Семейства, символ Барселоны. Огромный, с невероятными переплетениями арок и фасадов, он поражал воображение.

– Я не знаю ни одного другого архитектора, который бы так изменил и прославил свой город, – заметил Валерий Николаевич. – А между тем Гауди ни разу в жизни не покинул Барселону.

– С меня на сегодня хватит! – решительно заявила Маша, с трудом сдерживая зевоту. – Я смертельно устала. Давай вернемся на корабль – и в койку.

***

Переход от Барселоны да Мальты занял ночь и весь следующий день.

Как всегда, накануне вечером в каюту принесли программку с предложениями на завтра. Развлечений предлагалось море, и Маша решила везде отметиться. Она поплавала во всех бассейнах, потащила Валерия Николаевича в сауну и потом долго нежилась в джакузи, посетила массажный кабинет, салон красоты и даже зал для занятий йогой.

За Машей тянулся шлейф мужчин. На какой-то из множества рекламных встреч с коучтренерами (благо они были бесплатными) она услышала, что нарушение личного пространства человека отталкивает его, но если объект ему интересен, а тем более если он его вожделеет, то это действует с точностью до наоборот. Зная, какое впечатление она производит на мужчин, Маша использовала любую возможность прикоснуться к человеку, взять его за руку или за деталь одежды. В положении сидя она хлопала мужчин по коленям, давая сигнал доступности. Это была манипуляция, направленная на сокращение дистанции, на поддержание непринужденного контакта и привлечение к себе внимания. Маша чувствовала себя центром Вселенной.

Все это раздражало Валерия Николаевича. Не то чтобы он ревновал ее к увивающимся вокруг мужчинам, но ему это

было неприятно. И Валерий Николаевич все-таки не выдержал.

– Послушай, Маша, – сказал он, – я хочу рассказать тебе анекдот:

Из дневника женщины совершающей морской круиз.

День первый.

«Утром вышли из порта, к полудню кругом море до самого горизонта».

День второй.

«Прибыли в Марсель — город греха и разврата. На палубе меня встретил капитан и сделал гнусное предложение».

День третий.

«Осмотрели роскошное Монако. Капитан меня преследует и угрожает в случае моего отказа затопить корабль».

День четвертый.

«Я спасла пять тысяч туристов и членов команды».

Но Маша не поняла намека и смеялась до слез...

***

Мальта превзошла все их ожидания. За полдня пара пешком обошла ее столицу – Валетту. Небольшие, уютные, оригинальной архитектуры здания с фасадами, украшенными старинными гербами, странным образом гармонировали с оборонительными сооружениями.

После обеда на экскурсионном автобусе отправились в

древнюю столицу Мальты – Мдину.

– Представляешь, этот город-музей обитаем, – сказал Валерий Николаевич. – Здесь живут около двух сотен человек, и все они представители древних аристократических родов. Этими домами владели их пращурсы тысячелетия назад.

– А это кто такие?

– Пращурами называют далеких предков, родоначальников. А сейчас я покажу тебе самый изысканный храм на Земле.

И он привел ее в кафедральный собор Святого Павла, сплошь украшенный драгоценными камнями.

– Слушай, и правда, красота неопиcуемая. Здесь нельзя просто ходить, здесь надо летать.

– Так полетели.

Валерий Николаевич взял ее за руку и приподнялся на цыпочки, словно собираясь взлететь, и Маше показалось, будто они воспарили под самый купол.

– А ведь все это могло принадлежать России, – заметил Валерий Николаевич.

– Эт как? — заинтересовалась Маша.

– В конце восемнадцатого века, когда Наполеон захватил этот остров и упразднил власть над ним Мальтийского ордена, рыцари обратились за защитой к Павлу I, избрав его великим магистром своего ордена. Император издал указ о принятии острова Мальта под защиту России и даже успел назвать его «губернией Российской империи», но англичане

под шумок вытеснили французов и захватили остров. Вскоре Павел был убит, и великая идея была похоронена вместе с ним.

– Жаль, так бы можно было прикупить здесь какой-нибудь особнячок..., – мечтательно протянула Маша.

– Я уже бывал на Мальте, но возвращаться сюда хочется снова и снова. Мне здесь так хорошо, словно я родился и провел детство на этом острове. Странно, да? — сказал Валерий Николаевич.

– Я тоже тащусь, – ответила восхищенная Маша.

– Подожди, ты еще Рима не видела!

***

По Сицилии им путешествовать не довелось. Маша плохо себя чувствовала, и Валерий Николаевич из солидарности остался с ней на борту. Лайнер причалил в порту Палермо так, что их балкон был обращен к югу. Свежий весенний ветер сдерживался горами, окружающими город, и на солнечном балконе было больше двадцати градусов. Перед их взором предстали однотипные современные дома.

– А говорили древняя Сицилия, мафия, Скорлеоне..., – не скрывала своего разочарования Маша. – Ну и где она, эта хваленая Сицилия?

– Ты, наверное, хотела сказать Корлеоне, здесь действительно есть такой город. Машенька, милая, ты часто упо-

требляешь слова не к месту, не зная их значения, чем даешь повод людям смеяться за твоей спиной.

– Например? – вскинулась Маша.

– Ну вот давеча ты сказала: «Я все утро экстраполировала у бассейна», чем вызвала ехидные ухмылки. Вероятно, ты хотела сказать релаксировала, то есть расслаблялась, что тоже излишне. Ты просто лежала у бассейна, загорала. А экстраполировать — значит переносить, распространять закономерности с одного явления на другое.

– Да знаю я! – зло оборвала Валерия Николаевича девушка.

– Машенька, дорогая, я ведь не обидеть тебя хочу, а, наоборот, оградить от насмешек. Это очень хорошо, что ты многое замечаешь, стараешься запомнить и применить услышанное, но пользоваться в разговоре нужно исключительно тем, что знаешь наверняка и понимаешь. Вот ты часто, споря со мной, говоришь: «Я тебе не козел отпущения», а знаешь ли ты, откуда пошло это выражение и что оно значит?

– Да так все говорят, – раздраженно ответила Маша.

– А не надо быть «как все»! Так вот, в какой-то иудейский праздник, я, правда, и сам не знаю, в какой именно, да это в данном случае и не важно, в Иерусалимский храм для жертвоприношения приводили животных, в том числе двух козлов. Одного из них по жребию, брошенному первосвященником, приносили в жертву во славу Бога, на другого сим-

волически возлагали все грехи евреев, уводили в пустыню и отпускали. Отсюда выражение «козел отпущения», то есть человек, на которого сваливают грехи других. Читать, Машенька, надо не тексты в «Инстаграме», а хорошие книги.

«Тебя забыла спросить, старый козел!» – сердито подумала она, а вечером отправила в «Твиттер» очередной пост:

«Кто сказал, что надо быть, как он, она, они? Кому надо? Мы пришли в этот мир, чтобы быть собой, единственной, неповторимой, не похожей ни на кого. Иначе мы ломаем себя, надеваем маски и живем не своей жизнью. А потом, черт побери, нервные срывы, депрессия и прочие напасти...»

***

Ранним утром следующего дня на причале порта Чиватавеккья стояли комфортабельные автобусы, доставившие их в Рим.

– Ты здесь уже бывал? – спросила Маша.

– Много раз, но Рим – это тот город, в который непременно хочется вернуться.

Посещение Ватикана входило в программу экскурсии, а после у них на все про все оставалось четыре часа. Многие решили, что изысков живописи и архитектуры Ватикана с них достаточно, и на небольшом катере отправились на прогулку по Тибру. Но Валерий Николаевич решил показать Маше главные достопримечательности Вечного города.

Перебравшись через реку по ближайшему мосту, они быстро дошли до Пантеона, посвященного всем римским богам и позже переоборудованного в церковь Святой Марии, Ангелов и Мучеников. Пройдя сквозь могучие колонны, обрамленные классическим античным портиком, они попали в грандиозный зал с огромнейшим отверстием в центре купола.

– Ничтяк! – изумилась Маша. – А это что за дырка в куполе? Она что, не закрывается?

– Обрати внимание, здесь совсем нет окон, и если бы не это отверстие, которое, кстати, около десяти метров в диаметре, здесь бы было темно. Но гениальность архитектора заключается в том, что если простоять здесь несколько часов до и после полудня, то можно увидеть, как поочередно освещаются эти ниши со скульптурами. Раньше здесь было семь статуй римских богов, а по праздникам у входа в Пантеон вставал сам император, и его, как и богов, освещали солнечные лучи. Таким образом он приравнивал себя к ним.

Затем пара отправилась к фонтану Треви. Его белоснежный мрамор ярко блестел под южным солнцем, слепя глаза многочисленным туристам. Журчание струй заглушало человеческую речь, звучавшую на многих языках мира.

– Вот, вот здесь я всегда мечтала побывать, – взволнованно произнесла Маша. Она сделала селфи со всех точек площади.

– Существует поверье, что бросивший монетку в фонтан

Треви обязательно вернется в Рим, а бросивший две – обретет счастье, – сказал Валерий Николаевич, протянув ей горсть монет.

Маша схватила их и с криком: «На счастье!» швырнула монеты в фонтан.

Минуя Капитолийскую площадь, спроектированную великим Микеланджело, они вышли к живописным развалинам Форума.

– Представляешь, где-то там бурлит жизнь с плодами современного научно-технического прогресса, а здесь древние колонны, которые видели и помнят Юлия Цезаря, императоров Августа, Тиберия, Калигулу, Клавдия, Нерона и многих других... И ты стоишь здесь среди руин, растворяясь в истории, – задумчиво произнес Валерий Николаевич.

Неожиданно Маша расплакалась от умиления и, уткнувшись в плечо Валерию Николаевичу, запричитала:

– Какое счастье, какое счастье!

Путь от Форума до Колизея она преодолела словно во сне.

– Так можно с ума сойти от эмоционального перевозбуждения, – тихо сказала Маша, когда они уже подходили к Колизею, который собирались осмотреть после Форума.

– Да, я согласен, со мной происходило то же самое, когда я первый раз был в Риме.

Они взяли билеты и быстро поднялись наверх.

– Вот он, знаменитый Колизей, крупнейший амфитеатр Римской империи и одновременно крупнейшее из сохранив-

шихся строений Древнего Рима. Представляешь, пятьдесят тысяч человек ревели на этих трибунах во время кровавых гладиаторских боев, требуя очередной жертвы.

– Они действительно были такими кровожадными? — спросила Маша.

– Римляне жаждали битвы и побед. Но крови Колизея вне поля сражения им казалось мало. Во время театрального представления для реалистичного изображения сцены гибели персонажа актера, исполнявшего эту роль, в этот момент заменяли преступником, приговоренным к смертной казни, чтобы на глазах зрителей убить его по-настоящему. Вот это воистину кровожадность.

– Не гони, – протянула Маша, – чо, правда что-ли?

– Истинная правда.

У Колизея было место сбора туристов, откуда они и отправились на корабль.

– Завтра утром прибываем в порт, а затем летим домой. Семь дней пролетели как один, – вздохнул Валерий Николаевич. – Как быстро заканчивается все хорошее!

– А для меня они тянулись семь веков, и все эти семь веков я была счастлива, спасибо тебе!

***

В питерском аэропорту пассажиров встречали люди в белых халатах. Они всем измерили температуру, взяли у при-

бывших мазок для проведения анализа на коронавирус и велели заполнить анкеты, где среди прочего надо было указать место пребывания в двухнедельном карантине.

– А мне что писать, где я буду? – растерянно спросила Маша.

– Поедем ко мне на дачу, пересидим эти две недели там. Никуда заезжать не будем, закупим продуктов и за город.

Дача оказалась трехэтажным домом с огромным садом, вдающимся в лес. На участке стояли две огромные теплицы, одна из них была засажена розами, усеянными готовыми к цветению бутонами. Настоящее царство фей и эльфов.

– Теплицы что, с отоплением? – поинтересовалась Маша.

– Нет, они сделаны из стеклопакетов с двойным стеклом, оттого здесь так тепло. Кроме того, зимы-то, можно сказать, и не было, поэтому на розах остались прошлогодние листья. Правда, бутоны свежие и действительно вот-вот распустятся.

Валерий Николаевич выдал ей свой спортивный костюм и на недовольную реплику Маши по поводу недостатка одежды бросил:

– Не на бал приехали, а я тебя и так узнаю.

Маша бесцеремонно рылась в его вещах и каждый вечер демонстрировала ему новый наряд. Однажды она надела его костюм. Закатанные рукава пиджака и штанины, белая сорочка с галстуком и нарисованные усы помогли ей создать образ мальчишки-сорванца. В таком виде Маша стала заигрывать с Валерием Николаевичем. Тот было откликнулся, но

в какой-то момент остановился и заявил:

– Послушай, у нас с тобой так либо ничего не получится, либо ты превратишь меня в гомосексуалиста. Стирай усы!

Маша нагло заржала и сделала ему минет.

– Ну вот ты и гомосексуалист, – заявила она.

– Да, ты меня опустила, и это грустно, – подыграл ей Валерий Николаевич. – Но имей в виду, теперь я с женщинами ни-ни.

***

По всей планете свирепствовал коронавирус, унося сотни тысяч жизней. Казалось, наступает конец цивилизации. А пара на три месяца уединилась на даче, наслаждаясь обществом друг друга, и им не было никакого дела до того, что творится в мире...

Год четвертый

Шел четвертый год Машиного жития в Северной столице. Все пережитое за это время казалось ей страшным сном, и она запретила себе вспоминать об этом. Тем более, что дела у Валерия Николаевича пошли в гору. А поскольку человеком он был вовсе не жадным, то Маше с его стола перепали отнюдь не крохи.

Маша долго упрашивала Валерия Николаевича пристроить ее в кино хотя бы на крошечную роль. Он отнекивался, ссылаясь на то, что не занимается подбором артистов. Но в конце концов ему удалось уговорить ассистента режиссера найти для нее пару эпизодов.

В одном из них она ублажает мафиози (которого, разумеется, играет Валерий Николаевич), сидя у него на коленях. Неожиданно в бандитское логово врывается ОМОН. Мафиози грубо отшвыривает любовницу, она ударяется головой об угол камина и умирает.

Режиссер долго пытался добиться от Маши страдальческого выражения на мертвом лице и застывшего взгляда, но ничего из его затей не вышло, и в итоге жертву снимали с закрытыми глазами.

После съемок Маша написала подружкам в «Одноклассниках»:

«Наконец-то я получила свою первую роль в кино – лю-

бовницы мафиози. Уж не знаю, что вырежут, что оставят, но этот свой первый опыт актрисы я запомню на всю жизнь. Когда на тебя наезжает кинокамера и волнение вводит тебя в творческий экстаз – это неповторимое ощущение. Короче, смотрите сериал “Последний мафиози” с моим участием».

В другом сериале Маша играла модель. Дефилируя по подиуму, она привлекает внимание неизвестно как там оказавшегося главаря бандитской группировки. После показа ее затаскивают в машину и увозят за город. Там главарь пытается ею овладеть, а она, не зная, кто он, бросает: «Найди, старый козел, себе бабульку и пользуй ее своим дряблым членом, если получится».

Бандиту, разумеется, это не понравилось (не говоря уже о Валерии Николаевиче), и он бросает девушку на растерзание четверым своим охранникам, которые жестоко ее насилуют. Во время этой сцены Маша кричала и стонала так ненатурально, что режиссер не выдержал и заявил, что снимает во все не групповой секс по согласию, а в этих воплях нет и намека на страх и боль. Впрочем, и лицо жертвы не выражает ничего подобного. В итоге крупным планом снимали только насильников.

Маша разместила в «Твиттере» фото сцены насилия еще не вышедшего на экран фильма, сопроводив их следующим текстом:

«Опять киносъёмки... Меня, блин, насилуют четыре ам-

бала. Думала, вдоволь натрахаюсь, так не тут-то было: ни у одного даже не встал. Кино, да и только!»

***

Валерий Николаевич настоял на том, чтобы Маша продолжила получать образование. Вместе подобрали вуз, вместе выбрали специальность, и он оплатил первый семестр. Предпочли заочную форму обучения, чтобы она могла свободно распоряжаться своим временем.

В сентябре Стеша возобновила пятничные приемы. Когда Валерий Николаевич и Маша вошли в салон, там царило веселое оживление. Рудик сновал между гостями, требуя от них подписать три сочиненных им воззвания.

Одно было адресовано сказочному президенту с просьбой посадить в тюрьму американского, английского, немецкого, израильского, японского и нигерийского шпиона Навального на пятнашечку за то, что он выжил после отравления и посмел вернуться в Россию. Тут же предлагалось обратиться по дипломатическим каналам к Ангеле Меркель с требованием «...передать подробную информацию о химико-токсикологическом исследовании состояния “Берлинского пациента” с целью усовершенствования семейства боевых отравляющих веществ под общим названием “Новичок”».

Другое – Думе с требованием ввиду всенародного одобрения мудрой политики президента, правительства и партии

«Единая Россия» принять закон об отмене выборов и экстраполяции результатов голосования за поправки в Конституцию на все последующие волеизъявления народа.

А третье — ООН, в нем в ультимативной форме предлагалось потребовать от мировых СМИ не вырезать из видеоряда сцены, где народные массы единодушно поддерживают Батьку и не подрисовывать преступников, проституток и бомжей, выступающих против законно избранного большинством белорусов президента.

Гости вслух зачитывали наиболее одиозные фрагменты текста и потешались, подписываясь: «Великий писатель всея Руси Чижиков», «Скромный иконописец Ярославцев» и тому подобное.

– По моим данным, полученным из секретных источников, – доверительно сообщал Рудик, – в Думе готовится законопроект о запрете на употребление слов «вор», «позор», «свобода» и «долгой». Я предлагаю дополнить закон подготовкой лип-ридеров – специалистов способных читать по губам – для выявления тех, кто в нарушение закона будет использовать эти слова. А в перспективе не мешало бы разработать технологию расшифровки мыслительного процесса и создать полицию мыслей, чтобы выявлять и наказывать протестующих тайно мыслепреступников.

Он подошел к Валерию Николаевичу, бесцеремонно оттолкнув Машу.

– Всякая шелупонь мне не интересна, а мнение народно-

го артиста СССР будет принято во внимание. Подпишись! – потребовал он и попытался всучить артисту заготовленные бумажки.

– Я принципиально не подписываю никаких политических заявлений, – отмахнулся Валерий Николаевич.

– Это для блага России, – не отставал Рудик. – Я отправлю тебе сейчас тайное послание с разъяснением. Вас ведь в КГБ обучали азбуке Морзе? Какой у тебя позывной — «Стукач»?

Он подошел к стене и стал что-то выстукивать. В гостиной воцарилась мрачная тишина.

– Пойдем отсюда, – тихо сказал Валерий Николаевич и направился к выходу. Маша послушно последовала за ним.

– А ты куда собралась? — грозно окликнула ее Стеша.

– Мы уходим, – проямлила Маша.

– Стоять! Ты мне будешь нужна.

– Пойдем, – настойчиво повторил Валерий Николаевич и, взяв Машу за руку, решительно потащил ее к выходу.

– Вот ведь как бывает: подбираешь всякую шваль, выводишь в люди и никакой тебе благодарности, – злобно прошипела Стеша им в спину. – Иди-иди, лярва, но больше сюда не возвращайся!

А Машу терзали сомнения. С одной стороны, Стеша столько времени худо-бедно помогала ей держаться на плаву, а Валерий Николаевич появился в ее жизни сравнительно недавно, и насколько серьезны его намерения относительно нее – неясно. Может, натешится ею вволю и бросит... И что

дальше? Хотя, с другой стороны, настоял же он на ее учебе и даже заплатил за это. Опять же впереди маячила загадочная Доминикана...

Риск был велик. Но мысль о том, что у нее есть возможность выбора, грела Машину душу, и она, уже не оборачиваясь, решительно пошла за Валерием Николаевичем.

***

Зябкой осенью, когда дождь сменил мокрый снег, Валерий Николаевич и Маша отправились в райскую Доминикану.

К счастью для них, несмотря на многочисленные ограничения, связанные с коронавирусом, въезд в эту страну не был запрещен, а рейс из Москвы оказался прямым.

– Я была на море, на Азовском. Но там много берега и мало моря, а здесь земли совсем ничего и вокруг вода, до самого горизонта. Клево! – восхищалась Маша, любуясь этой картиной с террасы пятизвездочного отеля на берегу океана,

– Не клево, а восхитительно, потрясающе, здорово, превосходно, изумительно...

– Да хватит меня учить! – грубо оборвала Валерия Николаевича Маша.

– Дорогая, возжелавший прекращения учения либо покойник, либо невежда. Ты стоишь передо мной, слава Богу, жива и здорова и невеждой прослыть, полагаю, не жаждешь.

– Ну ладно, – буркнула Маша. – Только я представляла океан ревушим и с волнами высотой с дом, а он такой спокойный, можно сказать, ласковый.

– Вот видишь, можешь, если захочешь, раньше бы ты ограничилась одним словом «классный». Подожди, если нам повезет, а вернее – не повезет, мы увидим океан буйным.

– А почему не повезет?

– Потому что ураган, вызывающий шторм, не проходит быстро, он длится несколько дней.

***

С океана дул легкий бриз, но все равно было довольно жарко. Оставив вещи в номере, пара отправилась в бар. Его экзотический интерьер и немислимое количество бутылок и бутылочек со спиртным весьма впечатлили Машу. Крепкого алкоголя в такую жару не хотелось, а названия коктейлей им ничего не говорили. Пока они разбирались в карте спиртных напитков, бармен наполнил две микроскопические рюмочки и со словами: «Мама Хуана» подвинул к ним.

– Похоже, это для затравки, – сказал Валерий Николаевич и залпом выпил содержимое.

– Ой, как вкусно! – воскликнула Маша. – Давай закажем это.

– Нам понравилось, – обращаясь к бармену, сказал Валерий Николаевич по-английски. – Будем пить это. Как вы ска-

зали называется?

– Это ликер «Мама Хуана». Много нельзя, теперь только через пять часов, и не рекомендую вам заказывать его сейчас же в другом баре. Только через пять часов!

Валерий Николаевич недовольно ткнул пальцем в первую попавшуюся строчку, и бармен быстро приготовил коктейль, украсив фужер фруктами и цветами.

– Красиво! – оценила Маша. – А что он сказал, почему не налил ликер?

– Говорит, следующую порцию можно только через пять часов.

– Это еще почему? — возмутилась Маша.

– Понятия не имею.

Но уже через несколько минут они поняли почему.

– Тебе не кажется, что птицы стали петь громче и сладкозвучнее? – спросил Валерий Николаевич.

– Да, – ответила Маша, – и цветы распускаются прямо на глазах.

Они расхохотались и уже не унимались отмеренные барменом пять часов.

– Это не наркотик? — спросил его Валерий Николаевич, в очередной раз подходя к стойке.

– Нет, – ответил бармен и извлек из буфета громадную бутылку с жидкостью, в которой, словно кальмар, плавал огромный безобразный корень. – Мама Хуана, – указывая на корень, сказал он, – заливается белым ромом и настаивается

неделю. Напиток не дурманит, а только веселит. Но злоупотреблять нельзя, мир без него покажется серым, больше двух рюмочек в день не советую.

– А мы возьмем с собой, – весело заметил Валерий Николаевич.

– Не получится. Корень вам никто не продаст, да и готовый ликер тоже. Это наше национальное достояние.

– Ну что ж, тогда наливай свое национальное достояние, – вздохнул Валерий Николаевич.

***

На пляже то там, то здесь на шезлонгах возлежали холелые мужчины преклонного возраста, а рядом с ними, подобно бронзовым статуям, торжественно и величаво возвышались мулатки. Именно возвышались, ибо эти красавицы, как на подбор, были под два метра. Мужчины, надо заметить, несмотря на солидный возраст, отличались спортивным телосложением, выглядели поджарыми.

– Кто это? – спросила Маша.

– Думаю, небедные американцы, а девушки — эскорт, сопровождающий их на отдыхе.

«Интересно, знает он о том, что я тоже этим промышляла? – задалась вопросом Маша. – А не важно, прикинусь-ка я невинной овечкой».

– Эскорт в смысле?.. – наивно раскрыв глаза произнесла

она.

– И в этом, и во всех других смыслах, на все случаи жизни. Судя по этим красавицам и по тому, что редко у кого из них рядом одна девушка, мужчины эти далеко не бедные, удовольствие-то, прямо скажем, не из дешевых.

«Да уж знаю, – усмехнулась про себя Маша, – знаю не понаслышке. Такое не забывается даже при напряжении всех душевных сил. Оно выжигается в мыслях каленым клеймом». Она тяжело вздохнула и настроение ее резко испортилось, виски сдавило и, хотя все это казалось ей в далекой прошлой жизни, она почувствовала легкий озноб.

– А тебе откуда это известно, небось, тоже нанимал?

– Куда уж мне с моими доходами, – усмехнулся Валерий Николаевич.

***

По пляжу сновали группки девочек-подростков из четырех-шести человек, они ходили одна на другую и внешне, и манерами. Возглавляла группу, как окрестила ее про себя Маша, «бандерша», остальные следовали за ней и подчинялись любой ее прихоти. «Бандерша» бежала к морю, и подруги следовали за ней. На полпути она останавливалась и, ни слова не говоря, возвращалась, девочки плелись следом. Кто-то, исполняя ее каприз, бежал за мороженым, но у нее вдруг пропадало желание и мороженое летело в урну. Зре-

лице было, мягко говоря, не из приятных.

– Я думала это киношная выдумка, а оказывается взаправду бывает. Они что, больные на голову или нанятые? – спросила Маша, с брезгливым любопытством наблюдавшая эту сцену.

– Думаю ни то, ни другое. Особа, которая верховодит, ярко выраженный лидер – самодовольная, самоуверенная и, смею предположить, из категории так называемых баловней судьбы, а ее свита — девчушки с кучей комплексов, наверняка из небогатых семей, нуждающиеся в покровительстве и защите сильной личности. Вот они и сбились в кучку вокруг этой девицы, как цыплята возле наседки. Да, она эгоистка и хамка, но, поверь мне, если кто-то, не входящий в этот клан, попробует задеть кого-то из его членов, мало ему не покажется. Но знаешь что? Эти девчушки нужны ей ничуть не меньше, чем она им. Ведь само наличие свиты дает этой особе ощущение собственной значимости, силы, авторитетности.

***

В отеле было шесть ресторанов, причем два из них работали круглосуточно. В итальянский, французский и японский надо было записываться. Здесь по вечерам проходили кулинарные шоу.

Пару особенно впечатлило представление поваров в япон-

ском ресторане. В огромном зале, оформленном в национальном стиле миниатюрными садиками с ручейками и мостиками, было шесть стоек, за которыми на высоких барных стульях сидели гости. За каждой стойкой находилось рабочее место повара, оборудованное всем необходимым для приготовления блюд. Под бой барабанов с воинственным японским приветствием выходили повара в национальных костюмах, и представление начиналось.

Они жонглировали ножами, ложками, посудой, словом, всем, что оказывалось у них в руках. Затем то в унисон, то соло один за другим отбивали кухонными молотками ритм, сопровождая это действие напевными фразами.

Словно фокусники повара извлекали из ниоткуда приборы, тарелки, цветы и салфетки и выкладывали все это перед гостями, награждавшими их бурными аплодисментами.

Все это проходило в бешеном темпе, но движения мастеров не были суетливыми, они работали уверенно и четко и, судя по всему, сами получали огромное удовольствие от процесса.

Прямо на глазах у изумленной публики появлялись экзотические блюда, и даже их перекладывание в тарелки гостей повара проделывали синхронно, продемонстрировав таким образом еще один оригинальный номер. Шоу, длящееся полтора часа, пролетело как одно мгновение.

– Это был ужин или концерт? —спросила Маша, когда они вышли из ресторана.

– И то, и другое, – ответил Валерий Николаевич, довольный тем, что ему в очередной раз удалось удивить ее. – Я многое повидал, но такое действие – впервые.

Счастливые, они направились в бар, откуда доносились звуки латиноамериканской музыки. Валерий Николаевич по вечерам учил Машу танцевать танго. Она оказалась весьма способной ученицей. Случалось, танцующие расходились, оставляя их одних на танцполе, и провожали оттуда аплодисментами и криками «браво!»

***

По вечерам в концертном зале проходили танцевальные шоу. Программы и группы менялись каждый день. Звучали латиноамериканские, испанские, индейские мелодии... Выделить лучшую программу не представлялось возможным — все они были великолепны. Восхищал темпоритм. Едва заканчивался один танец, как тут же начинался другой. При этом номера изобиловали виртуозными акробатическими элементами, имеющими ярко выраженный национальный колорит.

Мастерство исполнителей вызывало восторг и удивление. Словно пчелы, указывающие вибрацией брюшка направление цветущего сада, танцовщицы страстно двигали бедрами. Стройные мускулистые мулаты, нарушая все законы земного притяжения, зависали в воздухе. Каждый танцор чувствовал

себя солистом независимо от того, в каком ряду находился. В ожидании своего выхода артисты, стоя за кулисами, не ломали в волнении пальцы, а с удовольствием повторяли движения выступающих на сцене.

Но больше всего Маше понравилось водное шоу, прошедшее в огромном бассейне с фонтанами и водопадами. Синхронное плавание со множеством акробатических элементов в исполнении спортсменок в красивых костюмах, сопровождаемое лазерными эффектами, произвело на нее неизгладимое впечатление.

***

Перед самым отъездом пары домой Доминикану накрыл мощный тропический циклон, подчистую размывший береговую линию. Все авиарейсы были отменены, и им пришлось задержаться на двое суток. В жуткую непогоду, когда туристы покидали свои номера только лишь для того, чтобы добежать до ближайшего бара или ресторана, Маша устраивала для Валерия Николаевича эротическое шоу. Обвешав нагое тело банановыми листьями, она соблазняла его под ритмы доминиканской бачаты чувственными движениями бедер и ягодиц. Танцующая двигалась так выразительно и ритмично, что от этого воспламеняющего зрелища Валерий Николаевич терял голову! А Маша с удовольствием демонстрировала неземное ликование от беспечного отдыха на затеряв-

шемся в могучем океане острове, охваченном необузданной морской стихией.

***

В Питер пара вернулась в самый разгар очередной вспышки коронавируса, но отделалась трехдневной самоизоляцией в ожидании результатов тестирования. Валерия Николаевна ждал напряженный график съемок, а Машу – сессия, которая при сложившейся ситуации проходила дистанционно. Выйдя через ноутбук на образовательный портал университета, удобно устроившись в роскошном мягком кресле, приготовив тетрадь и ручку, она старалась внимательно слушать лекции, но максимум через полчаса засыпала сном младенца. Но в целом установочная сессия прошла легко. «Если так пойдет и дальше, – думала Маша, – то, глядишь, я и университет наконец-то окончу. Может, и к лучшему этот коронавирус...»

***

Приближался Новый год. Съемки не укладывались в график, киногруппе предстояло работать и 31 декабря, и 1 января. Поэтому решено было встречать Новый год в павильоне. Подготовили программу, заказали ужин и пригласили близких. Маша сделала роскошную прическу, макияж, наде-

ла новое платье «в пол»... На вечере среди женщин ей не было равных.

Она действительно была чудо как хороша: выразительное смуглое после Доминиканы лицо, приоткрытые в улыбке алые пухлые губы, жемчужно-белые зубы, иссиня-черные, слегка вьющиеся волосы, темно-карие миндалевидные глаза в обрамлении длинных густых ресниц, идеальной формы черные брови – словом, настоящая восточная красавица из сказок Шахерезады. Длинное облегающее платье подчеркивало все достоинства Машинной фигуры. Девушка была необыкновенно сексапильна. Мужчины провожали юную красавицу восхищенными взглядами.

– Я тебя не узнаю, ты ли это? – не в силах скрыть восхищения спросил Валерий Николаевич.

– Что, плохо? – изобразила смущение Маша.

– Да нет, все великолепно, просто ты какая-то другая, еще более обворожительная.

– Так для тебя же стараюсь.

Весь вечер Маша была в центре внимания. Все хотели с ней выпить, потанцевать, просто поболтать.

В самый разгар веселья изрядно подвыпивший актер, исполнявший главную роль в сериале, громогласно объявил:

– Оказывается, Маша у нас модель. А покажи-ка нам, дорогая, как вы там дефилируете на подиуме!

Недолго думая, захмелевшая девушка вскарабкалась на стоявший в павильоне узкий свободный стол и, скомандовав

себе: «От бедра!», стала прохаживаться по нему «модельной» походкой. Но алкоголь сыграл с ней злую шутку: потеряв равновесие, она чуть было не свалилась с импровизированного подиума, но протагонист успел подхватить ее и тут же потащил девушку в самый темный угол павильона.

Спустя несколько минут за горой декораций послышались невообразимый грохот и истошный крик Маши:

– Ах ты гаденыш! Думаешь, если ты звезда, так тебе все можно? Иди к своей мымре и трахайся с ней хоть до полусмерти, а я тебе не какая-то там дешевая потаскушка!

А затем посыпалась такая отборная брань, что даже актерская братия, которую трудно было чем-либо удивить или смутить, впала в ступор. Маша с искаженным от злости лицом выбралась из руин декораций, поправляя платье. За ней ковылял неудавшийся герой-любовник с рассеченной бровью. Кровь заливала ему лицо и алым пятном расплывалась по белоснежной рубашке. К неудавшемуся соблазнителю подошла жена и увела его с вечеринки.

Какое-то мгновение на съемочной площадке царила полная тишина, а потом все как по команде заговорили, всячески делая вид, что ничего из ряда вон выходящего не произошло. Новогодний вечер продолжался.

***

В детстве, чтобы оказаться в центре внимания взрослых

и сверстников, Маша постоянно совершала нелепые поступки. Эта ее привычка сохранилась и теперь, и после вульгарных эскапад (теперь это прочитывалось окружающими так и никак иначе) окружающие брезгливо отворачивались от нее. Она хотела, но никак не могла справиться со своими спонтанными выходками. Однако в этот раз, в этом сообществе никто не осудил ее и даже не обмолвился о происшедшем, все восприняли это как киношную мизансцену, и только Валерий Николаевич уже дома мягко, но наставительно отчитал ее.

– Маша, я хотел бы обсудить с тобой новогодний эксцесс, – сказал Валерий Николаевич, когда пара вернулась домой. – Знаешь, у Платона есть гениальный миф, иллюстрирующий сущность индивида. Человек подобен колеснице, в которую впряжена пара коней — эмоция и воля. И пара эта в своей безудержной удали способна понести и разбить колесницу. Но на облучке сидит разум, управляющий и волей, и эмоцией. Нельзя допускать сверхвозбудимости, как, впрочем, нельзя подавлять себя сверхдисциплинированностью (что, следует заметить, тебе не свойственно ни в малейшей степени), нужна золотая середина, которую обеспечивает разум, позволяющий осмысливать, анализировать и принимать решение, адекватное картине мира. У тебя, увы, и картина мира смазалась, и с эмоциями ты не совладала. Так нельзя!

– Так чо, мне надо было отдаться этому подонку? – зло

спросила Маша.

– Дорогая, я ведь вовсе не об этом... – огорченно вздохнул Валерий Николаевич.

***

Совершенно по-барски прозвучало предновогоднее послание Маши одноклассникам:

«В последние дни уходящего года я подвожжу итоги того, что я успела сделать за три года учебы и работы в Питере, чего добилась.

Итак, через полгода я получу диплом менеджера по рекламе и свяжам с общественностью, я приобрела много друзей, среди которых есть знаменитости, у меня было множество потрясающих съемок с замечательными фотографиями, я стала моделью успешных торговых брендов, снималась в кино, много путешествовала. И это ли не счастье, это ли не успех?!!

А что хорошего и полезного сделали в этом году вы, мои дорогие подружки? Каковы ваши личные достижения? Пишите, что-то вы редко стали отвечать на мои послания».

***

Уходящий високосный год оправдывал свое разрушительно-мистическое предназначение. В эту новогоднюю ночь,

находясь в гостях, Кира почувствовала недомогание, вызвала такси и поехала домой. В машине она потеряла сознание, и мерзавец таксист, добравшись до указанного адреса, затащил ее в первую попавшуюся парадную без кодового замка и сбежал, прихватив сумочку Киры.

Ранним утром один из жильцов, собравшийся выгулять собаку, обнаружив лежащую без чувств женщину, вызвал скорую.

– И здесь проспится, ничего с ней не делается, – заявил явно нетрезвый после новогодней ночи фельдшер и категорически отказался забирать Киру, но мужчина пригрозил ему грандиозным скандалом с привлечением прессы и в конце концов ее увезли в больницу.

Двухсторонняя пневмония – следствие многочасового лежания на ледяном полу парадной, чуть было не свела женщину в могилу. Но едва она пошла на поправку, как у нее обнаружили рак головного мозга.

Маша, телефон которой Кира назвала, как только пришла в себя, навещала подругу в больнице практически ежедневно. За эти годы она так к ней привязалась, что мысль о ее смерти приводила ее в отчаяние. Эта женщина была для нее больше, чем подругой, – наставницей, добрым ангелом. Они были как сестры: Кира – старшая, Маша – младшая...

Вскоре Киру перевели в хоспис, и женщина поняла, что это конец.

– Маш, – обратилась она к подруге, когда та в очередной

раз пришла ее навестить, – пойдй ко мне домой, там на шкафу лежит ключ от сейфа, открой его и возьми оттуда деньги.

– Что ты! – замахала руками Маша. – У меня есть, Валерик мне ни в чем не отказывает, да ты и не ешь ничего, смотри, тумбочка ломится от продуктов, а еще в холодильнике...

– Мне нужно другое! – перебила ее Кира и, притянув к себе, прошептала: – Достань мне наркотики, иначе я сойду с ума, мне их обезболивающие уже не помогают.

Маша наобум поместила в «Твиттере» лаконичный пост: «Помогите, нужны наркотики».

Наутро поступило более десяти предложений. Маша перевела деньги на указанный в одном из сообщений счет, а позже забрала кокаин в обозначенной закладке и принесла его подруге.

Кира с жадностью вдохнула порошок. Глаза ее заслезнились, и она начала чихать, но вскоре успокоилась, мышцы лица расслабились, исчезло страдальческое выражение, и она улыбнулась.

– Хорошо-то как, я уж боялась, что до последнего вздоха буду корчиться в муках, спасибо, Машка, ты настоящий друг.

Маше стало так жалко подругу, что она разрыдалась.

– Да не реви ты! Все там будем, глядишь, и свидимся на том свете. А смерти я не боюсь, я, наоборот, тороплю ее. Она – мое избавление: от непутевой жизни, от неизбежных при моей болезни мучений..., – Кира замолчала и закрыла гла-

за. Лицо ее приняло умиротворенное выражение, она удивительным образом похорошела... Такой красивой Маша ее еще не видела.

Около месяца девушка приносила подруге порошок, избавляя ее от страданий. Она разыскала ее племянницу, жившую в Перми, и вызвала в Питер, оплатив ей дорогу. Затем пригласила в хоспис нотариуса и оформила на родственницу Кирину квартиру.

Кира ушла тихо — без стонов и криков, без причитаний и проклятий, переполнявших хоспис. Провожали ее в последний путь трое — Маша, Валерий Николаевич и племянница.

Боль от утраты подруги, которая стала для нее ближе матери, Маша попыталась залить вином. Заботливый Валерий Николаевич вывез ее на дачу и почти месяц они провели в загородном доме. Валерий Николаевич с энтузиазмом студента-первокурсника писал за нее контрольные и курсовые, а Маша лениво пыталась готовиться к экзаменам предстоящей весенней сессии.

***

В один из февральских вечеров Валерий Николаевич, вернувшись в свой загородный дом с киностудии, неожиданно плохо себя почувствовал. «Переутомление, — решил он, — нельзя так себя загонять, чай не двадцать лет!» Однако ночью у него поднялась высокая температура, которую не уда-

валось сбить трое суток. Не помогали ни жаропонижающие таблетки, ни обтирания холодной водой с уксусом, которые каждые три часа делала испуганная Маша. На четвертый день температура резко упала, и Валерию Николаевичу стало легче.

– Вернемся-ка, девочка, – сказал он, обращаясь к Маше, – в город и сделаем тест на коронавирус. Там, пожалуй, и останемся. Ведь, не дай Бог, если что случится, скорая сюда ох как нескоро доберется!

В медицинском центре перед сдачей материала для теста их зачем-то направили на прием к терапевту, где в ожидании своей очереди уже томились пациенты. У соседнего кабинета на стульях тоже маялись несколько человек.

В коридор, громко стуча палками, вошли два старика. Один тучный, с добродушным лилового цвета лицом, а другой тощий с острым колючим взглядом.

– Кто последний к урологу? – торжественно спросил тучный и, подобно Деду Морозу, с силой ударил палкой в пол.

– Я, – вздрогнув, ответила чопорная старушка.

Старики сели. Тучный страдал одышкой, потел и без конца сморкался в помятый и явно несвежий платок. Тощий морщился и брезгливо отворачивался, словно давая понять всем присутствующим, что он оказался рядом с этим неряхой совершенно случайно. Через несколько минут тощий спросил тучного:

– Изя, ты узнал, кто последний?

– Да.

– И кто это будет?

– Вот эта деликатная дама, – ответил Изя, указывая на старушку.

– Это очень хорошо, только ты не забудь, за кем занимал, а я пока схожу в туалет.

Последнее слово он, явно стесняясь, произнес шепотом.

– Ну что, наша очередь еще не подошла? – вернувшись, спросил тощий.

То ли задремавший, то ли не расслышавший вопроса Изя ничего не ответил.

– Очередь наша не подошла? Оглох, что ли? – прокричал ему в ухо тощий старик, ткнув его палкой в плечо.

– Нет, не подошла, – встрепенулся толстяк. – Мы идем после этой благородной дамы.

В это время зажглась сигнальная лампа и старушка вошла в кабинет.

– Долго она, – проворчал тощий. – Как ты думаешь, я успею в туалет?

– Думаю, нет, женщина скоро выйдет.

И действительно, через пару минут старушка покинула кабинет. Вся взъерошенная и раскрасневшаяся, она мало походила на ту, что несколько минут назад входила к врачу.

– Это та женщина, что была перед нами? – спросил тощий старик.

– Да.

– Так теперь наша очередь?

– Да.

– Так что же мы не идем? – не унимался тощий.

– Нас не приглашают, видишь, лампочка не загорается.

– А может, она перегорела? Пойди узнай.

Кряхтя, Изя с трудом поднялся со стула и направился было к кабинету, но уронил палку и нагнулся, чтобы ее поднять.

– Да поскорее же ты, жиропя! – прошипел злобный старикашка и ткнул его своей клюкой в ягодицу.

Изя споткнулся, но устоял на ногах, поднял палку и в конце концов доковылял до кабинета.

Наблюдавшие за этой сценой пациенты поликлиники осуждающе переглянулись, кто-то с возмущением произнес: «Что за хамство, обращается со стариком как с негодным мальчишкой».

В это время дверь кабинета вновь отворилась, из нее показался Изя и со словами: «Папа, еще рано, я же тебе сказал, нас пригласят», тяжело дыша, уселся рядом с отцом.

Ожидавшие приема разом прыснули от смеха.

– Эта сцена яркая демонстрация шекспировского – «Весь мир театр», – тихо произнес Валерий Николаевич.

***

У обоих результат анализа на коронавирус оказался положительным. И если Маша чувствовала лишь легкое недомо-

гание, то у Валерия Николаевича снова поднялась температура. На следующий день его госпитализировали. Компьютерная томография выявила двустороннюю вирусную пневмонию. А поскольку все больницы были забиты до отказа, Валерия Николаевича отвезли в пансионат «Заря», что в Репино.

При других обстоятельствах провести пару-тройку недель на берегу Финского залива в комфортных условиях с прекрасным питанием было бы сплошным удовольствием, но Валерий Николаевич страдал, причем страдал жестоко. Неделю температура не опускалась ниже тридцати девяти. В полубредовом состоянии он слышал одно и то же: давление, гепарин, сатурация, кислород низкий... И так все семь дней. Ему казалось, что его крутят на вертеле, жар вызывал нестерпимую боль во всем теле.

– Послушайте, так не пойдет! – словно сквозь слой ваты, услышал он чей-то голос. С трудом открыв глаза, Валерий Николаевич увидел соседа по палате, с которым так и не успел познакомиться. – Поймите, нас здесь лечат от пневмонии, ведь от коронавируса лекарств нет. Разрекламированный «Коронавир» оказался совершеннейшей пустышкой! Смертность среди тех, кто его принимает, и тех, кто нет, одинаковая. Кстати, меня зовут Михаил. Как зовут вас, я знаю: прочел на табличке, прикрепленной к вашей кровати. Судя по всему, мы ровесники, а потому давайте обойдемся без лишних церемоний и перейдем на «ты». Согласны?

Валерий Николаевич молча кивнул.

– Ну вот и славно! Так вот я продолжу. В нашем возрасте из сложившейся ситуации два выхода: либо в лучший мир, либо мы начинаем действовать по принципу «помоги себе сам». Меня этому научил твой предшественник; думаю, что я выжил только благодаря этому. Здесь все очень просто: собираешь силу воли в кулак и не даешь себе залеживаться. Так что вставай, для начала мы пройдемся по коридору.

– Какое там вставай, Михаил, я и лежу-то с трудом!

– Так, хватит разговоров! Встаем и идем, пару проходов по коридору и в душ.

Сосед помог исхудавшему Валерию Николаевичу сесть на кровати, сел рядом с ним, забросил его руку на свое плечо, они поднялись и отправились «на прогулку».

– Помоешься, и тебе сразу полегчает, вот увидишь! – сказал сосед, проводив Валерия Николаевича в душевую. – Только не рискуй, делай это сидя. Ты еще очень слаб, не ровен час, голова закружится и упадешь.

– У меня такое ощущение, будто я вместе с потом и грязью смыл болезнь, – сказал Валерий Николаевич, выйдя из ванной комнаты. – Мне действительно стало гораздо легче. Огромное тебе спасибо, Миша!

– Вот и славненько, завтра выйдем на балкон, а сейчас ложись на живот, так легкие лучше всего насыщаются кислородом, и вслух повторяй все слоги на букву «м»: «ма, ме, ми», в общем, со всеми гласными, иначе кашель одолеет. Слы-

шишь, как люди надрываются? Механизма действия этого метода я не знаю, но он действительно помогает! Кстати, меня этому тоже твой предшественник научил.

– Да, это упражнение мне знакомо, оно расслабляет и увлажняет дыхательную систему.

В самые тяжелые дни болезни мысли о смерти стали посещать Валерия Николаевича все чаще. Он где-то читал, что в соответствии с теорией биологической памяти человек перерождается заново каждый год. Все жизненные процессы построены на циклах. И годовой цикл яркий тому пример: от весны до весны, от летнего равноденствия до следующего и так далее. А для человека точка отсчета – его день рождения. Заканчивается один цикл и начинается следующий. И на этом стыке человек наиболее уязвим. Именно в это время с ним происходят самые знаковые события, и в том числе смерть – как признак завершения очередного цикла. Виной тому стресс. К концу цикла накапливается усталость, ухудшается общее состояние, утрачивается способность к концентрации, организм и соответственно иммунитет ослабевают... Причем с годами (он хорошо знал это по себе) эти изменения становятся все более заметными.

Похоже, это тот самый случай. Его час пробил, именно накануне его семидесятилетия организм не выдержал и дал сбой, впустив убийственную коронавирусную инфекцию.

«Бедная Маша! – с грустью думал Валерий Николаевич. – Ведь после смерти Киры ей и податься-то некуда... Что же

с ней будет, когда меня не станет? Кто о ней позаботится?.. Господи, что за мысли! Я обязательно выживу и сделаю Маше предложение в свой день рождения. Разница в возрасте, конечно, огромная, но у нее будет выбор: отказать мне и расстаться, остаться в положении сожительницы или стать моей законной женой. Итак, решено, смерть отменяется!»

И действительно, после того как за него взялся сосед, Валерий Николаевич стремительно пошел на поправку. Температура плавно снижалась, и, отправляясь на прогулку, он уже обходился без посторонней помощи. Михаила вскоре выписали, и они расстались друзьями.

***

В тот же день в номер заселился молодой человек. Килограммов под двести, он едва протиснулся в дверь, бухнулся на кровать, достал из мешка бутерброды и тут же принялся молча с жадностью их уплетать.

– Здесь хорошо кормят? — спросил он, покончив с едой.

– Вообще-то меня зовут Валерий, а кормят здесь отменно.

– Метрах, – отозвался молодой человек.

– Вы студент?

– Нет, я бизнесмен из Марокко, но живу здесь давно, женился на русской и получил российское гражданство.

– Поздравляю.

– С чем поздравлять-то? Россия нищая страна, и живут

здесь пьяницы и лентяи. Нецивилизованная страна.

– О как! А Марокко, значит, цивилизованная? Только что же оттуда народ валом валит? – возмутился Валерий Николаевич. – Кстати, а почему, Метрах, вы с такими претензиями и не в Европе? Вас туда не пустили?

– Я хотел поехать в Париж, но друзья сказали, что здесь можно быстро разбогатеть.

– И что, разбогатели?

– Я же тебе сказал: нищая страна, никто не покупает.

– У вас свой магазин?

– Место на рынке, но это лучше, чем магазин.

Валерий Николаевич, в котором вдруг проснулись патристические чувства, не без удовольствия заметил:

– В Париже вы бы с асфальта продавали марокканские ремни и вряд ли имели бы французское гражданство, а здесь у вас все же своя торговая точка. И потом, может быть, дело не в бедности покупателей, а просто им ваш товар не нравится?

– Я торгую лучшими турецкими товарами. Говорю тебе – нищая страна! Я в Финляндию перееду.

– Вы, полагаю, не первый год живете в России и знаете, что в русском языке есть обращение на «ты» – дружеское, панибратское и на «вы», так обычно обращаются друг к другу малознакомые люди, такие, например, мы с вами. Обратите внимание, я в два раза старше вас и называю вас на «вы», а вы мне тычете. Что так?

В ответ Метрах лишь что-то злобно пробормотал на арабском.

К счастью, назавтра Валерий Николаевич выписывался. Два теста на коронавирус показали отрицательный результат.

***

А в это время Маша устраивала почти ежедневные приемы для своих приятельниц. Поскольку у Стеши работы было очень мало, барышни занялись откровенной проституцией, чтобы хоть как-то продержаться на плаву.

Каждый раз они напивались до невменяемости, благо бар Валерия Николаевича был забит крепким алкоголем, и Маше приходилось растаскивать их по комнатам, чтобы уложить спать. Но ей нравилось ощущение своего полного благополучия на их фоне: ведь у нее было все: и роскошная квартира, и дорогая выпивка, и деньги, а самое главное, ей, в отличие от этих несчастных, не приходилось торговать своим телом.

– Повезло тебе, Машка! – с завистью говорили приятельницы. – Такого мужика отхватила, и все-то у тебя есть.

– А он хоть как мужик-то ничего или уже сдулся? – ехидно спросила Ева, особа с перекачанными губами. – Хотя, думаю, тебе это по барабану. Вряд ли это большое удовольствие – перепихон со старикашкой.

– Прикуси язык, дешевка, ты, между прочим, в его доме! – зло бросила Маша. – Ну а с этим у него все в порядке: не сможет, так сыграет. Ты что, забыла, что он артист?

Все рассмеялись и в очередной раз осушили бокалы – за удачу.

***

Валерий Николаевич вернулся домой изможденным и исхудавшим.

– Ой, ужас-то какой, на улице встретила бы – не узнала! – воскликнула Маша. – Ну ничего, я тебя быстро откормлю.

Готовила она замечательно и с удовольствием, и Валерий Николаевич быстро набрал потерянные было килограммы.

Свое семидесятилетие он решил отметить с Машей в зарубежной поездке.

– Какую страну выберешь, разумеется, из тех, что не на карантине, – сказал ей Валерий Николаевич, – туда и поедем.

– Хочу в Египет! – выпалила Маша не задумываясь.

– Ты уверена? Ведь есть куда как более интересные места...

– Нет-нет, только в Египет! Я с детства мечтала увидеть пирамиды.

– Ну хорошо, Египет так Египет. Через три недели тебя ждут пирамиды Гиза, храмы Луксора и Долина царей.

Прилетев в Хургаду, пара поселилась в роскошном номере одного из лучших отелей. Когда они вышли на огромный балкон, портье, довольный щедрыми чаевыми, принес и поставил перед ними на столик «комплимент» – вазу с фруктами и прохладительные напитки. С изумрудного цвета моря веяло прохладой, пространство вдоль корпусов утопало в цветах, а между ними извивался бассейн с водопадами, мостиками и барными стойками.

К нему, весело щебеча, подошла стайка явно местных девушек в сопровождении пожилой женщины. Все они были в одинаковых черных купальных костюмах. Игриво подталкивая друг друга, они осторожно зашли в воду. В это же самое время, держась за руки, к бассейну подбежали еще две девушки в ярких купальниках. Они с разбегу прыгнули в воду, подняв столб брызг. Старуха бросила на девушек злобный взгляд и смачно сплюнула в их сторону.

Когда все девушки вышли из бассейна, стала понятна недобрая реакция опекуни. Ее подопечные в купальных костюмах, состоящих из широких шаровар и одетых поверх длинных платьев, не позволявших увидеть ни щиколотки, ни запястья, были олицетворением восточной скромности. В то время как модницы, в туго облегающих тело лосинах и коротеньких сарафанах, бесстыжим образом демонстрировали прелести своих изящных фигур.

– Да-а . . . , – протянул Валерий Николаевич, – это Восток . . .

Ну что ж, попытаемся вписаться в местную субкультуру, хотя еще лет десять назад в этом не было никакой необходимости: контингент туристов состоял исключительно из европейцев, теперь же, обрати внимание, большая часть отдыхающих – арабы, и с этим придется считаться.

– Так что, пойдем покупать паранджу? – сострила Маша, – или, с позволения сказать, купальники, как у этих девиц, ничем не отличающиеся от спортивных костюмов.

– Нет, пойдем купаться, но если у тебя только стринги, начнем с посещения магазина, где приобретем более подходящий купальник.

– Ты серьезно?

– Более чем, это тебе не Доминикана, здесь нынче можно быть оплеванным за непристойность даже сотрудником отеля. После «арабской весны» у них появилось ощущение национальной гордости, которое они выражают весьма своеобразно.

***

Валерий Николаевич составил список достопримечательностей Египта, которые они непременно должны были посетить. Следуя ему, на третий день пара отправилась на острова.

– Красное море – самое соленое и чистое, потому что в

него не впадает ни одна река, – рассказывал он Маше. – А это значит, что вода здесь не опресняется и нет речного ила. Это прекрасное место для дайвинга. Здесь под водой такая красотища! Так что лови момент.

– Кстати, ты не знаешь, почему оно называется Красным? – поинтересовалась Маша.

– Существует несколько версий, но самой убедительной я считаю только одну из них, и вот почему. В начале девяностых годов я отдыхал здесь в мае месяце и в день отъезда, решив на прощание искупаться, обнаружил, что все море, насколько хватит глаз, покрыто мельчайшими круглыми листочками алого цвета. Оказалось, что ночью зацвели водоросли, и эти цветочки все разом всплыли на поверхность.

Едва отчалили, матросы включили музыку и начали танцевать на палубе, приглашая туристов присоединиться. Но публика не желала покидать удобные места. Подключилась к матросам только Маша. Музыка была такой зажигательной, а танцоры двигались так ритмично и с таким видимым удовольствием, что скоро на палубе стало тесно от желающих составить им компанию. Но Валерий Николаевич смотрел только на Машу и в который уже раз восхищался ее пластикой и артистизмом.

Через два часа ходу на горизонте появился клочок желто-коричневой земли, на который вскоре они высадились и уже оттуда ныряли с масками и ластами в фантастический подводный мир Красного моря.

Оказавшись под водой, Валерий Николаевич и Маша взялись за руки и поплыли к рифам. Божественной красоты сады грибовидных кораллов, колонии шаровидных, огромные заросли ветвистых образовывали террасы – все это приводило пару в неопишуемый восторг. Сотни разнообразных рыб сновали вокруг, совсем не боясь пловцов. Из нор выплывали и скользили между кораллами жирные и упругие мурены.

***

На следующий день на подводной лодке они погрузились на большую глубину, и представшее перед ними зрелище оказалось еще более восхитительным, чем вчерашнее. Маша радовалась, как ребенок, когда они проходили мимо аттракциона затонувших пиратских кораблей, а Валерий Николаевич с грустью подумал о том, что почти утратил способность испытывать такие непосредственные эмоции. Но когда водолаз стал разбрасывать корм и вокруг него неизвестно откуда собралась не стая, а настоящая стена самых разнообразных рыб, он, так же, как и Маша, тыкал пальцем в иллюминатор, призывая обратить внимание на очередную потрясающую картину. Огромные косяки серебристых рыбёшек перемешивались между собой, образуя потоки живой стали, переливавшейся всеми цветами радуги.

– Тебе не кажется, что я веду себя неподобающим моему возрасту образом? – смущенно спросил Валерий Николаевич.

вич, когда они сошли на берег.

– Ты че, самое то, ты здесь лет двадцать сбросил, мне нравится.

***

На пятый день рано утром они полетели в Каир.

В столичном аэропорту их встретила девушка по имени Кеби.

– Это египетское имя, – пояснила она. – Не мусульманское, а египетское. Я египтянка. Истинные египтяне сегодня называются коптами, мы в этой стране преследуемое меньшинство, нас всего в современном арабском Египте около четырех миллионов, и каждый из нас имеет вот такой опознавательный знак.

Она приподняла рукав платья и продемонстрировала наколку в виде маленького крестика.

– Какое преследование, если страна называется Египет? – удивилась Маша.

– Это не совсем так, – возразила Кеби. – Официальное название нашей страны – Арабская Республика Египет. Заметьте: Египет, но арабский. Когда в седьмом веке арабы вторглись на территорию Египта, они создали законы, превращающие коптов в население второго сорта. Даже родного языка нас лишили.

– Да, кстати, – заметил Валерий Николаевич, – я правиль-

но понимаю, что коптский язык и является египетским?

– Да, верно.

– Тогда как арабы могли лишить вас родного языка?

– Начиная с одиннадцатого века они стали вытеснять коптский язык, не применяя его нигде официально. Сегодня он используется только в богослужении, и лишь в немногих семьях из отдаленных районов Египта говорят на родном языке.

– Скажи что-нибудь, – попросила Маша.

– Я, к сожалению, языка не знаю, да и в моем окружении нет говорящих на коптском, хотя почти все каирские копты живут в одном районе города, но молитву могу прочесть.

Закатив огромные глаза, Кеби пропела молитву.

– Мы одни из первых приняли христианство, и нашим патриархом был евангелист Марк. Мы православные.

Ну, это вряд ли, – недоверчиво протянул Валерий Николаевич.

– Да-да, православные! От этого судьба коптов еще более трагична, хотя закабаление нашего народа началось гораздо раньше. В шестом веке до новой эры Египет завоевали персы, а после походов Александра Македонского египтяне стали фактически рабами в родной стране. Спустя три века пришли римляне, для которых Египет и вовсе стал колонией на периферии империи. В седьмом веке – арабы, а после перехода власти к туркам-османам в шестнадцатом веке Египет стал частью Османской империи.

После открытия Суэтского канала англичане при поддержке французов стали выдавливать отсюда турок, и мы снова оказались в рабстве, пусть и в экономическом. И лишь в феврале тысяча девятьсот двадцать второго года Египет стал независимым и суверенным государством, но все же арабским, – грустно закончила Кеби.

Подъехала машина, и через бесчисленное число шлагбаумов они помчались в вожделенный Машей Каир.

– Я буду сопровождать вас в этом двухдневном туре. Сегодня предлагаю посетить Каирскую башню и цитадель. Завтра рано утром до полуденной жары поедем к пирамидам, а оставшееся до вылета время проведем в Национальном Египетском музее. Если у вас другие планы, мы все можем поменять.

Возражений не последовало, и уже через час они стояли у подножья Каирской башни.

– Увы, здесь всегда большая очередь, – с досадой сказала Кеби. – Придется потерпеть.

К ним без конца подходили торговцы с предложением что-то купить. Валерий Николаевич приобрел куфию – арабский платок со шнурком, аккуратно упакованный в пакет. Когда он захотел надеть его на голову, то вдруг обнаружил, что в пакете вместо платка лишь маленькая его часть. Возмущенный Валерий Николаевич хотел было найти торговца, но того и след простыл.

– Нет, без платка я на символ Египта не могу подняться, –

сказал он. – Кеби, помогите мне купить целый платок.

Оплошность незадачливого туриста была исправлена, и вот уже Валерий Николаевич красовался в арабском наряде. Его бородка, которую он отрастил еще в больнице, вкупе с солнцезащитными очками и загаром, полученным на южном солнце, делали его похожим на араба. Неожиданно к нему подошел молодой человек и, услужливо раскланиваясь, стал куда-то приглашать. Кеби что-то ему сказала, и тот, брезгливо сплюнув, недовольный удалился.

– Что это было? – удивленно спросил Валерий Николаевич.

– Этот местный служитель музея принял вас за саудита и хотел провести без очереди, разумеется, рассчитывая на солидное вознаграждение, но, увы, ошибся.

– Вот она, сила перевоплощения, – с чувством произнес Валерий Николаевич.

– Но как он смачно сплюнул в нашу сторону..., – заметила Маша. – Неужели они так не любят русских?

– Нет, что вы! – поспешила успокоить их Кеби. – Это жест отчаяния по поводу несостоявшегося заработка, а кто вы – русские, англичане или французы, для него не имеет никакого значения.

Между тем подошла их очередь, и они поднялись на смотровую площадку, откуда открывался роскошный вид на всю дельту Нила вместе с пирамидами.

– Под нами на платформе, вращающейся вокруг своей

оси, расположен ресторан, но он очень дорогой, – как бы невзначай заметила Кеби.

– И впрямь время обедать. Надеюсь, этот фешенебельный ресторан не разорит нас, – весело произнес Валерий Николаевич.

Цены оказались недоступными лишь в представлении египтян, а кухня была отменной.

После обеда быстро домчались до каирской крепости и начали ее осмотр.

– Эта цитадель – одна из главных достопримечательностей Каира и старейшая в мире, – сказала Кеби.

– Ну с этим бы я поспорил, – шепнул Валерий Николаевич Маше.

– Да ладно, пусть несет залепуху, от нас не убудет, – ответила она.

– На ее территории расположены мечети, дворцы и несколько музеев, – продолжала свой рассказ Кеби. – Мы же, если у вас не будет других пожеланий, совершим обзорную экскурсию по территории крепости и посетим расположенную неподалеку старейшую мечеть Каира Амра ибн Аль-Аса.

При входе в мечеть всем выдавали зеленые атласные плащи. В нем Валерий Николаевич походил на загадочного восточного мага. Здесь было настоящее вавилонское столпотворение, казалось, все языки мира звучали под сводами этого царственного сооружения.

Группа русских женщин с вологодским говором обратила внимание на Валерия Николаевича. Они наперебой стали восхищаться колоритным восточным мужчиной.

– Не иначе как шейх, а давайте попросим его сфотографироваться с нами? – предложила одна из них, что побойчее.

– Ага, размечталась! Да он пошлет тебя сейчас куда подальше, больно надо ему с нами возиться!

– А может и не пошлет, – не унималась бойкая.

– Господин шейх, можно с вами сфотографироваться? – спросила она Валерия Николаевича, подойдя к нему с заискивающей улыбкой.

– Харридук? – гаркнул он, окинув ее высокомерным взглядом.

– Сфотографироваться, говорю, сфотографироваться с вами можно? – прикладывая телефон к глазу словно фотоаппарат, повторила она.

– Керк доллар! – властно произнес Валерий Николаевич.

– Чего он хочет? – беспомощно повернулась бойкая к подругам.

– Чего-чего, доллар требует, вот чего, – проворчала женщина, что постарше.

– Ну дам я ему доллар, становитесь рядом с ним.

Бойкая достала из сумочки доллар и протянула Валерию Николаевичу.

– Керк доллар, керк доллар, – потрясая пятерней, злобно выкрикнул он.

– Пять долларов, он просит пять долларов! – возмутилась женщина, похожая на школьную учительницу. – А не подавится? Кукиш ему, а не пять долларов!

– Да неудобно как-то, еще подумает, что все русские скряги, а то и вовсе нищие. Становитесь, я уж заплачу.

С кислыми минами женщины выстроились около лжешейха, и бойкая протянула ему пять долларов.

– Таххуди! Керк доллар зык, Керк доллар зык, Керк доллар зык, Керк доллар зык, – прорычал Валерий Николаевич, тыча в каждую женщину пальцем.

– С каждой? Вот вляпались-то!

Женщины покорно собрали деньги и передали псевдошейху.

Фотосессия вышла унылой.

– Ну вот, – выразительно произнес Валерий Николаевич, пересчитывая купюры, – теперь я весь день шикавать могу, спасибо, дамочки!

– Так он наш, русский! – наперебой затараторили женщины.

– Ладно, так уж и быть, верну я вам с таким трудом заработанные деньги.

– А мы-то думали, что вы шейх.

– Да я понял. А что, с соотечественником сфотографироваться вы не хотите?

– Хотим, хотим! – закричали дамы и со всех сторон облепили Валерия Николаевича.

***

Ночная тьма накрыла весь Каир за несколько минут. На южном небе ярко сверкали биллионы звезд. Луна повисла на горизонте. С минаретов неслись протяжные голоса муэдзинов, призывающих правоверных мусульман к вечерней молитве. Кеби привела их в отель и перед тем, как проститься, настоятельно рекомендовала побывать на ночном базаре.

– На европейцев он производит неизгладимое впечатление, в сетях о нем вспоминают чаще, чем о пирамидах, – закончила она свое предложение и попрощалась с парой.

– Я так голодна, что готова съесть целого барана. Быстро в ванную и на ужин, – скомандовала себе Маша, едва они вошли в номер.

Ее «быстро» длилось более получаса, и Валерий Николаевич, не выдержав ожидания, присоединился к ней. Струи воды разбивались о ее молодое упругое тело и разлетались по душевой кабине. Ему показалось это таким эротичным, что он не устоял от искушения и овладел ею.

– Теперь и я проголодался, пойдем скорее, – заявил Валерий Николаевич, выйдя из душа.

Стоящий у входа в ресторан официант приветствовал их на арабском языке и жестами предложил самим выбрать место. В полумраке маленького зала ужинали две пары – пожилые чопорные европейцы, судя по всему англичане, и моло-

дая арабская чета. Стол последних был заставлен фруктами и всевозможными сладостями. Тщедушный араб кормил из рук девушку с невероятно пышными формами. Она была в парандже. Молодой человек аккуратно отделял дольку мандарина или отламывал кусочек лакомства и, приподняв паранджу, клал ей в рот сопровождая кормление ласковыми уговорами. Девушка отнекивалась, но потом все же уступала, и очередная порция исчезала в ее очаровательном пухлом ротике. Это зрелище показалось Маше таким забавным, что она остановилась у стола, бесцеремонно разглядывая пару.

– Ты что вытворяешь? Быстро ко мне! – возмутился Валерий Николаевич.

Маша зажала рот руками, чтобы не рассмеяться в голос, и метнулась к нему.

– Что заказываем? – спросила она.

– Ужин входит в стоимость проживания, так что посмотрим, что нам предложат.

Вскоре официант принес напиток и огромное блюдо с закусками из нескольких сортов сыра (от нежного творожного до твердого, который можно было разве что распилить), запеченных баклажанов и лепешек, напоминающих чебуреки, но более постных и изысканных. В розетках были пасты из экзотических смесей.

Валерий Николаевич попытался выяснить у официанта меню, но тот не знал ни слова по-английски.

– Ты что, не видишь, что его только сегодня привезли из

Сахары, какой английский, – съязвила Маша.

Второе блюдо состояло из риса, макарон, чечевицы и пряностей в томатно-уксусном соусе.

– Если бы не мясо в лепешках, я бы подумал, что это вегетарианский ресторан, – заметил Валерий Николаевич. – Налегай, мы еще полночи проведем на рынке, проголодаемся.

Неожиданно подали зеленый суп с тонким вкусом чеснока и восточных пряностей.

– Похоже, у них, как и в Израиле, супы подают в конце трапезы, – заметил Валерий Николаевич. – Вероятно, нас ждет еще и десерт, без этого арабский ужин не ужин.

Но им принесли рубленые колбаски и тефтельки с картофелем фри, обильно сдобренные зеленью. Блюдо было таким ароматным, что они не смогли отказаться.

– Если бы знала, что будет еще и это, то не ела бы столько макарон, – проворчала Маша.

Но и это было еще не все. Официант поставил перед ними тарелки, где на подсушенной лепешке дымился рис с крупными кусками баранины под мясным соусом. Одним блюдом могли насытиться двое, а то и трое. На десерт стол завалили фруктами и восточными сладостями с начинкой из кокоса, изюма, миндаля и меда. Это было испытание для лакомок.

– А можно взять с собой? Я не в силах даже попробовать все это.

– Думаю, что можно, но мы не станем этого делать. Похоже, утром нас ждет не менее роскошный завтрак, а до этого

ты вряд ли успеешь проголодаться.

Официант положил в пиалу какую-то сухую колючку и залил кипятком. Через минуту в чашке распустился изумительной красоты нежный цветок.

– Вот это да-а..., – протянула Маша.

– Это цветущий чай, только делают его в Китае, причем вручную. Каждый цветок имеет свою оригинальную композицию, равно как и вкус, – заметил Валерий Николаевич.

***

Идти на рынок не было сил. Решили пару часов отдохнуть. И не прогадали, после полуночи жизнь на рынке только начиналась.

Валерий Николаевич заказал на ресепшене такси с фиксированной оплатой, и водитель не стал возить их по закоулкам, накручивая счетчик, а быстро домчал до рынка. Сговорились, что через два часа они вернутся в гостиницу.

– Именно на рынке сполна можно ощутить все прелести восточной экзотики и окунуться в атмосферу арабского средневекового Каира с его узкими и кривыми улочками, – сказал Валерий Николаевич.

На рынке без преувеличения продавалось абсолютно все – начиная с драгоценностей и фруктов, заканчивая стройматериалами и верблюдами. Шум от воплей зазывал, бляения овец и гомона торгующихся стоял такой, что услышать себе-

седника можно было, лишь прокричав ему на ухо. Маша была ошарашена причудливостью рынка и с широко раскрытыми глазами ходила от прилавка к прилавку. Покупатели отчаянно торговались. Они отходили от продавца, потом снова возвращались и возобновляли торг.

– А я знаю безотказный способ изрядно сбить цену, – заявил Валерий Николаевич.

– Да ладно..., – недоверчиво протянула Маша.

– Ну что ж, смотри.

С этими словами он подвел ее к ювелирным лоткам и предложил выбрать себе украшение. Маше приглянулось крупное серебряное кольцо, усыпанное множеством разноцветных камней.

– Вот где проявляется твоя цыганская сущность, – заметил Валерий Николаевич и спросил продавца:

– Сколько?

– Фунт, доллар, евро? – поинтересовался тот.

– Доллар.

– Сто, – неожиданно по-русски ответил торговец.

Валерий Николаевич достал двадцать долларов и отдал продавцу – сухощавому арабу в длинном платье с забавно качающейся феской на маленькой голове. Тот с трепетом взял деньги и вкрадчиво произнес:

– Сто, сто доллар.

– Нет, нету, – развел руками Валерий Николаевич.

Араб не растерялся и, словно заклинание произнося во-

жделенную сумму, попытался залезть Валерию Николаевичу в нагрудный карман рубашки.

– Э-э, – недовольно протянул тот, взял у Маши колье и вернул арабу, – давай деньги.

– Пятьдесят! – взмолился араб. – Большой скидка.

– Нет-нет, давай деньги обратно.

Валерий Николаевич намерился было забрать у араба свои двадцать долларов, но тот увернулся и запричитал:

– Тридцать, тридцать, давай тридцать.

– Двадцать или мы уходим, – решительно заявил Валерий Николаевич.

Дрожащими руками торговец упаковал колье и, вручая его покупателю, выругался по-арабски.

– Грабитель! И не жалко тебе было этого бедного араба? Но как это у тебя получилось?

– Не переживай, со следующего покупателя он возьмет тройную цену. Дело, видишь ли, в том, что восточные люди так любят деньги, что, взяв их в руки, выпустить уже не в состоянии, как та обезьянка, что, засунув лапку в кувшин с узким горлышком и схватив орех, становится пленницей этого кувшина, ибо разжать лапку она уже не может, поскольку боится потерять свою добычу. Так ловят обезьян в джунглях и по тому же принципу торговцев на Востоке. Ты не поверишь, но этот фокус у меня получался всегда. Дай я ему десять долларов, что, как и двадцать, ниже себестоимости товара, он бы и их из своих рук уже не выпустил.

***

Утром за ними заехала Кеби, и они отправились в город Эль-Гиза, практически сросшийся с Каиром.

– Пирамиды Гиза, – начала рассказывать Кеби, – самое уникальное, древнейшее сооружение. Это единственное из семи чудес света, «дожившее» до наших дней. Ансамбль включает в себя три пирамиды: самая большая в мире – пирамида Хеопса, вторая по величине – пирамида Хефрена и самая маленькая из них – пирамида Микерина. В пирамиду Хеопса можно будет войти и осмотреть камеру захоронения фараона.

– Ой, я туда хочу! – воскликнула Маша.

– Вот это уж точно без меня, информации ноль, эстетического удовольствия никакого, зато можно задохнуться и остаться там навсегда.

– Ну конечно! А я пойду.

Кеби повела Машу к подножью гробницы, а Валерий Николаевич устроился на одной из множества массивных строительных глыб.

– Я действительно там чуть не задохнулась, – затараторила девушка вернувшись. – Воздуха нет совсем, и выбраться оттуда из-за толпы таких же, как я, идиотов, можно только с большим трудом. Ты, оказывается, не шутил.

– Да уж какие там шутки, сейчас утро, а ты представля-

ешь, что будет к полудню, когда не сотни, а тысячи туристов побывают внутри, я думаю, что там потеряет сознание далеко не один человек.

– Да, это так, – подтвердила Кеби. – Каждый день карета скорой помощи увозит оттуда несколько туристов.

К ним подъехал всадник на верблюде и стал настойчиво чего-то требовать.

– Чего он хочет? – поинтересовался Валерий Николаевич.

– Предлагает Маше сфотографироваться на верблюде за один доллар.

– Ой, я хочу! – воскликнула девушка.

Кеби что-то сказала всаднику, и тот подогнал верблюда к высокому камню. Маша взобралась на него, и всадник ловким движением закинул ее себе за спину.

– Снимай! – крикнула Маша.

Валерий Николаевич сделал снимок, но всадник развернул верблюда так, что Машу почти не было видно. Он попытался зайти с другой стороны, но тот повторил свой маневр.

– Да он надо мной издевается! – возмутился Валерий Николаевич после очередного неудачного снимка. – Все, слезай, хватит, фотосессия закончена.

Он протянул всаднику доллар, но тот брезгливо отвел нагайкой его руку и что-то сказал Кеби.

– Он сказал, что снимков было восемь и требует восемь долларов, – перевела Кеби.

– Вот наглец, я из принципа не дам больше доллара, таков

был уговор.

Кеби что-то гневно сказала всаднику, тот огрел ее нагайкой по спине и рванул во весь опор в пустыню. Через несколько минут верблюд превратился в маленькую точку на горизонте.

– Что происходит? – растерянно спросил Валерий Николаевич.

– Не волнуйтесь, вернется, он вас просто пугает. Придется заплатить, этот наглец от своего не отступит.

– Они что, все так делают?

– Да нет, я с таким встречаюсь впервые.

Между тем всадник вернулся, за ним сидела белая, как полотно, Маша.

– Я уже подумала мне кирдык, вы видели, как далеко он меня увез?

– Я все-таки проучу эту наглую морду! – сказал Валерий Николаевич, держа в руке десять долларов и улыбаясь наезднику. – Когда Маша окажется на земле, спрячьтесь за камнями, чтобы он не смог к вам подъехать.

Мужчины долго рядились, когда будет отпущена заложница – до или после вручения денег. Желая как можно скорее получить халявные десять баксов, всадник все же уступил, и Маша слезла с верблюда. Когда женщины оказались на безопасном расстоянии, Валерий Николаевич зажал купюру в кулак и показал нахалу кукиш. Тот стал кружить вокруг него, яростно размахивая плетью. Тогда Валерий Николаевич

вич забрался на камень и стал жестами призывать находящегося неподалеку полицейского. Всадник злобно сплюнул в его сторону и ретировался.

– Да, это, пожалуй, самое яркое впечатление за два дня, – заявила Маша.

Следующим объектом в их программе был сфинкс. Огромное сооружение из известняка таило в себе мудрость и мистическую атмосферу Древнего Египта. Перед сфинксом велись монтажные работы.

– Какое-то странное оборудование для реставрации, – сказал Валерий Николаевич, – Что это?

– Вечером здесь дают оперу «Аида», а это монтаж декораций и осветительного оборудования, зрелище, скажу я вам, ожидается грандиозное, – объяснила Кеби.

– Да, я слышал об этой постановке... А давай-ка останемся еще на денек! – обратился Валерий Николаевич к Маше. – Пропустить такое событие просто грех.

– Я уже смотрела эту оперу, больше не хочу.

– Ты, наверное, хотела сказать слушала? Ну и где это было?

– Не помню.

– И о чем же это?

– Не помню.

– Машенька, ты не слушала «Аиду» и не хочешь получить это божественное удовольствие. Так что не надо, пожалуйста, лгать!

– Да, я соврала. Ну и что? Просто я не люблю оперу.

Маша лгала часто и нередко без всякого на то повода. Но когда ее в этом уличали, она всегда произносила одну и ту же фразу: «Да, я соврала. Ну и что?» Обескураженные таким признанием люди приходили в замешательство и не знали, как им на это реагировать. И чаще всего такое беззастенчивое вранье сходило Маше с рук.

– Ну ладно-ладно, сегодня возвращаемся в Хургаду, – сдался Валерий Николаевич. – Но я об этом буду сожалеть всю свою жизнь!

Оставшееся до вылета время пара провела в Национальном египетском музее.

***

Отлежавшись два дня у моря, они отправились в Луксор.

– Считается, что это самый большой в мире музей под открытым небом, – сообщил Маше Валерий Николаевич. – Одна аллея сфинксов растянулась почти на два километра.

К удивлению Валерия Николаевича им показали не один, как это обычно бывало, а оба храма – и Луксорский, и Карнакский.

– Я же все это видела в кино, – обрадовалась Маша, – а теперь я сама здесь. Снимай меня. И здесь тоже. А садиться на сфинксов можно?

На катере перебрались на левый берег Нила, где их встре-

тили массивные Колоссы Мемнона, издававшие звуки, похожие на стоны.

– Нас, видимо, не повезут в это злополучное место, – сказал Валерий Николаевич, указывая на стоящий в отдалении храм, который они проезжали по дороге в Долину царей. – Здесь, в храме женщины-фараона Хатшепсут, в тысяча девятьсот девяносто седьмом году исламисты расстреляли и зарезали больше пятидесяти туристов.

– Русских? – испуганно спросила Маша.

– Нет, там в основном были швейцарцы, но для этих извергов национальность не имела значения, это было послание всем туристам: «Нечего делать неверным в исламской стране». Вот, кстати, и ответ на твой вопрос: «Зачем нас сопровождает военный конвой?»

К радости Валерия Николаевича в Долине царей открыли и отреставрировали несколько гробниц, в которых он не был раньше.

– Надо же, как они хорошо сохранились, – удивилась Маша. – Как будто их только вчера расписали.

– Скорее всего, так оно и есть. Я слышал, что в настоящие гробницы туристов теперь не пускают, чтобы не угробить их выдыхаемой миллионами людей влагой. Якобы рядом строят копии, которые и показывают туристам, что, на мой взгляд, совершенно правильно.

***

Они сидели в баре на берегу моря. Шелест волн, фило-софская задумчивость южной ночи настраивали на романти-ческий лад. Валерий Николаевич, взяв Машу за руки и нежно глядя ей в глаза, читал стихи Сергея Есенина. Наступила пауза.

«Какая же она милая, – подумал он. – Милая и кроткая. За эти два года она ни разу меня ни о чем не попросила, нико-гда ничего не потребовала. Интересно, она меня любит или ей руководит расчет? Впрочем, о каком расчете может идти речь, ведь мое предложение станет для нее полной неожиданностью, если не сказать потрясением. Сколько же ей, бед-ной, довелось пережить! Я сделаю все от меня зависящее, чтобы она была со мной счастлива».

Он продумал как сделает предложение. Прислуга ресто-рана под бой барабанов поздравляет за ужином тех, у кого день рождения. Он договорился с администратором о том, чтобы к ним присоединились аниматоры, дабы поздравление было более красочным и помпезным.

«Интересно, женится он на мне или так и останусь содер-жанкой? – размышляла в это же время Маша. – Мы уже два года вместе, сколько за это время я классных мужиков от-шила, от стольких удовольствий отказалась, и все ради чего? Натешится, да и бросит меня. Или, не дай Бог, помрет, а я останусь ни с чем. Нет-нет, надо срочно что-то делать. Вот прямо на его юбилее и поставлю ему условие “Или ты на мне

женишься, или мы расстаемся!”»

А если он выберет расставание?.. От такой перспективы у Маши мурашки побежали по коже. Она уже так привыкла к его опеке и вниманию, к достатку, беззаботной жизни... Да и уходить ей, в сущности, некуда...

***

В отель въехали несколько молодых людей из мало кому известной московской рок-группы. Они отрывались по полной, нарушая покой других постояльцев.

– Терпеть не могу людей, не считающихся с окружающими! – возмущалась Маша.

– Мне хорошо знаком такой тип, – заметил Валерий Николаевич. – Привлекут внимание неприятельных девиц своим бездарным бряцанием на гитаре и тут же начинают считать себя гениями. В сорок лет они нелепо ведут себя как недоросли, а после шестидесяти за стакан дешевого вина занимают подростков своими рассказами о сексуальных оргиях и былой популярности. Впрочем, вторая часть воспоминаний никого не интересует.

Они пошли на открытую театральную площадку, где по вечерам проводились дискотеки. Молодые люди неистовствовали в центре, расплескивая египетский виски из пластмассовых стаканчиков. Несколько изрядно поддатых девиц разбавляли их компанию.

– Русский вечер начался! – с сарказмом заметила Маша. – Вот из-за таких уродов иностранцы и не любят нас.

– Увы, но это так, – ответил Валерий Николаевич. – Приличных людей из числа наших соотечественников они с русскими не идентифицируют.

– Ну да! Все думают, например, что мы французы, и ко мне обращаются исключительно по-французски. Послушай, что-то похолодало, ты не хочешь выпить? – неожиданно спросила она.

– Не откажусь! А что тебе принести?

– Виски с колой, – попросила Маша и уже вдогонку крикнула: – Нет, пожалуй, лучше со льдом, две порции.

Когда Валерий Николаевич вернулся, Маша уже стояла в окружении хипующих молодых людей и громко смеялась, то и дело жадно прикладываясь к большому пластиковому стакану.

В какой-то момент она, вскинув руку над головой, командовала: «Всем танцевать!» и ринулась на танцпол. Компания с дикими воплями последовала за ней.

Валерию Николаевичу на мгновение показалось, что он находится на съемочной площадке: такие резкие перевоплощения ему доводилось видеть только там.

Бесноватая особа, скакавшая в кругу явно невменяемых парней, откровенно ее лапавших, никак не могла быть его милой и кроткой Машей.

– Вы меня, конечно, извините, но, по-моему, ваша спут-

ница несколько не в себе, – не без ехидства заметила стоявшая рядом пожилая дама, явно узнавшая в Валерии Николаевиче известного киноактера. От неловкости и смущения он не нашелся, что ей ответить.

Несколько минут Валерий Николаевич наблюдал за этим шабашем.

– К морю! Все к морю! Будем купаться голыми! – услышал он пьяный голос Маши.

Она побежала на пирс, и группа парней метнулась за ней, как молодые кобели кидаются за сукой во время течки.

Ночевать Маша не пришла. Валерий Николаевич нервничал, ревновал, корил себя за слабость. Обуревавшие его чувства не давали ему заснуть.

Он вспомнил предостережение приятеля: «Девочка такого возраста рядом с престарелым мужчиной – это бомба замедленного действия. Посмотри, сколько вокруг достойных зрелых и при этом моложавых женщин» и горько усмехнулся.

Утром Валерий Николаевич несколько раз заходил в ресторан в надежде найти ее там, но тщетно. После полудня, когда он уже собирался обратиться в администрацию по поводу ее исчезновения, на пляж высыпала ватага молодых людей, среди которых была и Маша. Растрепанная, с обнаженным торсом, она своим видом шокировала отдыхавшую там публику.

Наступил ступор. Сердце его остановилось, тело едва вос-

принималось как леденеющая плоть, разум отказывался осознавать и анализировать происходящее. А между тем это творилось с ним.

«Как же я смешон! Какая может быть женитьба при разнице в возрасте в сорок пять лет?» – думал Валерий Николаевич, наблюдая эту мерзкую сцену.

Но жалость к себе, стремление к самооправданию нашептывали: «Я искренне хотел ей что-то дать, чем-то помочь, сделать для нее что-то доброе, ведь я любил в ней больше нежную девочку, чем женщину. Нет, это было комичное и самоубийственное намерение».

Он вышел на пирс, достал из кармана крохотный футляр, вынул из него кольцо, которое собирался вручить ей сегодня за ужином в день своего семидесятилетия, и швырнул его в море.

– Ну вот и все! – прошептал Валерий Николаевич. – Вот и все! – повторил он громко. – И слава Богу!

Он всей грудью вдыхал в себя морской бриз, приносящий всю гамму красок жизни от черного до золотисто солнечного.

«Слава Богу, что все это произошло здесь и теперь, а не позже дома, когда бы он совершил опрометчивый поступок, сблизившись с этим маленьким чудовищем», – уже почти радовался он.

Спокойно, словно обновленный, Валерий Николаевич вернулся в номер, собрал свои вещи, достал из сейфа Ма-

шин паспорт, вложил в него деньги на такси и отправился на поиски другого пристанища.

***

Долго искать не пришлось. Номер на первом этаже с огромной террасой удалось снять в отеле неподалеку.

На следующий день заехала большая группа украинцев. Наступило общее оживление, отовсюду слышалась громкая речь и жизнерадостный смех.

– Пидарасты пошли, – указывая на двух высоких красивых мужчин, один из которых был значительно старше другого, заключил здоровяк с холкой, как у запорожского казака. Все дружно расхохотались. Слово «Fater», постоянно звучавшее из уст молодого человека, им было неизвестно.

В соседнем номере поселилась молодая женщина с ребенком.

После обеда Валерий Николаевич сидел на террасе в тени цветущих деревьев и лениво потягивал коктейль, когда, перебравшись через небольшую клумбу, к нему подбежал соседский мальчик лет пяти и, потянув его за рукав, грустно глядя на него огромными голубыми глазами, спросил:

– Ты мой батька?

– Нет, – растерянно ответил Валерий Николаевич.

– Не ображайте внимания, он у всех мужчин спрашивает, – пояснила мама ребенка. – Растет без отца, вот и спра-

шивает. А вы русский? – с подозрением добавила она.

– Нет, я белорус.

Лицо ее просветлело, и она затараторила:

– Боже ш, как здесь тепло, как красиво, все цветет, здесь что, лето?

– Нет, – ответил он, – здесь, как и у нас, весна, правда, их весна как наше лето, даже чуть теплее.

– Вы тоже с семьей? – поинтересовалась она.

– Нет, я один.

После ужина он принял душ и в халате вышел на террасу. Соседка сидела за столиком и в одиночестве осваивала горилку.

– Как тебя зовут, сосед? – весело спросила она.

– Валерий.

– А меня Лида. У тебя есть горячая вода? А-то у меня кран сломан.

Не дожидаясь ответа, она прошмыгнула в его номер. Когда Валерий Николаевич туда вернулся, соседка лежала в чем мать родила на его кровати, кокетливо подперев голову рукой и похотливо улыбаясь. От неожиданности он остолбенел. Соседка поманила его к себе и опрокинулась на спину.

«Так, значит, я еще мужчина хоть куда, коль скоро на меня западают молодые женщины... Ну прямо бальзам на мою израненную душу!» – подумал Валерий Николаевич и решительно сбросил халат.

Новая знакомая оказалась весьма страстной особой и так

громко кричала, что он начал бояться, как бы на ее вопли не сбежались люди.

– Шо, все у вас в Минске такие ушлые до секса? – игриво спросила она.

– Я не из Минска, а из Петербурга, – ответил он.

– Ты ж сказал, шо белорус? – встревожилась Лида.

– Да, я белорус, но живу в Санкт-Петербурге.

– Москаль, москаль, рятуйте! – вдруг заорала она, стыдливо прикрывая грудь простыней. – Рятуйте, насилуют! Пошел вон, проклятый москаль!

Она столкнула его с кровати.

– Вообще-то это мой номер, – растерянно пробормотал Валерий Николаевич, оказавшись на полу.

– Шо!?! – протянула она.

– Это мой номер, – повторил он, надевая плавки. – И между прочим, я тебя сюда не звал, – он пытался казаться спокойным, хотя сердце бешено колотилось от страха, поскольку он знал, что тюрьмы в Египте ужасные и к насильникам в них относятся ничуть не лучше, чем в местах заключения на его родине.

Молодайка выскочила на террасу, но через минуту вернулась, молча пронеслась мимо него в ванную, схватила свою одежду и убежала.

Валерий Николаевич понимал, что полицию вызывать она не станет, но все же вздрагивал от каждого звука, пока не заснул. Правда, спал он крепко и долго.

***

Он увидел Машу уже в аэропорту. Она сидела у окна и что-то нервно набирала на своем смартфоне. То ли сочиняла очередное оптимистичное послание одноклассникам, то ли отправляла сообщение в «Фейсбук» о путешествии в древний Египет, то ли крыла матом в «Твиттере»...

Оба сделали вид, что не знакомы. Девушка выглядела, мягко говоря, далеко не лучшим образом: опухшее землистое лицо, мешки под глазами, тусклые волосы... Глядя на нее, Валерий Николаевич не испытывал никаких чувств, кроме брезгливой жалости. «Не приведи Господь оказаться рядом с ней в самолете!» – подумал он.

Объявили посадку. Он резко встал, и вдруг все поплыло у него перед глазами. Валерий Николаевич схватился за сердце и мягко, как на сцене, повалился на пол, погружаясь в густой и липкий туман.

Маша вскочила и кинулась, было, к нему, но остановилась на полпути, вернулась, взяла сумку и пошла на посадку.